

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ  
И БАЛКАНИСТИКА  
ЗА РУБЕЖОМ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Институт славяноведения и балканистики

# СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И БАЛКАНИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва 1980

Сборник содержит историографические статьи и обзоры, освещающие современное состояние славяноведения и балканистики в зарубежных странах. Включенные в сборник материалы касаются деятельности международных организаций и национальных научных центров в названных областях науки, характеризуют отдельные издания и разработку некоторых важных проблем в специальной зарубежной литературе, преимущественно за последние годы.

Редакционная коллегия:

В. И. БЕЛЯЕВА, А. Н. ГОРЯИНОВ,  
В. А. ДЬЯКОВ, М. Н. КУЗЬМИН,  
А. С. МЫЛЬНИКОВ (ответственный редактор),  
К. Л. СТРУКОВА

## ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние десятилетия в мире происходит неуклонное повышение научного и общественного интереса к языку, истории и культуре славян и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Интерес этот не случаен. Он отражает успехи, достигнутые народами этой части Европейского континента на путях социального и духовного прогресса, является следствием расширения научного и культурного сотрудничества в международном масштабе. Деятельность международных научных организаций, в которых советские слависты и балканисты принимают активное участие, широкий географический ареал и многоаспектность славянских и балканских исследований, наконец, постоянно нарастающий поток специальной разноязычной литературы — все это диктует необходимость поиска новых форм научной информации, которые помогали бы советским ученым следить за развитием этих областей знания.

С этой целью Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР предпринял опыт создания первого специализированного междисциплинарного сборника, носящего комплексный научно-информационный и историографический характер. Сложность задач, которые при этом стояли перед авторским коллективом и редколлегией, очевидна.

Прежде всего она связана с различиями, существующими в разных странах в понимании предмета исследования, особенно славяноведения. Не останавливаясь на этом специально, заметим, что советские ученые рассматривают не только балканистику, что общепринято, но и славистику (в отличие от их коллег за рубежом, особенно в западных странах) в совокупности, как комплекс дисциплин, изучающих язык, историю и культуру славян и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы в их настоящем и прошлом, в контексте связей этих народов как между собой, так и с народами других регионов.

Другим, не менее существенным вопросом был отбор материалов, подлежащих включению в сборник. Очевидно, что в рамках одного издания, являющегося к тому же первым опытом такого рода, практически невозможно сразу отразить все вопросы, заслуживающие внимания. Это побудило редколлегию познакомить читателей в первую очередь с деятельностью представительных международных организаций, в рамках которых в настоящее время осуществляется сотрудничество между советскими и зарубежными учеными, работающими в области славяноведения и балканистики. Таковы материалы, посвященные деятельности Международного комитета славистов и итогам проведенного им VIII Международного съезда славистов (1978); деятельности работающих под эгидой ЮНЕСКО Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, которая была основана в 1963 г., и Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур, учрежденной в 1976 г.; результатам двадцатилетней работы Международной комиссии по истории славистики.

Говоря о современном состоянии славянских и балканских исследований в зарубежных региональных и национальных центрах, нельзя не отметить их широкого географического и тематического диапазона. Они ведутся ныне не только в тех странах, в которых имеют давние традиции, восходящие к концу XVIII — первым десятилетиям XIX в. (Советский Союз, Чехословакия, Югославия, Польша, Болгария, ГДР, ФРГ, Австрия, Франция и др.), но и там, где, как, например, в США, Канаде или Австралии, они оформились в самостоятельную область научного исследования только в XX в. Подобная неравномерность процесса становления мировой науки о славянских и балканских народах оказывает влияние в отдельных странах не только на характер и направленность проблематики исследований, но порой и на весьма существенные различия в методологическом подходе к ним.

Эти особенности научного развития получили отражение в содержании и структуре сборника, который состоит из трех разделов: «Организации и центры международного характера», «Состояние исследований в отдельных странах» и «Историография отдельных проблем». Принимая во внимание задачи каждого из разде-

лов и специфику включенного в них материала, редколлегия сочла возможным наряду с оригинальными статьями, поместить в сборнике информационные обзоры и рефераты. В основе последних — сведения, почерпнутые из официальных изданий научных центров и организаций, а также из других источников, опубликованных в зарубежной печати. Авторский коллектив и редколлегия стремились при этом наиболее полно и объективно отразить реальное состояние мирового славяноведения и балканистики, руководствуясь интересами дальнейшего укрепления делового сотрудничества в этих областях между учеными разных стран.

Именно поэтому в случаях, когда некоторые авторы зарубежных публикаций приводили неточные сведения либо делали выводы, не отвечающие современному уровню науки или духу международного сотрудничества, это в соответствующих местах оговаривалось.

Редколлегия отдает себе отчет в том, что в одном сборнике нельзя исчерпать всего многообразия и сложности процессов развития современных славистических и восточноевропейских исследований за рубежом. И в дальнейшем одной из важнейших задач должен быть показ двустороннего и многостороннего сотрудничества в этих областях между социалистическими странами, с научными центрами и учеными других государств. Заслуживают расширения как географические, так и тематические рамки такой информации с целью комплексного охвата всех дисциплин, входящих в сферу славистики и балканистики. Учитывая актуальность и своевременность освещения и критического анализа опыта мировой науки о славянских и балканских народах, редколлегия надеется вернуться к этому в дальнейшем.

*Редколлегия*

# I. ОРГАНИЗАЦИИ И ЦЕНТРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

М. А. РОБИНСОН

## МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ: К ИТОГАМ VIII МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

Международные съезды славистов имеют давнюю традицию. Первый съезд славистов состоялся в Праге в 1929 г., второй — в Варшаве в 1934 г., третий предполагалось провести в Белграде в 1939 г. Съезд был подготовлен, но не был открыт из-за начавшейся второй мировой войны, поэтому третьим Международным съездом славистов было решено считать совещание в Белграде в 1955 г. Это совещание было проведено по инициативе президента Сербской Академии наук и искусств А. Белича. На совещании-съезде был учрежден Международный комитет славистов (МКС) как постоянный научный орган. Председателем первого состава МКС был избран академик В. В. Виноградов (СССР).

МКС принял решение собирать съезды славистов через пять лет поочередно в славянских странах. Председателем и первым вице-председателем МКС избираются члены МКС — представители той страны, в которой состоится очередной съезд. В соответствии с этим решением IV Международный съезд славистов был проведен в Москве в 1958 г., V — в Софии в 1963 г., VI — в Праге в 1968 г., VII — в Варшаве в 1973 г., VIII — в Загребе — Любляне в 1978 г. Очередной съезд славистов решено провести в Киеве в 1983 г.

При образовании МКС в его состав входили 22 страны, в настоящее время МКС объединяет руководителей национальных комитетов славистов 26 стран.

При подготовке каждого съезда МКС по представлениям национальных комитетов славистов определяет основные темы съезда, сгруппированные по пяти постоянным секциям: языковедческой, литературоведческой,



литературно-лингвистических проблем, фольклорной, общекультурных и исторических проблем. Затем МКС на своих пленарных заседаниях отбирает и утверждает конкретные темы докладов, каждая из которых соответствует той или иной теме съезда. Наконец, МКС разрабатывает и утверждает календарную программу работы съезда. Доклады публикуются национальными комитетами славистов и распространяются между странами-участницами до начала работы очередного съезда. Начиная с VI съезда руководство МКС издает накануне съездов книгу-резюме всех докладов. Рабочими языками съездов славистов являются все славянские, а также английский, немецкий и французский языки.

После IV съезда МКС подготовил и издал подробнейший отчет о работе съезда<sup>1</sup>, подобные издания в дальнейшем не предпринимались. Кроме того, после IV и VI съездов были полностью изданы материалы дискуссий, содержащие все выступления по докладам<sup>2</sup>.

По существующей традиции Советский комитет славистов издал к последнему съезду славистов три тома докладов<sup>3</sup>; доклады украинских и белорусских славистов издаются Украинским и Белорусским комитетами славистов в виде отдельных брошюр, так же издаются доклады представителей университетов.

В настоящее время председателем МКС и Советского комитета славистов является академик М. П. Алексеев; члены МКС от СССР — академики И. К. Белодед, П. Т. Тронько, член-корреспондент АН БССР М. Р. Судник, доктор филологических наук А. Н. Робинсон.

VIII Международный съезд славистов состоялся 3—9 сентября 1978 г. В нем приняли участие слависты 26 стран, представленных в составе МКС: Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, ГДР, Голландия, Греция, Дания, Израиль, Италия, Канада, Норвегия, Польша, Румыния, СССР, США, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехословакия, Швейцария, Швеция, Югославия, Япония. Японские делегаты впервые приняли участие (без докладов) в съезде славистов. На съезде присутствовало около 1500 ученых. Советская делегация, направленная на съезд, состояла из 98 ученых. На съезде было прочитано около 900 докладов и сообщений. Работали пять секций (языкознание, литературоведение, литературно-лингвистические проблемы, фольклористика, история), которые подразделялись на 11 под-



секций (всего было проведено 84 заседания). Состоялось одно пленарное заседание съезда (его открытие) и одно заседание МКС. Вопреки традиции съездов славистов программа VIII съезда не предусматривала пленарного заключительного заседания.

Съезд славистов был подготовлен Международным комитетом славистов и его Президиумом: председатель акад. Б. Крефт (СФРЮ), вице-председатели: академики И. Франгеш (СФРЮ), М. П. Алексеев (СССР), В. Георгиев (Болгария), В. Хензель (Польша), первый секретарь проф. В. Анич, второй секретарь д-р П. Шимунович (СФРЮ). Под руководством МКС действовали Югославский комитет славистов, организационный комитет VIII Международного съезда славистов, Секретариат и национальные комитеты славистов.

Деятельность съезда протекала в целом в соответствии с теми решениями, которые были приняты МКС на пленарных совещаниях в Берлине (1975), Мюнхене (1976), Салониках (1977) при активном участии национальных комитетов славистов 25 стран. С советской стороны в подготовительной работе МКС (проблематика съезда, отбор докладов) на совещаниях в Берлине и Мюнхене принимали участие М. П. Алексеев, член МКС председатель Белорусского комитета славистов член-кор. АН БССР М. П. Судник, заместитель председателя СКС член-кор. АН СССР Д. Ф. Марков, заместитель председателя СКС доктор филологических наук А. Н. Робинсон. Утверждение пленарной программы съезда по югославскому проекту (в Салониках) проходило без участия советских ученых.

Идейная значимость и научное содержание работы съезда славистов были определены таким образом, чтобы они отвечали прогрессивным задачам развития данной области знания и охватывали все разделы славистики с выделением в каждой из них наиболее актуальных проблем.

Научные и организационные мероприятия, осуществленные МКС и национальными комитетами славистов в соответствии с Уставом МКС, содействовали тому, что в докладах и сообщениях, состоявшихся на съезде, был поднят ряд принципиальных проблем и вопросов. Дискуссии по докладам и сообщениям были в значительной мере подготовлены их участниками, так как они в большинстве случаев основывались на ознакомлении с зара-

нее опубликованными текстами докладов и сообщений. Дискуссии были насыщены научным содержанием, велись активно и оживленно, но, к сожалению, слишком децентрализованно. Как правило, дискуссии протекали в спокойной атмосфере научных споров. Во многих случаях съезд славистов содействовал укреплению полезных научных контактов между его участниками.

Пленарное заседание съезда открылось в 10 часов утра 4 сентября 1978 г. в концертном зале «Ватрослав Лисинский» вступительным словом председателя МКС Б. Крефта (СФРЮ). С приветствиями выступили: от славянских стран М. П. Алексеев (СССР), от неславянских стран профессор П. Гард (Франция), от имени Союзного исполнительного веча д-р И. Марган (заместитель Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ), от имени Совета Академий наук и искусств СФРЮ его председатель академик М. Апостольский, от имени Югославской академии ее президент академик Я. Сироткович, от имени ЮНЕСКО П. Падас (Индия). Затем от имени съезда Б. Крефт приветствовал старейших славистов М. П. Алексеева и югославского профессора И. Бадалича. В своей приветственной речи М. П. Алексеев от имени Советского комитета славистов Академии наук СССР, Украинского комитета славистов Академии наук УССР, Белорусского комитета славистов Академии наук БССР пригласил делегатов VIII Международного съезда славистов принять участие в IX Международном съезде славистов, который должен состояться в 1983 г. в СССР, в Киеве.

Тематика VIII Международного съезда славистов формировалась в значительной степени под знаком 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, отмечавшегося 9 сентября.

На пленарном заседании академик М. П. Алексеев прочел доклад «Лев Николаевич Толстой». С докладами выступили также профессор Р. Маринкович — «Коммуникации как фактор структуры средневековой книжности» (СФРЮ, Сербия), академик И. Франгеш — «Мирослав Крлежа» (СФРЮ, Хорватия), академик Б. Конески — «Фактор традиции в развитии славянских литературных языков XIX и XX вв.» (СФРЮ, Македония).

Многообразная проблематика нашла свое отражение в докладах, сообщениях и дискуссиях, проходивших в секциях.

В секции языкознания рассматривались всегда привлекавшие внимание участников съезда славистов вопросы праславянского языка как системного целого. Определенное внимание уделялось объединяющему литературному значению старославянского языка.

Важное теоретическое значение приобрела проблема происхождения, формирования и периодизации народных и в особенности литературных языков, исследование которых основывалось на социально-исторических и историко-лингвистических данных. Различные проблемы изучения славянских языков в их истории и современном состоянии обсуждались с учетом взаимодействия этих языков с неславянскими языками и воздействия на них иноязычных элементов, в первую очередь греко-латинских, а затем финно-угорских, тюркских, германских и романских. Теоретические и практические вопросы лексикологии изучались в связи с этимологией и словообразованием в плане формальном и семантическом с позиций синхронического и диахронического анализа. Большой интерес был проявлен к различным аспектам исследования всех славянских языков.

По сравнению с предшествующими съездами славистов усилился интерес к таким проблемам, как научно-технический прогресс и язык, тенденции в развитии современных диалектов, соотношение различных уровней языка и речи, теория аспектологии. Ведущее место среди лингвостилистических проблем занимали теория поэтического языка, фольклорный источник в поэзии различных народов.

На одном из заседаний языковедческой секции в выступлении А. Горбача (ФРГ) содержались антисоветские и националистические выпады. А. Горбач пытался навязать свои взгляды участникам дискуссий по докладам члена-корреспондента АН УССР В. М. Русановского («Народноразговорный язык как источник развития восточнославянских литературных языков») и доктора филологических наук Л. С. Паламарчука («Номинация как средство обогащения словарного состава современных восточнославянских языков»). Утверждения А. Горбача об отсутствии общего древнерусского языка и т. п. были подвергнуты решительной критике советскими делегатами.

В секции литературоведения центральное место занимали проблемы методологии сравнительного изучения

славянских литератур на всем протяжении их истории, поэтики и типологии славянского романа, развитие направлений, стилей и жанров в славянских литературах на рубеже XIX—XX вв., закономерности развития, связи и типологии древних славянских литератур. Особо выделялась тема «Лев Толстой и мировой литературный процесс» (кроме пленарного доклада М. П. Алексеева, советские доклады А. М. Адамовича, В. С. Барахова, Н. Е. Крутиковой в соавторстве с Т. П. Заморий и М. Д. Бажиновой). Следует подчеркнуть увеличение по сравнению с предшествующим съездом методологической проблематики, возросший теоретический уровень постановки проблем сравнительно-типологического литературоведения. Доклады советских делегатов были наиболее содержательными и методологически аргументированными в практическом применении сравнительно-типологического подхода к характеристике основных процессов, тенденций и закономерностей развития литературы на важнейших этапах истории всех славянских литератур. Оживленно обсуждались на съезде проблемы, связанные со «Словом о полку Игореве», были представлены неопровержимые доказательства его подлинности, исследовались его идейное содержание, символика, место в поэтической системе средневековья (доклады А. Н. Робинсона, В. М. Григоряна). Большое внимание на съезде было уделено изучению основных направлений в славянских литературах XX в., а именно: реализма, социалистического реализма, авангардизма и модернизма в их различных исторически видоизмененных формах, разных социально-идеологических функциях и соотношениях. Сравнительное изучение современных славянских литератур получило большое и плодотворное развитие в проблемных докладах членов советской делегации и делегаций Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии.

В секции литературоведения имела место активная полемика по вопросам общего идеологического значения. Западногерманские слависты И. Хольтхузен и Х. Имендорф пытались в искаженном виде представить творчество Н. Заболоцкого и Д. Бедного, израильский славист Д. Толстой-Сегал — творчество А. Платонова. С тенденциозным докладом выступила датская славистка Л. Т. Шаке «Спиридон Егоров и Платон Каратаев: (Об отрицании идей Л. Толстого в творчестве А. Солжени-

цына)». Серьезные теоретические ошибки содержали доклады В. Маркова (США) «К вопросу о границах декаданса в русской поэзии», Э. Бристол (США) «Романтизм и натурализм в произведениях русских футуристов», З. Фолиевского (Канада) «Место футуризма в западно- и южнославянской поэзии», В. Эджертона (США) «Рецепция трактата Л. Н. Толстого „Что такое искусство?“ в Европе и Америке». С авторитетной и весьма обоснованной критикой этих докладов выступили советские ученые: В. И. Борщук, Г. Д. Вербес, Н. Е. Крутикова, И. Я. Науменко, П. А. Николаев, М. П. Пархоменко, Г. С. Черемин и др.

В литературно-лингвистической секции основные проблемы касались исследований в области исторической поэтики, системы стилей и их функции в славянских литературах и литературных языках. Во многих докладах освещались вопросы изучения языка художественных произведений, стилистического своеобразия отдельного произведения, творчества писателя, разновидностей художественной речи. Уделялось внимание задачам изучения своеобразия типов литературного языка, природы функционального стиля (публицистический, административный, официально-деловой и т. п.). Рассматривались также вопросы семантической и формальной структуры текста, характер организации текста, стилистически значимые средства языка. Особое внимание было уделено истории литературного языка, в частности языка Л. Н. Толстого. Советских докладов в этой секции было явно недостаточно (доклады К. Григаса, Н. Н. Пилинского и сверх программы А. Н. Кожина). Нужно отметить, что в данной секции слависты США прочли 19 докладов, хотя и в значительной мере частных по своей тематике.

В секции фольклористики большая часть докладов и научная дискуссия были сконцентрированы вокруг двух основных проблем: фольклор славянских народов в системе социалистической культуры и поэтика фольклора, его жанровая специфика. Особое внимание было уделено концепции современного фольклора, его связи с другими видами искусства и поэтическому творчеству славянских народов периода второй мировой войны — партизанскому фольклору. Доклад М. Фридберга (США) «Еврейские фольклорные мотивы в творчестве Исаака Бабеля», содержащий выпады против совет-



ской фольклористики, получил аргументированную критику со стороны В. Е. Гусева и Б. П. Кирдана.

В секции общеславянских историко-филологических проблем основные темы относились к славянскому этногенезу, формированию славянских народностей, национально-освободительной борьбе южных славян в XIX в., истории славистики (доклады академика А. Л. Нарочницкого, члена-кор. Д. Ф. Маркова, члена-кор. АН УССР И. Н. Мельниковой и др.). Важное значение имел доклад Л. Б. Валева, И. И. Костюшко, М. М. Сумароковой, посвященный тому огромному воздействию, которое оказала Великая Октябрьская социалистическая революция на революционно-освободительную борьбу славянских народов, на образование ряда независимых славянских государств. Научная деятельность секции была нарушена лишь докладом В. Фишера (Франция) «Региональные рамки: славизм, федерализм и коммунизм, от журнала „Балканская коммунистическая федерация“ до Всеславянского комитета (1924—1946 гг.)», трактовавшим вопросы «русоцентризма» и содержавшим антисоветские положения. Советские ученые А. Л. Нарочницкий и Л. Б. Валева подвергли доклад убедительной критике.

Международные славистические комиссии, состоящие при МКС, как правило, проводят свои обязательные заседания во время работы съезда славистов. Программа VIII Международного съезда славистов не предусматривала специального дня для заседаний комиссий. Тем не менее ряд комиссий собирался во время работы съезда. Международная комиссия по истории мировой славистики (председатель Д. Ф. Марков, СССР) рассмотрела работу, проведенную по подготовке издания пятитомного труда по истории мировой славистики. Две книги из этой серии, подготовленные в СССР и ЧССР, вышли к данному съезду; к IX съезду должны выйти остальные книги.

Международная комиссия по изучению балто-славянских отношений (председатель К. П. Корсакас, СССР) заслушала отчетный доклад о деятельности комиссии в период между VII и VIII съездами славистов, состав комиссии был пополнен четверью новыми членами. Итоги работы за последние пять лет обсуждались также на заседании Международной комиссии по фольклору (председатель К. Горалек, ЧССР). При активном уча-

сти советских ученых В. Е. Гусева, Б. П. Кирдана, В. А. Юзвенко был составлен пятилетний план работы комиссии. Этим планом предусмотрены создание фундаментальных работ по поэтике фольклора, дальнейшая разработка проблем фольклора второй мировой войны, публикация партизанского фольклора.

Международная комиссия по истории общественной мысли славянских народов, созданная между VII и VIII съездами славистов, рассмотрела план издания серии «Из истории общественной мысли славянских народов»; к IX съезду славистов предусмотрено издание пяти выпусков этой серии.

7 сентября в Любляне состоялось XIX пленарное совещание МКС. Этому совещанию предшествовало закрытое заседание Президиума МКС в следующем составе: председатель МКС акад. Б. Крефт (СФРЮ), вице-председатели акад. М. П. Алексеев (СССР), акад. В. Георгиев (Болгария), акад. В. Хенсель (Польша), акад. И. Франгеш (СФРЮ), секретари В. Анич и П. Шимунович (СФРЮ). На пленарном заседании МКС председательствующий Б. Крефт предложил избрать новым председателем МКС М. П. Алексеева и одобрить его предложение о созыве IX съезда славистов в СССР (Киев, 1983). Впервые членом МКС был единогласно избран славист из Японии проф. С. Кимура. Краткое сообщение о работе международных славистических комиссий сделал Я. Басара (Польша). Акад. Й. Хамм (Австрия) развил это сообщение и указал на желательность пополнения Транскрипционной комиссии советскими учеными.

Была избрана комиссия для уточнения Устава МКС (Й. Хамм — председатель, В. Хенсель, И. Франгеш); комиссии поручено подготовить свои предложения к следующему заседанию МКС.

Все остальные вопросы, связанные с подведением научных итогов VIII съезда и подготовкой IX съезда славистов, были отложены на следующее пленарное заседание МКС, которое состоится в Будапеште.

---

<sup>1</sup> IV Международный съезд славистов: Отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 374 с.

<sup>2</sup> IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Том первый. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики; Том второй. Проблемы славянского языкознания. 1177 с.; VI Mezinárodní sejezd slavistů



tú v Praze 1968. Praha, 7—13.VIII. Acta sjezdů. Praha: Academie, 1970. T. 1/2. 780 S.

<sup>3</sup> Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.: Доклады советских делегаций. М.: Наука, 1978. 520 с.; Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов, Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978, 469 с.; История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов, Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. 518 с.

М. Н. КУЗЬМИН, Я. А. ЛЯТКЕР

## МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) была учреждена в соответствии с решениями XVIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО во время международной конференции «Славянские культуры в истории европейских культур XVIII—XX вв.» (Берлин, 25—30 октября 1976 г.).

Сам факт ее создания явился закономерным следствием и непосредственным результатом успешного осуществления Славянского проекта ЮНЕСКО, принятого в 1970 г. на основании решений XVI-сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и представляющего собой широкую программу международных мероприятий в области изучения и популяризации культур славянских народов. В рамках этой долгосрочной программы были проведены четыре крупные международные конференции: «Гуманистические и социальные ценности славянских литератур» (Варшава, 1972), «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций» (Москва, 1974), «Славянские культуры и Балканы» (Варна, 1975) и «Славянские культуры в истории европейских культур XVIII—XX вв.» (Берлин, 1976).

Во время последней из упомянутых конференций, организованной в рамках Славянского проекта ЮНЕСКО Академией наук ГДР и Комиссией ГДР по

делам ЮНЕСКО, состоялось расширенное совещание экспертов Славянского проекта (51 человек из 24 стран, а также представитель Секретариата ЮНЕСКО). Это совещание явилось учредительным заседанием Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Созыв такого совещания был подготовлен силами ученых-славистов на нескольких предшествующих консультативных совещаниях по проблемам изучения славянских культур, проведенных в рамках Славянского проекта ЮНЕСКО: Парижское совещание 15—17 мая 1972 г., совещания в Варшаве (24—25 августа 1973 г.) и Берлине (9—11 октября 1975 г.), а также совещание по подготовке проекта Устава МАИРСК (Париж, 11—12 мая 1976 г.).

На учредительном заседании был обсужден и принят Устав МАИРСК на основе указанного Парижского проекта, уточненного в свою очередь Секретариатом ЮНЕСКО после соответствующих консультаций.

На учредительном заседании были избраны руководящие органы Ассоциации — Совет и Бюро. Президентом Ассоциации был единодушно избран член-корреспондент АН СССР директор Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Марков, известный литературовед, автор работ по истории славянских литератур, по проблемам теории социалистического реализма и методологии комплексных культурно-исторических исследований. Вице-президентами Ассоциации были избраны Э. Георгиев (София), А. Рышкевич (Варшава), С. Вольман (Прага), А. Флакер (Загреб), Г. Цигенгайт (Берлин), Р. Оти (Оксфорд), В. Эджертон (Блумингтон, США). Секретарями МАИРСК были избраны В. И. Злыднев (Москва) и Л. Робель (Париж).

Создание международной ассоциации, объединяющей ученых-славистов из социалистических, капиталистических и развивающихся стран, несомненно, отражало тенденцию неуклонного увеличения интереса к многовековой самобытной культуре славянских народов, к современной жизни славянских стран, добившихся в последние десятилетия в условиях социализма выдающихся успехов в экономической и культурной деятельности.

Как отмечает президент Ассоциации проф. Д. Ф. Марков в первом номере Бюллетеня МАИРСК, «одной из основных черт культурного развития нашего времени является осознание всего разнообразия, всего богатства

народного достояния, созданного различными нациями. Нет на земле ни одного народа, даже самого малочисленного, который бы не внес свой вклад в общечеловеческую сокровищницу художественных ценностей. Подытожить этот вклад, сделать так, чтобы он был доступен каждому и приносил результаты — все это требует огромных усилий всего человечества... Среди многих культур мира выдающееся место занимает культура славянских народов, игравших и играющих огромную роль в мировой истории.

Значительность вклада славян в духовное и художественное развитие человечества как в прошлом, так и в настоящем общепризнана и подтверждена самим мировым культурным процессом, использующим в возрастающем объеме эстетические и этические достижения и импульсы славянской культуры»<sup>1</sup>.

Первое заседание Бюро МАИРСК состоялось 31 мая — 3 июня в Москве, по месту пребывания президента Ассоциации. На первом заседании Бюро был обсужден большой круг вопросов, касающихся важнейших сторон деятельности Ассоциации. Бюро заслушало информацию о ходе выполнения Славянского проекта за период со времени Берлинской конференции и отметило, что план издания по Славянскому проекту успешно выполняется. Вместе с тем Бюро предложило ряд конкретных мер по ускорению выпуска «Антологии славянской лирики XIX—начала XX в.» и двух брошюр (об А. Пушкине и А. Мицкевиче) из серии «Выдающиеся деятели славянской культуры». Для завершения работы по «Антологии славянской лирики XIX—начала XX в.» Бюро признало целесообразным образовать международную редколлекцию.

Бюро одобрило рекомендацию группы экспертов-искусствоведов о продолжении серии альбомов по славянскому искусству, наметив в качестве ближайших «Альбом тканей и костюмов славянских народов» и «Альбом по керамике и стеклу у славян». Бюро поручило проф. А. Рышкевичу координировать все работы по подготовке упомянутых альбомов, опираясь на группу искусствоведов, участвующих в реализации Славянского проекта.

<sup>1</sup> Марков Д. Ф. От проекта ЮНЕСКО к международной ассоциации.— Бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. ЮНЕСКО, Париж, 1977, вып. I, с. 1.

Отметив успех предшествующих конференций комплексного характера в рамках Славянского проекта, Бюро решило продолжить эту практику и запланировало провести междисциплинарную конференцию «Современные славянские культуры», которая и была проведена в Киеве 28 мая—1 июня 1979 г., а также обсудить с Международной ассоциацией по изучению культур народов Центральной Азии вопрос о проведении в будущем конференции «Славянские культуры и Восток».

На Бюро были обсуждены вопросы, касающиеся организационной стороны деятельности Ассоциации, были приняты, в частности, рекомендации о создании национальных комитетов Ассоциации в отдельных странах и об образовании проблемно-тематических комиссий, которые должны действовать в тесном контакте с национальными комиссиями по делам ЮНЕСКО и представлять Ассоциацию в соответствующих странах. В случае когда это затруднительно, рекомендовано возложить функции подобных организаций на уже существующие родственные славистические организации или центры, которые также должны действовать в контакте с национальными комиссиями по делам ЮНЕСКО.

Что касается проблемно-тематических комиссий, которые рекомендовало создать Бюро, то эти комиссии возьмут на себя разработку важных научных проблем, касающихся основных направлений деятельности Ассоциации, используя при этом опыт национальных комитетов Ассоциации и комиссий других международных организаций.

Бюро одобрило предложение о создании группы информации и документации МАИРСК в Москве на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Основными задачами группы информации и документации МАИРСК являются: хранение всех материалов повседневной деятельности Ассоциации, в том числе постоянно действующих комиссий; переписка руководства МАИРСК с другими международными организациями; переписка президента с членами Бюро и Ассамблеи МАИРСК; содействие сбору научных материалов (подготовка досье, картотек, библиографии) по проблемам МАИРСК и ее комиссий; подготовка материалов к отчету о деятельности МАИРСК для Секретариата ЮНЕСКО и президента МАИРСК; предоставление мате-

риалов для Информационного бюллетеня МАИРСК и содействие его регулярному выпуску.

Учитывая, что значительная часть средств Ассоциации состоит из субсидий национальных комитетов и организаций, что все более возрастает число мероприятий, проводимых с финансовой помощью ЮНЕСКО из средств Славянского проекта, Бюро решило учредить должность казначея Ассоциации, поручив временно исполнять эту обязанность секретарю Ассоциации В. И. Злыдневу.

На заседании Бюро были рассмотрены также предложения, касающиеся определения задач Ассоциации, а также уточнения ряда пунктов Устава МАИРСК. Бюро единодушно отметило, что формулировка «распространение славянских культур», содержащаяся в наименовании Ассоциации и уставных ее положениях, полностью соответствует целям и принципам ЮНЕСКО. Создание Ассоциации явилось результатом длительной деятельности ученых-славистов разных стран по реализации Славянского проекта, и учреждение ее в Берлине проходило на основе согласия и взаимопонимания. Наряду с этим было признано уточнение нескольких статей Устава (функции Ассамблеи, соотношение Ассамблеи и Совета Ассоциации, членство в Ассоциации и т. п.).

Ознакомившись с состоянием публикаций по культуре славянских народов, Бюро поддержало рекомендацию издания важных славистических трудов, подготавливаемых в разных странах в серии работ, выходящих под эгидой ЮНЕСКО или МАИРСК.

Учитывая положительную работу, проведенную в Федеративной Республике Германии по образованию Национального комитета по славянским культурам, Бюро приняло решение временно кооптировать (до утверждения на Совете Ассоциации) в качестве члена Бюро историка-слависта проф. К.-Д. Гротхузена (Гамбург, ФРГ).

На расширенном заседании Бюро наблюдатели были ознакомлены с решениями Бюро о перспективном плане деятельности Ассоциации. Бюро заслушало информацию о работе Советского комитета по изучению и распространению славянских культур, аналогичного комитета УССР, Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, а также Комиссии по истории славяноведения Международного комитета славистов.



Второе заседание Бюро Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур состоялось под председательством Д. Ф. Маркова 13—15 июня 1978 г. в Париже.

Участников заседания приветствовал директор Отдела культуры ЮНЕСКО г-н Пушпа Дасс, отметивший плодотворность деятельности Ассоциации.

С отчетом о деятельности МАИРСК в 1977 — первой половине 1978 г. выступил секретарь Ассоциации В. И. Злыднев. Большое место в работе национальных комитетов в указанный период, отметил он, заняла подготовка к изданию материалов прошедших международных конференций 1972—1976 гг. В 1980 г. будут изданы материалы Варшавской, Московской и Варненской конференций.

В серии «Выдающиеся деятели славянских культур» завершена авторская работа над всеми книгами. На французском языке вышли первые книги этой серии — «Х. Ботев» В. Топенчарова (Болгария) и «М. Крлежа» М. Матковича (Югославия). Переведены книги о Т. Шевченко (УССР) и Ф. Скорине (БССР), на стадии перевода находятся рукописи книг о В. Незвале и Л. Новомеском (ЧССР), завершена авторская работа над очерками об А. Пушкине (СССР) и А. Мицкевиче (Польша).

Альбом по деревянной архитектуре и скульптуре славянских народов, в составлении которого участвовали искусствоведы всех славянских стран (координатор А. Рышкевич, Польша), готовится к изданию в Париже.

МАИРСК совместно с Международной ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы участвовала в подготовке и проведении международного colloquium «Византийская культура и славянский мир», состоявшегося в Москве и Киеве (24—29 января 1978 г.). В colloquium приняли участие ученые десяти стран: СССР, Болгарии, ГДР, Греции, Италии, Румынии, ФРГ, Франции, Чехословакии, Югославии. В докладах и сообщениях византологов и славистов, в числе которых были искусствоведы, литературоведы, историки, затрагивался широкий круг вопросов, связанных с художественной культурой народов Юго-Восточной Европы IX—XVII вв. Участники colloquium пришли к выводу, что прошедший обмен мнениями был весьма полезен для изучения истории культуры стран Юго-Восточной Европы.

В Скопле (Югославия) в июне 1978 г. проведен Международный симпозиум по проблемам богомилства. Его организаторами явились Академия наук Боснии и Герцеговины и Академия наук Македонии.

Болгарскими кинематографистами был подготовлен документальный фильм «Древние славянские культуры», который разослан по каналам ЮНЕСКО в заинтересованные страны и служит средством популяризации славянских культур.

Руководство МАИРСК в качестве коллективного научного консультанта приняло участие в подготовке (по просьбе главной редакции журнала) специального номера «Курьера ЮНЕСКО» (1978, № 9/10), целиком посвященного славянским культурам. Различные материалы для номера, включая статьи, фотоочерки, сообщения информационного характера, были подготовлены учеными всех славянских стран. В номере помещены статьи «История и культура славянского мира» (Д. Ф. Марков), «У истоков славянской общности» (В. Д. Королук), «Славяне и Византия» (Д. Ангелов, В. Литаврин), «Искусство моравской школы» (С. Родойчич), «Славянская литература борьбы и сопротивления» (А. Флакер), «Духовные узы славян» (С. Вольман), «Славяне и Запад» (И. Ф. Бэлза), «От Коперника до Королева» (Б. Суходольский) и др. Номер иллюстрирован более чем 100 фотографиями.

На основании решения первого заседания Бюро МАИРСК в 1977 г. был выпущен первый номер Информационного бюллетеня Ассоциации. В номер, подготовленный в Париже на французском и русском языках, вошли официальные документы об учреждении МАИРСК, материалы первого заседания Бюро, а также материалы о реализации Славянского проекта ЮНЕСКО.

На основании рекомендаций первого заседания Бюро МАИРСК с осени 1977 г. при Институте славяноведения и балканистики АН СССР была образована Группа информации, которая в координации с Секретариатом МАИРСК содействовала установлению более тесных контактов между членами Бюро и Совета МАИРСК.

Секретариат МАИРСК разослал в национальные комитеты Ассоциации письма с просьбой выявить наиболее значительные работы по культуре славянских народов и прислать свои рекомендации для проведения международных научных форумов в 1979—1980 гг., а



также дополнительно сообщить о тех мероприятиях, которые проводились или намечаются к проведению национальными комитетами в своих странах. Такие материалы должны послужить объединению усилий национальных комитетов по изучению и распространению славянских культур, помочь Секретариату в подготовке следующего номера Бюллетеня МАИРСК.

Бюро рассмотрело и одобрило предложенный украинскими славистами проект междисциплинарной научной конференции в Киеве — «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст». Задача конференции состоит в том, чтобы рассмотреть важнейшие аспекты развития славянских культур после второй мировой войны, охарактеризовать закономерности глубоких изменений в сфере культуры, проанализировать взаимодействие славянских культур, характер контактов в области культуры между славянскими и неславянскими народами. Конференция должна уделить должное внимание теоретическим вопросам развития современных славянских культур. Она будет носить комплексный характер.

На конференции, которая была проведена в Киеве с 28 мая по 1 июня 1979 г., рассматривались доклады и сообщения по темам: «Гуманизм и культура в современном мире; художественная культура славянских народов на современном этапе. Ее развитие, завоевания, художественные открытия и многообразие художественных форм и стилей»; «Проблемы взаимообмена и сотрудничества в области культуры между славянскими и неславянскими народами»; «Социально-исторический процесс и развитие культур славянских народов после второй мировой войны»; «Проблемы традиций и преемственности в современных славянских культурах»; «Методологические принципы комплексного изучения славянских культур»; «Язык и культура»; «Народные культуры в современной культуре славянских народов»; «Роль средств массовой коммуникации в развитии славянских культур»; «Традиции М. Горького и современная мировая культура».

Кроме пленарных и секционных заседаний, во время конференции состоялось заседание «круглого стола», на который были вынесены проблемы: «Традиции славянских культур и современность»; «Средства массовой коммуникации и славянские культуры»; «Современные славянские культуры и мировая культура».

Бюро приняло к сведению сообщения о создании национальных комитетов МАИРСК в Болгарии, Югославии, СССР, Франции, на Украине с включением в их состав широкого круга ученых и деятелей культуры. Бюро рекомендовало оформить национальные комитеты в Чехословакии, Польше и других странах, где уже существует для этого необходимая база. Бюро просило сообщить Секретариату в кратчайший срок все сведения о деятельности национальных комитетов. Бюро положительно отнеслось к письму Нидерландской комиссии по делам ЮНЕСКО о желании славистов Нидерландов сотрудничать с Ассоциацией.

Бюро заслушало сообщение профессора С. Вольмана о предполагаемых изданиях славистического характера в разных странах, которые могли бы быть выпущены под эгидой ЮНЕСКО или МАИРСК. В числе таких работ назывались: «Этнография славянских народов» (в трех томах, готовится в СССР совместно с другими славянскими странами); «Древнечешская библия» (в пяти томах, ЧССР); сборник, посвященный И. Г. Гердеру (на основе материалов симпозиума, прошедшего в ГДР); работы по истории славистики. Обсудив это сообщение, Бюро решило рекомендовать гриф ЮНЕСКО или МАИРСК лишь для тех работ, которые выполняются по программе Славянского проекта или по планам МАИРСК. Исключения следует рассматривать в каждом отдельном случае, решения по ним должны приниматься коллективно.

По вопросу о постоянно действующих проблемно-тематических комиссиях МАИРСК Бюро приняло решение образовать в составе Ассоциации следующие комиссии: по древнеславянским культурам (куратор — проф. Э. Георгиев); по славянским культурам XVIII—XIX вв. (проф. С. Вольман); по славянским культурам XX в. (проф. А. Флакер); по искусству славян (проф. А. Рышкевич); по распространению знаний о культуре славянских народов (проф. Р. Оти).

Бюро поручило С. Вольману и А. Флакеру подготовить конкретные рекомендации о создании комиссии по ренессансу и барокко в славянских культурах. Кандидатуры председателей упомянутых комиссий, а также ближайшие их планы было решено обсудить на Ассамблее в Загребе.

Бюро рассмотрело все поступившие предложения по усовершенствованию Устава МАИРСК. После внимательного изучения их Бюро единодушно приняло ряд поправок, которые оно рекомендовало представить на утверждение Ассамблеи МАИРСК в Загребе.

Учитывая необходимость установления более тесных контактов с Международным комитетом славистов, Бюро приняло решение созвать в Загребе во время проведения VIII Международного съезда славистов (2—3 сентября 1978 г.) очередную Ассамблею МАИРСК, на обсуждение которой вынести вопросы о текущей деятельности МАИРСК, а также о ближайших перспективах работы Ассоциации и ее национальных комитетов.

14 июня 1978 г. во время второго заседания Бюро состоялся рабочий симпозиум по проблемам комплексного изучения славянских культур. На симпозиуме с докладами выступили Д. Ф. Марков («Проблемы комплексного изучения славянских культур и задачи МАИРСК»), А. Соля (Франция) — «Методологические вопросы семиотического изучения славянских культур». В обсуждении докладов приняли участие члены Бюро. Было выражено пожелание продолжить практику обсуждения проблем методологии изучения славянских культур на последующих форумах Ассоциации.

Во время пребывания в Париже члены Бюро имели возможность посетить Национальный институт восточных языков и культур, Национальный институт славяноведения, Культурный центр им. Ж. Помпиду и посмотреть документальный фильм «Древние славянские культуры».

Третье заседание Бюро МАИРСК состоялось в Загребе 5 сентября 1978 г. В начале заседания Бюро выразило глубокое соболезнование в связи с внезапной кончиной крупного ученого-слависта, внесшего большой вклад в развитие современного славяноведения, члена Международного комитета славистов, активного участника МАИРСК с момента ее создания, эксперта по славянским культурам ЮНЕСКО, вице-президента МАИРСК профессора Р. Оти (Англия).

В соответствии с ранее принятым решением Бюро единодушно постановило провести заседание Совета (Ассамблеи) МАИРСК 9 сентября 1978 г.

Учитывая, что в заседании Совета приняли участие представители 22 стран — участниц ЮНЕСКО и что на

Международном съезде славистов присутствовали 40 ученых, избранных в состав Совета МАИРСК в Берлине (1976 г.) или приглашенных по линии ЮНЕСКО (проф. С. В. Марцелев — Белоруссия, председатель Национального комитета Ассоциации, проф. И. А. Дзеверин — Украина, директор Института литературы АН УССР), а также то, что на заседание были приглашены ученые-слависты разных стран, Бюро вынесло решение конституировать этот Совет в качестве Генеральной Ассамблеи МАИРСК.

Бюро решило вынести на рассмотрение Ассамблеи МАИРСК следующие вопросы:

доклад о деятельности МАИРСК и ее ближайших задачах (президент Д. Ф. Марков);

принятие поправок к тексту Устава МАИРСК, одобренных в Париже 14 июня 1978 г. (вице-президент С. Вольман).

Заседание расширенного Совета МАИРСК состоялось в Загребе 9 сентября 1978 г. Участники заседания единодушно поддержали предложение Бюро о превращении настоящего расширенного Совета МАИРСК в Генеральную Ассамблею МАИРСК.

С докладом о деятельности Ассоциации и ее задачах выступил президент МАИРСК Д. Ф. Марков, охарактеризовавший важнейшие результаты и ближайшие перспективы работы МАИРСК. Он особо подчеркнул важность соблюдения принципа взаимной коллегиальности и доверия во всей деятельности Ассоциации. В обсуждении доклада приняли участие С. Грачиотти (Италия), П. Бранг (Швейцария), Н. Тодоров (Болгария) и др.

Ассамблея приняла решение одобрить деятельность Бюро и Ассоциации с момента ее создания, признала в числе важнейших ближайших мероприятий Киевскую конференцию 1979 г.

В целях активизации деятельности Ассоциации Ассамблея признала весьма важным развертывание деятельности проблемно-тематических комиссий и утвердила предложенные Бюро комиссии и их кураторов.

Ассамблея приветствовала предложение Национального комитета Франции о подготовке популярной энциклопедии по славянским культурам, рассчитанной на западноевропейского читателя (на французском и английском языках), и поручила французскому комитету представить во время Киевской конференции проспект этой

работы. Ассамблея поддержала инициативу Национального комитета Югославии по подготовке всеобщего словаря ученых-югославистов, предложение о коллективном исследовании «Ренессансная традиция у славян», а также предложение о проведении совместно с учеными Венгрии конференции по культуре барокко в Центральной Европе.

Ассамблея приняла поправки к Уставу МАИРСК, предложенные Бюро. За поправки к Уставу проголосовали представители 20 стран — участниц ЮНЕСКО, две страны (США и Швейцария) воздержались\*.

В связи с кончиной проф. Р. Оти Ассамблея избрала вице-президентом Ассоциации С. Грачиотти (Италия), который информировал Ассамблею о решении Национальной комиссии Италии по делам ЮНЕСКО создать в стране Национальный комитет МАИРСК.

Ассамблея приняла решение считать полномочия проф. К.-Д. Гротхузена (ФРГ) в качестве временного члена Бюро МАИРСК истекшими. Учитывая предложение Национального комитета славистов ФРГ, в состав Бюро был избран в качестве вице-президента МАИРСК проф. Г. Роте (ФРГ).

По предложению Национального комитета Украины в состав Ассамблеи дополнительно избран видный украинский ученый-славист проф. И. А. Дзеверин. По предложению Национального комитета Белоруссии в состав Ассамблеи избран проф. С. В. Марцелев.

30—31 мая 1979 г. в Киеве во время работы международной конференции «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст» состоялось расширенное заседание Бюро МАИРСК.

На заседании были обсуждены актуальные вопросы деятельности Ассоциации, а также намечены мероприятия на ближайшие годы по изучению и распространению славянских культур.

Бюро заслушало сообщение секретаря МАИРСК проф. В. И. Злыднева о работе Ассоциации за период от Загреба до Киева (от 9 сентября 1978 г. до 28 мая 1979 г.). Главным мероприятием в отчетный период бы-

---

\* Мы сочли полезным приложить к настоящей статье текст Устава МАИРСК в том виде, в каком его утвердила Ассамблея МАИРСК в Загребе 9 сентября 1978 г.



ла подготовка Киевской конференции по современным славянским культурам. Были изданы материалы Московской конференции 1974 г. «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.» (М., 1978), материалы Варненской конференции 1975 г. «Славянские культуры и Балканы. Т. I—II» (София, 1976). В серии «Выдающиеся деятели славянской культуры» вышла на французском языке книга о белорусском просветителе Ф. Скорине (Париж, 1979). Слависты ГДР под эгидой МАИРСК выпустили коллективный сборник «Гердер и его восприятие в странах Восточной и Юго-Восточной Европы» (Берлин, 1978. На нем. яз.). Во Флоренции (Италия) под эгидой МАИРСК вышла книга американского слависта Р. Пиккио «Славяно-романские литературные отношения» (1978).

Рассмотрев вопрос о деятельности проблемно-тематических комиссий, Бюро рекомендовало в качестве председателей комиссий: акад. П. Динекова (Болгария) — комиссия по древним и средневековым славянским культурам; проф. С. Вуйчич (Венгрия) — комиссия по ренессансу и барокко в славянских культурах; проф. С. Никольского (СССР) — комиссия по славянским культурам XVIII—XIX вв.; проф. И. Дзевекина (Украина) — комиссия по славянским культурам XX в. Бюро избрало в качестве куратора комиссии по распространению знаний о славянских культурах проф. С. Грачиотти (Италия) и поручило ему подготовить программу конкретных мероприятий по этой комиссии и рекомендовать ученого-слависта в качестве председателя комиссии.

Бюро единодушно поддержало мысль о необходимости более широкого развертывания локальных симпозиумов и коллоквиумов со специализированным приглашением ученых-славистов других стран. При этом имеется в виду их проведение как в славянских, так и особенно в неславянских странах.

Бюро приняло предложение о проведении следующих симпозиумов (коллоквиумов):

«Духовное наследие Кирилла и Мефодия в Европе» (Болгарский и Итальянский национальные комитеты);

«Славянское барокко» (Венгерский, Югославский и Итальянский комитеты);

«Данте и славяне» (Югославский и Итальянский комитеты);

«Герцен и европейские культуры» (Великобритания);  
«Роль науки в становлении и развитии славянских национальных культур» (Чехословакия);

«Славянская архитектура. История и современность» (Румыния).

В качестве следующего (после Киевской конференции) крупного мероприятия Ассоциации Бюро одобрило подготовку и проведение международной конференции «Славянские культуры и мировой культурный процесс» (1981—1983).

Бюро с удовлетворением приняло к сведению сообщение президента МАИРСК проф. Д. Ф. Маркова о практической деятельности Группы информации и документации МАИРСК в Москве, а также о необходимости продолжать издание Бюллетеня МАИРСК.

Бюро единодушно приняло решение продолжить издание информационного Бюллетеня МАИРСК в Москве на базе Группы информации и документации. На секретарей МАИРСК возложена задача координации работ по изданию и контролю за выпуском бюллетеня в свет. Бюро одобрило общий тип издания и утвердило «Положение об Информационном бюллетене МАИРСК».

В нем отмечается, что Бюллетень МАИРСК является информационным органом Ассоциации, который периодически издается на русском, английском и французском языках и рассылается в национальные комитеты Ассоциации, научные славистические центры и отдельным ученым-славистам. Главная задача бюллетеня — содействовать координации деятельности национальных центров Ассоциации славистов в разных странах в интересах укрепления Ассоциации в целом и дальнейшего углубленного изучения и распространения славянских культур в славянском и неславянском мире. В бюллетене систематически освещаются текущая деятельность Ассоциации, деятельность национальных центров, славистических научных учреждений и обществ. При этом публикуются перспективные планы Ассоциации и национальных комитетов, итоговые доклады научных конференций, симпозиумов и коллоквиумов. В бюллетене систематически публикуются аннотации на вышедшие труды по программе МАИРСК, на работы, изданные в разных странах по проблемам славянских культур, а также избранная библиография по культуре славянских народов и истории славистики. В бюллетене освещается дея-



тельность родственных международных организаций, в которых представлена проблематика славянских культур (Международный комитет славистов, Международная ассоциация по изучению культуры народов Юго-Восточной Европы, Международный институт театра, Ассоциация литературных критиков и др.). Бюллетень МАИРСК издается при финансовой поддержке ЮНЕСКО.

Общее руководство Бюллетенем МАИРСК осуществляет Бюро МАИРСК во главе с президентом Ассоциации.

По вопросу о деятельности национальных комитетов МАИРСК Бюро заслушало сообщение проф. Г. Вербеса (Председатель Украинского комитета), проф. С. Грачотти (Итальянский национальный комитет), проф. С. Марцелера (председатель Белорусского комитета) и Ю. Богданова (зам. председателя Советского национального комитета). Бюро рекомендовало отразить деятельность этих национальных комитетов в очередном номере Информационного бюллетеня МАИРСК.

При обсуждении вопросов распространения знаний о славянских культурах было высказано предложение о необходимости издания в серии «Выдающиеся деятели славянской культуры» брошюры «А. Герцен». Бюро признало целесообразным просить известного исследователя творчества А. И. Герцена проф. М. Партридж (Великобритания) согласиться выступить в качестве автора текста такой работы, предназначенной для широкого западного читателя.

В связи с письмом проф. В. Эджертон (США) об отказе Ассоциации американских славистов от вступления в МАИРСК и о сложении проф. В. Эджертоном обязанностей вице-президента МАИРСК Бюро выразило свое сожаление. Бюро приняло к сведению отставку проф. В. Эджертон. Вместе с тем члены Бюро высказались за продолжение сотрудничества МАИРСК с отдельными американскими славистами и считают, что это будет полезным для общего дела изучения и распространения славянских культур.

Таковы история создания и первые итоги деятельности Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. В настоящее время продолжается большая и многогранная деятельность всей Ассоциации в целом, ее комиссий и национальных

комитетов по реализации намеченных на ее предыдущих форумах решений. Эта деятельность охватывает ученых-славистов во всем мире, и прежде всего в странах, входящих в Ассоциацию. По состоянию на конец 1979 г. в число таких стран — участниц ЮНЕСКО входят: Австрия, Белоруссия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, ГДР, Греция, Дания, Италия, Канада, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Советский Союз, Украина, ФРГ, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швеция, Югославия. Кроме того, вопрос о присоединении к МАИРСК рассматривается славистическими организациями Нидерландов и Швейцарии.

## **УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР**

### **Статья 1. Наименование и юридический статус Ассоциации**

Настоящим в соответствии с пожеланием восемнадцатой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО учреждается организация под названием «Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур» (МАИРСК), далее именуемая «Ассоциация».

### **Статья 2. Цели Ассоциации**

Ассоциация:

- a) Содействует всестороннему комплексному изучению славянских культур с древнейших времен до настоящего времени, руководствуясь идеями мира, гуманизма и взаимопонимания между народами в духе целей и принципов ЮНЕСКО.
- b) Поощряет научные исследования и изучение славянских культур, способствуя организации как двусторонних, так и многосторонних совещаний, симпозиумов и конференций, обмену научной информацией и публикациями.
- c) Способствует расширению и укреплению сотрудничества между научными учреждениями, исследовательскими и культурными центрами и организациями, отдельными учеными славянских и неславянских стран, чья деятельность связана с изучением культур славянских народов, в их взаимодействии с культурами других народов, а также распространением знаний о славянских культурах.
- d) Содействует распространению знаний о славянских народах и их вкладе в развитие культуры, придавая особое значение ознакомлению с достижениями славянских культур в странах, не имею-

щих традиций в области славистики и учреждений для изучения славянских культур.

- e) Организует в соответствии с программой Славянского проекта ЮНЕСКО постоянную научную деятельность и проводит проблемно-тематические конференции.

### **Статья 3. Членский состав Ассоциации**

- a) Ассоциация состоит из национальных или региональных комитетов и учреждений по изучению и распространению славянских культур.
- b) Международные организации, деятельность которых связана с изучением и распространением славянских культур, могут входить как аффилированные члены.
- c) Вопрос о приеме новых членов Ассоциации решается большинством голосов на Ассамблее.
- d) Заявление о приеме в Ассоциацию представляется Президенту, который незамедлительно передает его в Бюро для рассмотрения на ближайшем заседании. Бюро представляет каждое заявление на очередное заседание Ассамблеи. Решение принимается Ассамблеей не ранее чем через год.

### **Статья 4. Органы Ассоциации**

- a) Ассамблея:

1) Ассамблея является высшим органом Ассоциации и состоит из представителей национальных, региональных комитетов и учреждений, занимающихся изучением и распространением славянских культур (с учетом представителей всех славянских народов). При голосовании каждая страна или регион располагают одним голосом.

2) Ассамблея рассматривает и утверждает бюджет Ассоциации.

3) Ассамблея рассматривает и утверждает перспективную программу деятельности Ассоциации, основные направления ее работы, избирает Бюро Ассоциации.

4) Решения Ассамблеи принимаются простым большинством голосов. Ассамблея считается правомочной при наличии половины членов состава Ассамблеи, пользующихся правом голоса.

5) Ассамблея собирается на очередную сессию не реже одного раза в четыре года. Внеочередная Ассамблея может быть созвана по решению Бюро или письменному требованию по крайней мере половины членов Ассамблеи.

- b) Бюро Ассоциации:

1) Для проведения постоянной практической работы Ассамблея избирает из своего состава на четырехлетний срок Бюро, которое

занимается текущими делами и собирается как минимум два раза в три года.

2) Бюро состоит из Президента, вице-президентов и двух секретарей — секретаря по месту пребывания Президента и секретаря, осуществляющего контакты между членами Ассоциации из славянских и неславянских стран. В случае необходимости Бюро может кооптировать в свой состав новых членов до их избрания Ассамблеей.

#### **Статья 5. Штаб-квартира**

Ассоциация имеет штаб-квартиры — в городе пребывания Президента и в Париже, по месту Штаб-квартиры ЮНЕСКО.

#### **Статья 6. Финансы**

- а) Бюджет Ассоциации состоит из субсидий и дотаций. Бюро определяет статьи бюджета в соответствии с программами ЮНЕСКО.
- б) Бюджет Ассоциации устанавливается каждые два года и контролируется Ассамблеей.
- с) Функции казначея исполняет один из секретарей.

#### **Статья 7. Изменения в Уставе**

- а) Устав может быть изменен по решению Ассамблеи Ассоциации большинством в две трети голосов.
- б) Предложения об изменении в Уставе должны быть представлены Президенту не позднее чем за один год до созыва сессии Ассамблеи, на которой они должны рассматриваться. Президент их представляет на очередное заседание Бюро.

Н. А. ПРОКОФЬЕВА

### **МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ**

Международная комиссия по истории славистики была учреждена на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве в 1958 г. Комиссия ставила перед собой задачу содействовать всестороннему изучению вопросов истории славяноведения как в отдельных славянских и неславянских странах, где ведутся исследования в этом направлении, так и в плане разработки исто-

рико-славистической проблематики, имеющей международную значимость для развития этой области науки.

Первое собрание ученых-славистов, состоявшееся в Москве, носило организационный характер. Предполагалось, что научная программа деятельности Комиссии, принципы ее научной работы и состав членов будут определены на очередном заседании, которое состоялось в 1960 г. в Вене.

На этом заседании Международной комиссии по истории славистики присутствовали представители из 16 стран. Особое внимание было уделено вопросу определения самого предмета данной проблематики. Состоялась широкая научная дискуссия по вопросу о том, как следует понимать термин «история славистики»: ограничивается ли она только историей славянской филологии или историю славистики следует понимать шире и к изучаемому предмету следует относить как историю культурных взаимоотношений славянских стран, так и историю славянских народов вообще. По этому вопросу на первом заседании ученые не пришли к единому мнению.

Была также сделана попытка решить вопрос, следует ли рассматривать историю славянской филологии как «историю науки», т. е. как историю рассмотрения и решения славистических проблем, или как совокупность научных трудов и деятельность представителей этой дисциплины в исторической перспективе. Однако эти вопросы также остались открытыми.

В итоге принятая на Венском заседании Комиссии программа ее деятельности ограничивалась в основном работой по сбору библиографических материалов и составлением библиографических сборников по славянской филологии. Ориентация работы Международной комиссии по истории славистики на изучение истории только филологических дисциплин нашла свое еще более определенное выражение в решении следующего заседания Комиссии, состоявшегося в 1964 г. в Гёттингене.

На этом заседании вновь были поставлены на обсуждение вопросы о предмете и методе работы Международной комиссии и решено, что в принципе она должна сосредоточить все свое внимание на изучении истории таких дисциплин, как славянское языкознание, славянское литературоведение, славянский фольклор и т. п. Целью научных устремлений Комиссии должно было стать написание всеобъемлющей истории славянской фи-



логии, построенное по энциклопедическому принципу, где должны были найти свое отражение как вопросы общетеоретического порядка, так и темы конкретного характера, такие, например, как деятельность отдельных выдающихся славистов-филологов. Однако все эти предложения не были зафиксированы в каких-либо официальных решениях. В целом, суммируя результаты гёттингенского заседания, следует отметить, что в отличие от венского оно определило сферу научной деятельности Комиссии, ориентируя ученых-славистов на изучение исключительно филологической проблематики.

Несколько иной характер носило третье заседание Международной комиссии, проходившее на этот раз в славянской стране (Чехословакия, Штиржин, 1967), под председательством члена-корреспондента ЧСАН К. Горалека. Как отмечают в своей статье Т. Бешта и Й. Курц<sup>1</sup>, на заседании в Штиржине вновь возникли дискуссии по вопросу о предмете истории славистики, что свидетельствовало о неудовлетворенности большей части ученых-славистов той перспективой развития научно-исследовательской работы, которую определили два предыдущих заседания Международной комиссии. Такие видные ученые-слависты, как К. Горалек, академик БАН П. Динеков, академик ЧСАН Б. Гавранек, представляющие в Международной комиссии научную общественность славянских стран, в своих выступлениях отстаивали точку зрения, согласно которой история славистики не может оставаться узкофилологической дисциплиной. По их мнению, особенности славистики заключаются прежде всего в ее комплексном характере, включающем в себя языковедческий и литературоведческий аспекты наравне с аспектами историческими, историко-культурными и социально-политическими.

Как заявил в своем выступлении К. Горалек, нельзя ограничивать предмет истории славистики изучением только истории лингвистики, литературы, народного творчества и т. п., так как в этом случае «неизбежно теряется идеологическая сторона»<sup>2</sup>. Только всестороннее изучение истории всех славяноведческих дисциплин может быть достаточно эффективным для решения всего комплекса сложных вопросов, стоящих сегодня перед славистической наукой. Другая часть ученых выступила с противоположной концепцией, продолжая отстаивать принципы научного направления работы Международ-

ной комиссии, принятые на венском и гёттингенском совещаниях. Эта группа ученых, в большей части состоящая из представителей научного мира западных стран, выразила мнение о целесообразности и в дальнейшем продолжать изучение истории только филологических дисциплин, имея в виду перспективную цель — создание энциклопедии славянской филологии.

Дискуссия, хотя и не привела к каким-либо определенным решениям, имела, безусловно, положительное значение. Давая оценку состоявшемуся научному совещанию в Штиржине, один из его участников и организаторов, д-р Ян Петр, отмечал, что это заседание можно назвать успешным потому, что оно открыло возможности для проведения научной дискуссии по вопросам современного состояния славистической науки. «Конфронтация противоположных точек зрения на перспективы дальнейшей работы Комиссии,— пишет он,— объединила ученых в общем для всех понимании важности обсуждаемой проблематики и показала в истинном свете задачи, которые будут предложены к решению Международной комиссии в процессе ее дальнейшей работы»<sup>3</sup>.

Оценивая работу Международной комиссии за первые десять лет ее существования, можно сказать, что, несмотря на высокую научную заинтересованность всех членов Комиссии и попытки активизировать ее работу, ее деятельность носила все же несколько ограниченный характер и в основном была направлена на установление необходимых контактов в укреплении научных связей между славистами различных стран. Подобного рода недостаточно широкая сфера научной деятельности Международной комиссии была обусловлена нечеткостью сформулированных задач, которыми должна заниматься наука истории славистики.

Три первых международных заседания Комиссии, хотя и не решили вопроса о научном направлении ее работы, тем не менее создали предпосылки, благодаря которым последующая деятельность Комиссии приобрела более конкретный характер.

Советские ученые активно включились в работу Международной комиссии по истории славистики после 1970 г., с момента избрания на пост председателя Комиссии директора Института славяноведения и балканистики АН СССР члена-корреспондента АН СССР Д. Ф. Маркова. По мнению советских специалистов, для



активной работы этого международного органа необходимо было четко сформулировать круг научных проблем и вопросов, которыми должна заниматься Комиссия; устранить существовавшую до последнего времени недостаточную координацию исследований в данной области науки; найти наиболее эффективные формы международного сотрудничества.

Разрешить стоящие перед Комиссией научные и организационные задачи отчасти помог симпозиум по истории славянской филологии, который состоялся в Праге в 1971 г. Основным результатом работы симпозиума явилось выяснение некоторых основных проблем методологического характера. Было обращено внимание на то, что сам предмет истории славистики требует сугубо исторического подхода, учитывающего и социально-политический аспект. Отсюда вытекала необходимость при изучении истории славистики базироваться на опыте истории славянских народов. Только такой подход к изучаемому предмету мог создать достаточно емкие формы для всестороннего исследования этой сложной проблематики. История славистики теперь стала трактоваться не как узкая филологическая область науки, но как одна из дисциплин общей истории.

Формулируя основные задачи, стоящие перед Международной комиссией по истории славистики, А. Ржегачек и З. Урбан в своей информационной статье о проведении симпозиума 1971 г. отмечали, что важнейшей и конкретной ее задачей было признано считать «создание синтетического обзора истории мировой славистики, который на современном научном уровне должен заменить монументальный, но уже во многом устаревший труд И. В. Ягича»<sup>4</sup>.

Именно в плане развития общих принципов разработки истории славистики, впервые сформулированных на пражском симпозиуме, было проведено следующее очередное заседание Международной комиссии по истории славистики, состоявшееся в Москве в июле 1972 г., где был обсужден и принят перспективный план работы Комиссии. Было решено, что основной целью ее деятельности является создание синтетической истории мировой славистики. В связи с этим было признано целесообразным начать подготовку проблемных сборников по истории славистики с участием видных ученых различных стран.

Задача планируемого многотомного труда состояла в изучении и популяризации достижений славяноведческой мысли с конца XVIII в. до наших дней, а также в выработке единых критериев при решении методологических и теоретических аспектов исследования. В своем выступлении на пражском заседании 1975 г. председатель Комиссии член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков отметил, что один из важнейших методологических вопросов истории славяноведения связан с правильной оценкой соотношения между внутренними закономерностями развития данной области науки и влиянием общих исторических условий, т. е. факторов социально-политических и идейных, без учета которых невозможно ни правильно оценить наиболее существенные поворотные пункты в развитии славистики, ни точно определить саму суть рассматриваемых процессов.

В серии международных проблемных сборников предполагалось осветить наиболее существенные, принципиальные вопросы и накопить материал по еще мало изученным темам и периодам. Статьи, помещенные в этом издании, должны касаться как общих проблем славяноведения на различных исторических этапах его развития, так и более частных вопросов, таких, например, как обзоры развития славяноведения в отдельных странах, характеристика разных школ и направлений в славистике, биографические очерки о крупных ученых-славистах. Было высказано мнение, что подобного рода международное научное издание будет способствовать укреплению научных связей между учеными различных стран, обмену научной информацией между славистами-историками, этнографами, филологами, фольклористами и др. Это создало бы необходимые предпосылки для реализации перспективной задачи Комиссии — написания всеобъемлющего труда по всемирной истории славяноведения. Конкретной формой осуществления этого явился план подготовки серии международных сборников, рассмотренный на заседании Международной комиссии в Варшаве (1973). Каждой славянской стране было предложено взять на себя ответственность за подготовку к изданию одного из томов серии международных сборников по истории славистики. Издание должно осуществляться под общей редакцией, состоящей из видных ученых-славистов разных стран мира.

Подготовку первого тома «Методологические проблемы истории славистики» обеспечили советские специалисты (М.: Наука, 1978). Второй том — «Исследования по истории славистики до середины XIX в.» — было предложено курировать ученым Чехословакии; третий сборник — по истории славистики второй половины XIX в. — было решено поручить югославским специалистам; четвертый том — «История славистики конца XIX и начала XX в. (до 1918 г.)» — было предложено вести болгарским ученым; пятый том — «История славистики периода между двумя мировыми войнами» — выразили желание подготовить коллеги из Польской Народной Республики.

В течение последующих двух лет учеными-славистами ряда стран велась активная работа по созданию планов-проспектов названных выше сборников, представленных к обсуждению на очередном заседании Международной комиссии, состоявшемся в Праге в 1975 г.

Работа над серией международных сборников была плодотворной и полезной. Она способствовала накоплению необходимого для дальнейшей работы материала, а также помогла выяснить основной круг методологических проблем, исследование которых представляется особенно важным на начальной стадии работы. Доказательством этого может служить состоявшееся в Варне в 1977 г. очередное заседание Международной комиссии, на котором были заслушаны доклады по принципиальным проблемам истории международного славяноведения.

Заседание открыл председатель болгарского национального комитета славистов член-корреспондент БАН Э. Георгиев, отметивший особую важность проходящего научного заседания, в задачи которого входят обмен научной информацией по кардинальным вопросам истории славистической науки, укрепление уже сложившихся научных контактов среди ученых-славистов всего мира, а также поиск новых путей и средств дальнейшего развития этой важной области славянской науки. Э. Георгиев сказал, что история славистики представляет собой сокровищницу идей и важных научных достижений. Настоящая научная конференция, продолжал он, ставит своей задачей найти пути дальнейшего развития славистической мысли, развивать то, что уже сделано, собирать материал для фундаментального труда и

сформировать для этой цели необходимый научный коллектив.

На заседании выступили видные ученые-слависты, посвятившие свои доклады вопросам методологии и периодизации истории славистической науки.

В докладе «Славяноведение как комплекс научных дисциплин» председатель комиссии Д. Ф. Марков коснулся вопросов, связанных с методологией изучения истории мировой славистики, а также уточнения терминологии, принятой в этой области науки. Основная задача, стоящая перед комиссией, заметил он, — это прежде всего «необходимость обобщения огромного исторического опыта исследователей-славистов». Однако на данном этапе своей деятельности Комиссия стремится прежде всего к постановке и освещению лишь узловых проблем истории мирового славяноведения. Именно эти цели преследует издание пятитомной серии международных сборников, над которой в настоящее время работает большой коллектив ученых-славистов ряда стран под руководством комиссии. Большое внимание в докладе было уделено вопросу содержания самого термина славистики, трактованного Д. Ф. Марковым как «комплекс научных дисциплин, изучающих жизнь славянских народов»<sup>5</sup>. Составными частями этого комплекса являются языковедение, литературоведение, искусствоведение, история и история культуры славянских народов, ибо именно в этих областях знаний, по мнению докладчика, с наибольшей глубиной получили отражение традиционные связи славянских народов и этнонациональная специфика их развития. Анализируя процессы генезиса и развития мировой славистики, необходимо рассматривать их комплексно, особое внимание при этом уделяя вопросам межславянских связей в различных аспектах их изучения. При этом особое внимание необходимо обращать на принципы отбора материала, которые обеспечили бы ориентировку на общезначимые, закономерные тенденции рассматриваемого процесса.

Доклад Э. Георгиева был посвящен рассмотрению основных этапов развития истории славистики в славянских странах<sup>6</sup>. В начале своего выступления Э. Георгиев отметил, что значение истории славистики определяется не только результатами исследовательской работы в какой-либо одной, хотя и важной научной славистической дисциплине, но и анализом процессов, способствующих

пониманию духовной жизни славянских народов в целом, раскрывающих их историческую эволюцию во всем ее объеме. Касаясь вопроса периодизации истории славистики в славянских странах, проф. Э. Георгиев предложил выделить девять основных этапов ее развития: начальный период, предшествующий формированию славистики как науки, охватывает период с IX по XVIII в.; эпоха Возрождения; эпоха Барокко; XVIII — начало XIX в.; первая половина XIX в.; вторая половина XIX в.; первые десятилетия XX в.; от победы Великой Октябрьской социалистической революции до конца второй мировой войны. Последним, девятым по счету этапом в развитии славистики является, по мнению Э. Георгиева, ее современное состояние.

В докладе проф. Й. Хамма рассмотрены вопросы специфики развития славистики в неславянских странах<sup>7</sup>. Докладчик остановился на характеристике таких терминов, как «славистика», «славист», и показал значение неславянских стран в становлении и развитии мирового славяноведения. По мнению Й. Хамма, при определении предмета истории славистики следует различать два аспекта данного понятия: историю славистики в широком смысле, в которую должна входить славянская филология с ее основными дисциплинами, внутри которых следовало бы различать историю русистики, полонистики, богемистики и т. д., и историю славистики в узком смысле слова, т. е. компаративную, которая могла бы стать самостоятельной частью первой. Проф. Й. Хамм считает, что славистика должна изучать как те явления славянской филологии, которые являются общими для некоторых или всех славянских систем, так и то, что важно и значительно только для одной системы. Докладчик выразил также мнение, что с точки зрения развития истории славистической науки между славянскими странами имеется много существенных различий. В то же время существует ряд неславянских стран, где основателями славистики стали ученые славянского происхождения, и эти страны оказали существенное влияние на процесс развития мировой славистической мысли. К славистическим центрам такого типа, по мнению Й. Хамма, следует отнести Вену, Грац и Будапешт.

Доклад проф. Г. Димова (НРБ) был посвящен характеристике основных этапов развития болгарского литературоведения, связанных с наиболее значительными



событиями из истории болгарского народа, а также с развитием национальной общественно-философской мысли. Большое внимание в докладе было уделено раскрытию значения творчества и общественной деятельности видных представителей болгарской литературоведческой и шире — эстетической мысли. Г. Димов рассказал о творчестве выдающегося национального писателя Н. Бончева, о деятельности революционных демократов Х. Ботева, Л. Каравелова, И. Шишманова, о литературоведах-марксистах Д. Благоеве, Т. Павлове и др.

Прочитанные доклады вызвали большой интерес и оживленную дискуссию, подводя итоги которой председатель Комиссии Д. Ф. Марков заметил, что эти научные сообщения, несмотря на некоторую спорность содержащегося в них материала, тем не менее очень важны. Они вносят определенный вклад в разработку сложных вопросов методологии изучения истории славистики, ее периодизации, а также выработки дефиниций, что является необходимым условием для решения серьезных задач, стоящих перед Комиссией, а именно написания всеобщей истории славистики.

На заседании в Варне были утверждены к печати два первых тома серии международных сборников: «Методологические проблемы истории славистики» и «Исследования по истории славистики до середины XIX в.», а также обсуждены и одобрены проспекты четвертого и пятого томов.

При подготовке закрепленного за ними сборника советские слависты руководствовались принципом проблемного построения исследуемого материала. Статьи в томе распределены по двум тематическим разделам. В первом дается характеристика предмета славяноведения и метода его исследования, а также рассматриваются вопросы периодизации истории славистики как в международном масштабе, так и в более узких национальных рамках. Во втором разделе рассматриваются отдельные методологические концепции (идеи славянской взаимности, взгляды славянофилов на славянский вопрос и др.), их объективная обусловленность и научное значение.

Второй сборник<sup>8</sup>, изданный Словацкой академией наук, хронологически охватывает период с середины XVIII в. по 1848 г. Это начальный этап формирования славистики как науки, период, когда определялась ос-

новая проблематика славистических исследований. Рассмотрение этого круга вопросов включено в более широкий международный контекст. Ряд статей сборника посвящен вопросам международных связей, взаимозависимости и контактов, нашедших свое отражение в истории славистической науки. Особое внимание уделяется теме славянской взаимности и вопросам борьбы за национальную независимость славянских народов. Это статьи В. А. Дьякова «Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения», И. Грозиенчика «Значение трудов Шафарика для национальной и политической эмансипации славянских народов», В. Матулы «Коларовская и шуруповская концепция славянства и славянской взаимности» и др.

В следующей группе статей освещаются вопросы изучения начального этапа истории славистики в различных странах. Здесь внимание авторов акцентировано на специфических проблемах, свойственных отдельным странам и нашедших свое отражение в истории национального славяноведения. Это статьи о начальном периоде развития русской, лужицкосербской, словацкой славистики и др.

Наконец, часть статей сборника носит биографический характер. Они посвящены исследованию жизни и деятельности выдающихся ученых-славистов, чьи труды оказали существенное влияние на развитие мировой славистики, таких, как И. Добровский, А. Х. Востоков, Б. Копитар и др.

Первые два тома серии международных сборников в соответствии с планом работы Комиссии были изданы в 1978 г. к VIII Международному съезду славистов. Выпуск последующих томов, структура которых уже утверждена, предполагается в ближайшее время.

Четвертый том, подготавливаемый болгарскими специалистами, в структурном отношении будет решен приблизительно по тому же принципу проблемного построения, что и первые два тома. В нем будут даны обзоры, характеризующие состояние славистической науки конца XIX — начала XX в. (до 1918 г.) в ряде стран как славянских (Россия, Украина, Белоруссия, Польша, Болгария, Чехия, Словакия, Сербия, Хорватия), так и неславянских (Германия, Австрия, Англия, Италия, Франция, США и Скандинавские страны). В этом сборнике предполагается также поместить несколько статей о деятель-

ности выдающихся ученых-славистов, таких, например, как И. Шишманов, В. Ягич и др.

Пятый том по истории славистики периода межвоенного двадцатилетия, курируемый польскими славистами, предполагается построить по принципу проблемного исследования славистической тематики. Учитывая специфику развития международного славяноведения этого времени, было признано целесообразным представить характеристику развития отдельных славистических дисциплин, таких, как языкознание, литературоведение, история и этнография, показав при этом наиболее характерные черты их развития в данный период.

Работа над серией международных сборников, которая проводится большим коллективом ученых-славистов многих стран, является полезной и плодотворной. Она объединила специалистов различных стран, занимающихся историко-славистической тематикой, что способствовало укреплению международных научных контактов.

В ходе работы VIII Международного съезда славистов состоялось очередное заседание Международной комиссии по истории славистики, на котором были подведены итоги ее деятельности за истекшие два десятилетия. Опыт показал, что совместная работа ученых многих стран создала условия для выработки единого методологического подхода к той массе фактов, которые уже введены в научный оборот славистической проблематики или еще будут выяснены дополнительно.

---

<sup>1</sup> *Bešta T., Kurz J.* Symposium o dějinach slavistiky ve Štířině 1967.— *Slavia*, 1969, N 38, s. 510.

<sup>2</sup> *Ibid.*

<sup>3</sup> *Petr J.* Symposium o dějinach slavistiky.— *Jazykovědné aktuality*, 1967, s. 41—43.

<sup>4</sup> *Řeháček Z., Urban Z.* Symposium o dějinach slovanské filologie.— *Slavia*, 1972, N 41, s. 348—351.

<sup>5</sup> *Марков Д. Ф.* Славистика как комплекс научных дисциплин.— В кн.: *Методологические проблемы истории славистики*. М.: Наука, 1978, с. 7.

<sup>6</sup> См.: *Георгиев Э.* Об основных этапах развития славистики в славянских странах.— Там же, с. 88—119.

<sup>7</sup> См.: *Хамм Й.* О специфике развития славистики в неславянских странах.— Там же, с. 119—146.

<sup>8</sup> *Študie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19 storočia*. Bratislava: Veda, 1978. 510 s.

## МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В последние пятнадцать лет балканистика как комплексная научная дисциплина переживает период активного развития. Зародившись в XIX в. в связи с пробудившимся интересом к балканским народам, она долгое время не выходила за рамки лингвистических и культурно-исторических исследований. Традиционное изучение истории и культуры балканских народов такими науками, как археология и история античности, классическая филология и византиноведение, претерпело изменения после второй мировой войны. Отдавая должное особому месту Балкан в истории европейской и мировой цивилизации и по-прежнему сохраняя интерес к ранним этапам истории Балканского региона, исследователи проявляют все большее внимание к истории Балкан новейшего времени, тем громадным переменам, которые произошли на полуострове после второй мировой войны.

В процессе складывания основ новой научной дисциплины балканистика ныне охватывает все области гуманитарных наук. В настоящее время она является комплексной компаративистской дисциплиной и занимает свое самостоятельное место в ряду аналогичных комплексных областей знания (славяноведение, востоковедение и т. п.)<sup>1</sup>. Подчеркивая сходство исторических судеб балканских народов, болгарский ученый профессор Н. Тодоров дал определение балканистики как «интердисциплинарной науки по изучению прошлого и настоящего народов и стран Балканского полуострова с учетом исторически сложившейся балканской общности в различных ее аспектах»<sup>2</sup>.

Отражением назревшей необходимости объединить силы исследователей разных стран и областей знаний в новом направлении явилось создание в 1963 г. под эгидой ЮНЕСКО Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы. Целесообразность создания такой ассоциации стала очевидной после проведения в июле 1962 г. Национальной румынской комиссией ЮНЕСКО совместно с Академией СРР междуна-

родного коллоквиума по теме «Общее и различное в балканских цивилизациях. Вклад балканского мира в отношения между Востоком и Западом». Коллоквиум продемонстрировал большой интерес к балканской проблематике. Организационное заседание учредителей Ассоциации состоялось 22—24 августа 1963 г. в Бухаресте<sup>3</sup>.

Новая организация была принята в Международный комитет исторических наук и Международный комитет философских и общественных наук. Материальная помощь ЮНЕСКО облегчает ее научную и издательскую деятельность. В последующие годы национальные научно-исследовательские центры по изучению Юго-Восточной Европы возникли во многих странах, в первую очередь на Балканах. Советский Союз также вошел в состав членов Ассоциации, приняв участие в работе I конгресса балканистов (София, 1966). Первым представителем Советского Союза в руководящем органе Ассоциации в качестве вице-президента стал видный советский востоковед-тюрколог профессор А. Ф. Миллер (1901—1973)<sup>4</sup>. В настоящее время советскую балканистику в международном комитете Ассоциации представляет вице-президент Ассоциации, специалист по новой и новейшей истории, автор работ по истории Румынии и Англии, по истории международных отношений на Балканах доктор исторических наук В. Н. Виноградов. Постоянным членом одной из комиссий Ассоциации («Балканы в современную эпоху») является В. В. Зеленин<sup>5</sup>.

Ассоциация опирается прежде всего на деятельность специализированных институтов в Балканских странах. В Советском Союзе роль координационного центра в области балканских исследований играет Институт славяноведения и балканистики АН СССР<sup>6</sup>. В рамках института в 1974 г. была создана группа общепалканских проблем, которую возглавляет заместитель директора института В. Н. Виноградов. Совместно с Балканской секцией Национального комитета историков СССР группа организует участие советских ученых в международных научных встречах по проблемам балканистики (симпозиумах, коллоквиумах, встречах экспертов, конгрессах и т. п.). Печатным органом, объединяющим и координирующим исследовательскую работу советских балканистов, стало серийное издание «Балканские исследования»<sup>7</sup>.



## Структура Ассоциации

Руководящими органами Ассоциации являются Международный комитет, Бюро во главе с президентом и Генеральный секретариат<sup>8</sup>. Президент избирается на 5 лет. Настоящий состав руководства Ассоциации утвержден в 1979 г. в Анкаре. Президентом стал видный греческий ученый, специалист в области византийского права академик Панайотис Зепос. Его предшественник, член-корреспондент БАН Николай Тодоров, срок полномочий которого кончился, избран вице-президентом.

Бюро Ассоциации настоящего состава (12 человек) представлено следующими учеными: почетные президенты — Денис Закитинос (Греция), Владимир Георгиев (Болгария); президент — Панайотис Зепос (Греция); вице-президенты — Андрокли Косталари, лингвист (Албания), Николай Тодоров, историк (Болгария), Клаус-Детлев Гротхузен, историк-славист (ФРГ), Бедреттин Тунчел, литературовед (Турция), Владилен Николаевич Виноградов, историк (СССР), Милутин Гарашанин, археолог (Югославия); генеральный секретарь-казначей Эмиль Кондураки, историк и археолог (Румыния); помощник генерального секретаря — Николае Фотино (Румыния).

Членами Международного комитета Ассоциации (24 человека) являются в настоящее время: проф. А. Косталари (Албания), проф. Стефан Поло (Албания), проф. Вернер Баанер (ГДР), проф. К.-Д. Гротхузен (ФРГ), проф. Рихард Плашка (Австрия), проф. Н. Тодоров (Болгария), акад. В. Георгиев (Болгария), Василка Тыпкова-Заимова (Болгария), проф. Жорж Кастелян (Франция), проф. Ричард Клог (Великобритания), акад. П. Зепос, проф. И. Караянопулос (Греция), проф. Йозеф Перени — почетный член (Венгрия), проф. Дьёрдь Хазаи (Венгрия), Камиль Абуссун (Ливан), проф. Числав Стибер (Польша), акад. Э. Кондураки (Румыния), д-р Карел Герман (Чехословакия), проф. Б. Тунчел (Турция), проф. В. Н. Виноградов (СССР), проф. Ирвин Т. Сандерс (США), акад. М. Гарашанин (Югославия), акад. Алойз Бенац (Югославия).

Администрация секретариата и редакция бюллетеня размещаются в Бухаресте (ул. Фриму, 9).

Членами Ассоциации являются национальные комитеты балканистов, институты и центры по изучению Бал-

кан. В Ассоциацию входят: Национальный комитет балканистов Болгарии (председатель В. Георгиев), Межакадемический совет по балканистике при Совете югославских академий (председатель В. Чубрилович), Греческий национальный комитет (председатель П. Зепос), Румынский национальный комитет (председатель Штефан Паску), Албанский национальный комитет балканских исследований (председатель А. Косталари), Национальный комитет Австрии (председатель Р. Плашка), Национальный комитет ЧССР (председатель К. Герман), Национальный комитет Италии (председатель А. Пертузи), Национальный французский комитет (председатель Ж. Кастаньян), Национальный комитет США (председатель И. Сандерс), Комиссия по изучению Балкан Польской АН (председатель Ч. Стибер). В Великобритании и Венгрии созданы комитеты координации, также вошедшие в Ассоциацию. Недавно приняты в Ассоциацию балканистические организации Канады и Швейцарии. В настоящее время в ее работе принимают участие более двух десятков государств. В Советском Союзе национальным центром Ассоциации является Балканская секция при Национальном комитете историков СССР. Секцию возглавляет В. Н. Виноградов, в ее состав входят С. Б. Бернштейн, В. Я. Гросул, В. В. Зеленин (ученый секретарь) и др.

### Научная деятельность Ассоциации

Проблематика Ассоциации очень широка. Она включает историю, литературу, фольклор, археологию, этнографию, искусство Балкан и Юго-Восточной Европы с древнейших времен до наших дней. Руководство Ассоциации подчеркивает важность и значение объединения усилий специалистов разного профиля многих стран для изучения Балкан. Комплексность поставлена во главу угла всей деятельности. Вопрос о научной проблематике занимает большое место в общих и частных докладах и выступлениях руководства<sup>9</sup>.

Научная деятельность Ассоциации осуществляется в различных формах. Это встречи экспертов, симпозиумы, коллоквиумы, конгрессы. Работой Ассоциации руководит Международный комитет, который созывает экспертов в случае необходимости создания комиссий, для подготовки конгрессов и т. д. Состоялись, например, совеща-

ния экспертов в Афинах (1971), в Софии (1972), в Москве (1973) и др.

При формировании комиссий Международный комитет Ассоциации привлекает специалистов от разных стран. Создание комиссии оформляется строго по протоколу, утверждается ее состав, программа деятельности на ближайшие три года и перспективная программа на 10—15 лет. Комиссиям вменяется в обязанность вести разработку определенной темы, проводить встречи и коллоквиумы.

Ассоциация в настоящее время имеет восемь таких комиссий, а именно: фольклора (до марта 1976 г. ею руководил проф. Зихни Сако, Албания); по изучению искусства послевизантийского периода (председатель проф. Манолис Хадзидакис, Греция); по изучению османских архивов в Турции и в других странах (председатель проф. Омер Л. Баркан, Турция); археологии (председатель проф. Милутин Гарашанин, Югославия); балканской лингвистики (председатель акад. Владимир Георгиев, Болгария); истории идей в Юго-Восточной Европе (до недавнего времени ее возглавлял Михай Берза, Румыния); экономической и социальной истории Балкан XV—XIX вв. (председатель проф. Н. Тодоров, Болгария); Балканы в современную эпоху (председатель Э. З. Карал, Турция).

В комиссии входят до 10 человек. В случае широкой и успешной деятельности той или иной комиссии Международный комитет может узаконить расширение сферы ее деятельности путем создания при комиссии специальных рабочих групп. Так, в 1976 г. на заседании в Гамбурге по предложению Бюро комитетом созданы две группы: рабочая группа по демографии и исторической географии при Комиссии по социально-экономической истории и группа по сравнительному изучению литературы при Комиссии по истории идей<sup>10</sup>.

Комиссии собираются на научно-организационные и научные заседания. Например, в сентябре 1972 г. в Чепеларе (Болгария) состоялось второе заседание Комиссии по фольклору (первое было в Тиране)<sup>11</sup> с целью обсуждения программы работы на 1973—1974 гг.<sup>12</sup>

С 1965 г. комиссии организуют коллоквиумы и симпозиумы, которые они готовят с национальными комитетами тех стран, где они проводятся, привлекая и других специалистов. Можно привести несколько примеров та-

ких коллоквиумов по следующим проблемам: история идей XVI—XIX вв. (Бухарест, 1965); традиции и новации в культуре стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 1967); национальное сознание (Париж, 1968); этногенез балканских народов античности (Пловдив, 1969); экономическая роль балканского города XV—XIX вв. (Москва, 1969); социальная и экономическая структура балканско-адриатического города (Венеция, 1971); обычное право и самоуправление на Балканах (Белград, 1971); иллирийцы (Тирана, 1972); связи между Средиземноморьем и Балканами (Афины, 1972); роль Стамбула в контактах цивилизаций Востока, Балкан и Средиземноморья (Стамбул, 1973); экономическое, социальное и правовое положение владх XV—XVI вв. (Сараево, 1973); балканский фольклор (III симпозиум, Охрид, 1973); укрепленные иллирийские поселения (Сараево — Мостар, 1974); взаимодействие культур славянских и балканских народов (Варна, 1975); искусство народов Юго-Восточной Европы в XVI—XVIII вв. и его интеллектуальное окружение (Сучава — Яссы, 1975); борьба за мир и безопасность в Европе в межвоенный период (Варна, 1975); балканские города и промышленная революция в Западной Европе (Гамбург, 1976); аграрные структуры в 20-е — начале 30-х годов XX в. (Бухарест, 1976); развитие образования между двумя войнами (Афины, 1977); византийская культура и славянский мир (Москва—Киев, 1978).

Ассоциация проводит конгрессы по частным и общим проблемам балканистики. Так, Болгарская академия наук проявила инициативу проведения Первого Международного конгресса по фракологии (София, 1972), на котором стоящие перед данной областью науки задачи пытались комплексно решать археологи, историки, этнографы, лингвисты, историки искусства<sup>13</sup>. Следующий подобного рода конгресс был проведен в Тиране по проблеме иллирийцев.

К настоящему времени в рамках Ассоциации состоялось четыре общих конгресса. 1-й проходил в Софии (1966). Главной темой конгресса была проблема «Великие европейские державы и Балканы». Работа проходила в шести секциях, было заслушано 550 докладов и сообщений<sup>14</sup>. 2-й конгресс собрался в Афинах (1970). В нем участвовало более 400 ученых из 17 стран. Работа конгресса протекала в пяти секциях: истории, права и



Экономики, лингвистики, литературы и искусства, этнографии и фольклора. Каждая секция имела от трех до семи основных тем, по которым делались сообщения и вокруг которых разворачивались дискуссии. Как и предыдущий, афинский конгресс имел специально выделенную главную тему. Ею стала одна из тем исторической секции — «Город и село в Юго-Восточной Европе с античности до конца XIX в. (социальные, экономические и культурные аспекты)»<sup>15</sup>. 3-й конгресс состоялся в Бухаресте в 1974 г. И по числу участников, и по количеству научных сообщений он намного превосходил два предыдущих форума балканистов. О росте интереса к балканистике среди научной общественности и успешном ее развитии свидетельствует участие в работе III конгресса свыше 1000 человек из 30 стран мира (более 700 докладов и сообщений). Новым явлением стал значительный рост внимания ученых к проблемам новейшей истории. Бухарестский конгресс широко освещался в печати<sup>16</sup>. В качестве основной была выдвинута тема «Место, роль и вклад балканистики в мировую науку». Члены советской делегации сделали более 40 докладов и сообщений<sup>17</sup>. Материалы конгресса опубликованы<sup>18</sup>.

4-й конгресс Ассоциации проходил в Анкаре (Турция) в августе 1979 г. В нем приняли участие 376 делегатов из 21 страны. Доклады и сообщения ученых были распределены по семи секциям, причем секция по новой и новейшей истории имела семь подсекций. Для свободной дискуссии (так называемый круглый стол) было выделено четыре темы.

Советская делегация состояла из 11 ученых, выступивших с докладами и сообщениями и участвовавших в дискуссиях. Институт славяноведения и балканистики АН СССР выпустил к конгрессу 5-й выпуск «Балканских исследований» историографического характера с целью лучшего ознакомления научной общественности с достижениями советской науки в области балканистики.

Следующий, 5-й конгресс намечено провести в Югославии в 1984 г.

Конгрессы готовят Бюро, комитет и все национальные комитеты, входящие в Ассоциацию, в первую очередь комитет принимающей страны. Тематика предстоящих конгрессов публикуется<sup>19</sup>.

Помимо научных заседаний, Бюро и Генеральный секретариат через определенный промежуток времени



созывают всех членов Международного комитета Ассоциации для решения научно-организационных задач. На таких заседаниях комитета заслушиваются отчеты генерального секретаря и председателей комиссий за период, прошедший от последнего заседания, обсуждаются предложения новых тем коллоквиумов, вносимые председателями комиссий, решаются насущные организационные вопросы (прием в члены Ассоциации, создание новых комиссий, введение новых лиц в руководящие органы на вакантные должности, организационная подготовка новых конгрессов и т. п.). В качестве примера можно привести VII заседание комитета, состоявшееся в Гамбурге (1976). Были заслушаны отчеты, произведены организационные изменения в Бюро и комитете, созданы две новые рабочие группы при комиссиях, обсуждены вопросы подготовительной работы к следующему конгрессу, намечена тематика ближайших конференций<sup>20</sup>. Последними были заседания комитета в Анкаре (август 1979 г.), на которых был избран новый президент, определено место проведения будущего (5-го) конгресса, утвержден вопрос о проведении «балканского дня» на Международном конгрессе исторических наук (Бухарест, 1980) и решены другие текущие вопросы.

### Издания Ассоциации

Печатная продукция Ассоциации довольно обширна. Она представлена несколькими изданиями.

1. Два раза в год (сроки не всегда выдерживаются) выходит бюллетень Ассоциации — «Bulletin de l'AIE-SEE». Это научно-информационное издание печатает на своих страницах хронику научной жизни Ассоциации, исследования, статьи по поводу значительных юбилейных дат в истории балканских народов и, кроме того, сообщает о выходе в свет периодических изданий и монографий по балканистике и дает рецензии и обзоры на них. Научная, хроникальная и библиографическая проблематика бюллетеня делает его необходимым изданием для всех балканистов. Выходит на французском языке. Издается в Бухаресте.

2. Вторым изданием Ассоциации является «Bulletin d'archéologie Sud-Est européenne» («Бюллетень по археологии Юго-Восточной Европы»), в котором публикуются результаты археологических исследований.

3. Ассоциация издает сборники документов под грифом «Etudes et documents concernant le Sud-Est européen» («Исследования и документы по Юго-Восточной Европе»).

4. Общим названием «Bibliothèque d'études du Sud-Est européen» («Библиотека исследований по Юго-Восточной Европе») объединяется издание отдельных монографий специалистов разных областей наук.

5. Библиографические справочники по балканистике («Bibliographie d'études balkaniques») курирует Институт балканистики в Софии. Издание осуществляется под общей редакцией Н. Тодорова (последний, 12-й том вышел в Софии в 1978 г.)<sup>21</sup>.

Ассоциация и на будущее в качестве одной из задач научной и публикаторской деятельности ставит создание и издание подсобных для исследователей материалов, к которым руководство Ассоциации относит атласы, сборники документов, библиографии, словари, энциклопедические словари и т. п.

---

<sup>1</sup> Широков О. С. Балканистика.— БСЭ. 3-е изд., 1970, т. 2, с. 574.

<sup>2</sup> Тодоров Н. Десет години Институт за балканистика.— Исторически преглед, 1974, № 2, с. 140—141.

<sup>3</sup> Подробнее о нем см.: *Condurachi Em., Căndea V. Les débuts de l'AIÉSEE, oeuvre de compréhension et d'entente mutuelle par la science.*— *Revue des études Sud-Est européennes*, 1963, t. 1, N 3/4, p. 573—577.

<sup>4</sup> См.: Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.: Изд-во вост. лит., 1975, с. 357—358.

<sup>5</sup> Зеленин В. В. Новая исследовательская комиссия Международной Ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы.— Советское славяноведение, 1973, № 6, с. 112—113.

<sup>6</sup> О разработке балканистических проблем в СССР см.: Марков Д. Ф. Новый этап исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Некоторые итоги и перспективы работы Института славяноведения и балканистики АН СССР.— Советское славяноведение, 1976, № 3, с. 10—18; *Он же.* Исследования истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы.— *Общественные науки*, 1977, № 1, с. 128—135.

<sup>7</sup> В издательстве «Наука» в серии «Балканские исследования» вышли выпуски: «Международные отношения на Балканах» (1974), «Проблемы истории и культуры» (1976, вып. 2), «Освободительные движения на Балканах» (1978, вып. 3), «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы» (1978, вып. 4), «Основные проблемы балканистики в СССР» (1979, вып. 5).

<sup>8</sup> Первое заседание комитета состоялось в 1964 г. Первым президентом Ассоциации был Дионисиос Закиинос (Греция), вторым — Владимир Георгиев (Болгария), затем Халил Иналджик (Турция),

Николай Тодоров (Болгария). Два первых президента входят в состав бюро на правах почетных президентов. За заслуги перед Ассоциацией звание почетного вице-президента присвоено в 1976 г. проф. Р. Сайму (Великобритания).

- <sup>9</sup> *Condurachi E.* L'AIIESEE à son X<sup>e</sup> anniversaire — esquisse d'un bilan du passé et de ses perspectives d'avenir.— Bulletin de l'AIIESEE, 1973, N 1/2, p. 27—45; *Berza M.* L'AIIESEE et la collaboration scientifique internationale dans l'étude du Sud-Est européen.— Revue des études Sud-Est européennes, 1974, N 1, p. 5—17; *Тодоров Н.* Балканистика и сътрудничеството на Балканите.— Международни отношения, 1972, № 1, с. 78—88; *Georgiev V. I.* Die Balkanistik, ihre Geschichte und ihre Aufgaben.— Etudes balkaniques, 1974, N 1, p. 5—10; см. также: *Миллер А. Ф.* Балканистика: проблемы и перспективы.— Вестник АН СССР, 1966, № 12, с. 65—67.
- <sup>10</sup> См.: Исторически преглед, 1976, № 4, с. 149—151.
- <sup>11</sup> *Fochi A.* Les travaux de la Commission AIIESEE pour l'études du chant populaire dans les Balkan, Tirana, 17—18 juin 1966.— Revue des études Sud-Est européennes, 1967, N 1/2, p. 302—303.
- <sup>12</sup> La II<sup>e</sup> réunion de la Commission de folklore de l'AIIESEE.— Bulletin de l'AIIESEE, 1973, N 2, p. 315—316.
- <sup>13</sup> Ibid., p. 131—134.
- <sup>14</sup> Материалы конгресса опубликованы Болгарской академией наук: Actes du Premier Congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes. Sofia, 1968—1971. Т. 1—7. Были изданы также доклады делегаций отдельных стран, например: Конгресс балканских исследований. 1-й. София, 1966: Сообщения советской делегации. М.: Наука, 1966.
- <sup>15</sup> Материалы конгресса опубликованы: Actes du II<sup>e</sup> Congrès International des Etudes du Sud-Est européen. Т. 1. Chronique du congrès. Rapports. Athènes, 1972, 609 p.; *Заимов И.* Лингвистика на Втором конгресе балканистики (Афины, май 1970).— Балканско езикознание, 1972, № 1, с. 86—90. Советский Союз в конгрессе не участвовал.
- <sup>16</sup> *Stanescu E.* Le III<sup>e</sup> Congrès international d'études du Sud-Est européen. Bucarest, sept. 1974.— Revue des études Sud-Est européennes, 1975, N 2, p. 285—288; Le troisième Congrès des études balkaniques et Sud-Est européennes.— Etudes balkaniques, 1974, N 4, p. 190—193; *Милкова Ф.* Внушителна международна научна среща.— Правна мисъл, 1974, № 5, с. 97—98; *Георгиев В. И.* Балканско езикознание днес.— Български език, София, 1974, № 5, с. 393—397; *Колева Т.* Етнографската наука на Третия Международен конгрес за изучаване на Югоизточка Европа.— Българска етнография, 1975, № 1, с. 82—85; *Перовић Е. В.* 3 Меѓународни конгрес за студије Југоисточне Европе.— Гласник Етнографског института, 1975, књ. 23, с. 143—146; III Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы.— В кн.: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, с. 344—345; *Джапаридзе Э. А.* III конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4—10 сентября 1974).— Новая и новейшая история, 1975, № 2, с. 199; *Цыхун Г. А.* На III міжнародним кангресе Балканістау.— Беларуска лінгвістика, 1975, вып. 8, с. 67—68.
- <sup>17</sup> Материалы опубликованы в кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, 352 с.

- <sup>18</sup> Congrès international d'études du Sud-Est européen III. Bucarest, 1974. T. 1. Histoire, 488 p.; T. 2. Linguistique. Littérature. Folklore. Ethnographie. Arts. Droit et Institutions. 492 p.
- <sup>19</sup> Подробнее см.: *Виноградов В. Н.* Заседание комитета МАИЮВЕ.— В кн.: Балканские исследования. М.: Наука, 1978, вып. 3, с. 309—310; *Тъпкова-Заимова В.* Сесия на Международната асоциация за проучване на Югоизточна Европа.— Исторически преглед, 1976. № 4, с. 149—151.
- <sup>20</sup> См.: *Тъпкова-Заимова В.* Указ. соч.
- <sup>21</sup> Подробнее см. в разделе наст. изд. «Об изучении балканистики : Балканских странах: Болгария».

Е. Л. ВАЛЕВА

## МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В БЕЛГРАДЕ

Международный славистический центр Социалистической Республики Сербии (МСЦ) был организован в конце 1970 — начале 1971 г. при филологическом факультете Белградского университета. В его создании принимали участие философские факультеты университетов Нови-Сада, Приштины и Комиссия Республиканского исполнительного веча Сербии по сотрудничеству с заграницей в области культуры, науки и просвещения. Руководство работой Международного славистического центра осуществляет Совет (председатель проф. Александр Младенович) и Правление (директор проф. Слободан Маркович).

Своей важнейшей задачей МСЦ считает содействие изучению в стране и за рубежом литературного и культурного наследия народов Югославии, а также помощь славистам разных стран в изучении сербохорватского языка. Для успешного осуществления своих задач МСЦ установил тесные контакты со многими учебными заведениями и научными учреждениями Югославии и ряда стран Европы и Америки. Со многими славистическими организациями МСЦ проводит регулярный обмен научной информацией по всем областям югославистики.

Большое значение МСЦ придает проведению Международного семинара югославистов и Международного научного симпозиума славистов. Они проводятся одновременно с традиционными сентябрьскими торжествами

в честь родоначальника современного сербохорватского языка, выдающегося деятеля национальной культуры Вука Стефановича Караджича (1787—1864).

Международный семинар югославистов организуется главным образом для студентов, аспирантов и молодых преподавателей зарубежных стран. Участники семинара прослушивают цикл лекций по сербохорватистике, истории литератур и культур народов Югославии, под руководством опытных преподавателей совершенствуют свои знания в области сербохорватского языка, знакомятся с памятниками истории и культуры страны. Постоянными участниками семинара являются студенты-югослависты филологических факультетов Московского и Ленинградского университетов.

Международные симпозиумы или «Научные встречи славистов в дни Вука Караджича», как они официально именуются, стали уже традицией. Проводимые с 1971 г. ежегодно, они вносят большой вклад в изучение литературы, языка и культуры народов Югославии. Широкое обсуждение научных проблем, обмен полезной информацией о результатах исследований во многом способствуют развитию международного сотрудничества в области югославистики и славяноведения в целом.

Результаты работы симпозиумов весьма полно отражаются в сборниках, издаваемых МСЦ. В них публикуются не только тексты всех докладов и сообщений, но и материалы дискуссий, имеющих место после каждого выступления.

В работе первого симпозиума, проходившего 14—20 сентября 1971 г., приняли участие 14 югославских ученых и 13 славистов из Австрии, ГДР, ФРГ, Франции, Италии, Англии, Швейцарии, Румынии и США. Тема симпозиума была сформулирована весьма широко: «Югославистика в мире и в Югославии». На четырех рабочих заседаниях было заслушано 23 выступления, имевших преимущественно информативный характер. В то же время в сообщениях зарубежных гостей, главным образом руководителей славистических кафедр-институтов и университетов, была дана научная оценка результатов исследований, проводимых различными славистическими центрами мира. Югославские филологи, лингвисты и литературоведы охарактеризовали состояние югославистики как в стране в целом, так и в отдельных научных центрах Югославии<sup>1</sup>.



В сентябре 1972 г. состоялся второй симпозиум по теме «Литературный язык и литературное творчество в периоды до и после начала деятельности Вука Караджича»; на нем было сделано 32 доклада и сообщения<sup>2</sup>. В центре внимания исследователей находилось несколько узловых вопросов. Ряд выступлений был посвящен связям В. Караджича с писателями и учеными зарубежных неславянских стран. При этом больше всего говорилось о взаимоотношениях Караджича с видным немецким писателем и филологом Я. Гриммом (Херберт Пойкерт, Йена; Милян Мояшевич, Берлин; и др.). Внимание ученых привлек также вопрос о плодотворных результатах изучения славянскими писателями языковых и литературных концепций В. Караджича. Так, Джордже Живанович (Белград) проанализировал отношение к творчеству Караджича великого польского поэта Адама Мицкевича, Антони Семчук (Варшава) провел интересные аналогии между языковой реформой Караджича и борьбой за новый литературный язык в России в начале XIX в. С содержательным докладом «Вук Стефанович Караджич и болгарское Возрождение» выступил Георги Веселинов (София). В докладах Харалампие Поленакевича (Скопле), Янко Юранчича (Любляна), Милорада Живанчевича (Нови-Сад), Йована Деретича (Белград) и других нашел освещение вопрос о вкладе соратников и последователей Караджича в развитие науки о языке и литературе. Большое число выступлений было посвящено проблеме «Вук Караджич как писатель и его влияние на формирование новых литературных направлений». Выступившие на симпозиуме лингвисты охарактеризовали состояние сербохорватского языка в период, предшествовавший деятельности В. Караджича, проанализировали диалектную базу, на которой формировался литературный язык реформатора, показали влияние Караджича на возникавшие впоследствии новые языковые концепции.

Тематика третьего симпозиума (13—18 сентября 1973 г.) была подчинена следующим основным проблемам: 1) литературные языки и народные говоры; 2) Вук Караджич, его современники и последователи; 3) личность и деятельность Вука Караджича в оценке европейской науки; 4) народное творчество и литераторы. В рамках названных проблем рассматривались различные аспекты вклада В. Караджича в развитие культуры,

языка и литературы народов Югославии во второй половине XIX в., а также его влияния на польскую, болгарскую, немецкую, румынскую, датскую литературу, филологию и лингвистику<sup>3</sup>.

Большое количество сообщений и их разнородность вызвали необходимость организации работы симпозиума по секциям. На заседаниях литературно-исторической секции было заслушано более 30 докладов. Назовем здесь лишь некоторые из них: «Влияние Вука на реалистическую сербскую прозу» (Димитрие Вученов, Белград); «Дух народной песни в лирике сербских романтиков» (Владета Вукович, Приштина); «Деятельность Вука Караджича и болгарская филологическая культура во второй половине XIX в.» (Петр Динеков, София); «Датские переводы Вуковых песен» (Пер Якобсен, Копенгаген); «Вук Ст. Караджич и Йозеф Юнгман» (Карел Горалек, Прага); «Вук и Объединенная омадина сербская» (Васо Милинчевич, Белград). Около 20 сообщений было заслушано участниками симпозиума на заседаниях лингвистической секции. Живой интерес вызвали доклады Александра Албина (Лос-Анджелес) об окончательной победе реформы правописания В. Караджича, Милорада Джораца (Приштина) о концепции литературного языка Караджича и сербохорватском языке 70-х годов XIX в., Йована Кашича (Нови-Сад) о некоторых фразеологических и лексических особенностях пословиц Караджича, историко-методологический обзор сербохорватской глагольной морфологии, сделанной Лью Миклесеном (Вашингтон), и ряд других выступлений.

Проблематика четвертого симпозиума (12—18 сентября 1974 г.) была связана с двумя важными событиями в истории югославянской культуры. Одним из них был выход в свет книги итальянского аббата Альберто Фортиса «Путешествие по Далмации», на страницах которой впервые была опубликована народная далматинская баллада «Хасанагиница», переведенная вскоре на многие языки и имевшая большой успех в Европе. В связи с 200-летием этого события участникам симпозиума была предложена для обсуждения тема «Фольклор народов Югославии в мировой литературе». Предметом оживленной дискуссии стала прежде всего сама «Хасанагиница», а также история ее записей и переводов (Мирослав Пантич, Белград; Карин Давидссон, Упсала; Дилиана Тодорова, Скопле; Мила Стойнич, Белград;

и др.). Кроме этого, обсуждались: проблематика баллады (Мухсин Ризвич, Сараево; Радмила Пешич, Белград); ее драматургические интерпретации (Бошко Новакович, Нови-Сад; Слободан Маркович, Белград; Владета Вукович, Приштина); филологические, лингвистические и художественно-стилистические особенности баллады (Павле Ивич, Белград; Александар Младенович, Нови-Сад). В ряде выступлений освещались общие методологические предпосылки изучения народной поэзии (Душан Йович, Белград; Боян Ничев, София), роль фольклора в развитии национальных культур, излагались результаты сравнительного исследования произведений устного творчества разных народов (Лиляна Самурович, Белград). С интересом был заслушан доклад советского ученого Б. Н. Путилова «Югославянская баллада и русская культура».

Вторая тема четвертого симпозиума была связана со 150-летием издания «Сербской грамматики» Вука Караджича на немецком языке с вводной статьей Я. Гримма. Эта статья, в которой была горячо и аргументированно поддержана языковая реформа Караджича, представляла собой важный вклад в славянское языкознание. В рамках предложенной темы «Сотрудничество Якова Гримма и Вука Караджича» рассматривались различные аспекты научных связей этих выдающихся филологов (В. П. Гудков, Москва; Манфред Енихен, Берлин), исследовалась проблематика научных занятий Караджича и Гримма (Радое Симич, Белград; Пер Якобсен, Копенгаген), подчеркивалось значение их сотрудничества для развития науки и культуры.

Всего на четвертом симпозиуме было заслушано около 70 выступлений славистов из 17 стран<sup>4</sup>. Впервые в его работе участвовали советские ученые.

Программу пятой встречи славистов (11—16 сентября 1975 г.) также определили два юбилея: 150-летие с начала издания Матицей сербской журнала «Летопис» и 150-летняя годовщина со дня рождения выдающегося сербского филолога Джуро Даниича. Предложенные темы — 1) «Летопис» Матицы сербской и типы сербских и европейских журналов в XIX—XX вв.; 2) Джуро Даниич и развитие сербохорватской филологии — вызвали большой интерес и послужили основой для широкого обмена мнениями и результатами научных изысканий<sup>5</sup>.

В рамках первой темы выступили 42 югославских и

зарубежных ученых. В докладах и последовавшей затем дискуссии были освещены роль и значение старейшего сербского литературного журнала в развитии культуры Сербии, а также оценка, которая давалась «Летописи» другими югославянскими и зарубежными литературными изданиями. Все сообщения по первой теме программы можно сгруппировать вокруг трех основных вопросов. Во-первых, был дан детальный анализ программ и направлений журнала, его характерных черт в различные периоды существования. Как это вытекает из выступлений Джордже Живановича (Белград), Живана Милисавца (Нови-Сад), Васо Милинчевича (Белград) и других ученых, основное направление журнала зачастую было связано с личностью его главного редактора. В различных исторических и политических условиях «Летопись» кардинально меняла свое лицо, не раз преобразуясь в жанровом, тематическом и идейном отношении в прямую противоположность того, чем она была прежде. Во-вторых, было проведено типологическое сопоставление «Летописи» с другими югославянскими, славянскими и европейскими литературными журналами и периодическими изданиями, были выявлены имевшиеся между ними различия и общие черты. В-третьих, было освещено отношение «Летописи» к устному народному творчеству, а также к выдающимся представителям отечественной и мировой литературы. Особенно много выступлений было посвящено отношению журнала к русской литературе, к творчеству В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и других русских классиков.

25 участников симпозиума посвятили свои выступления деятельности Джуро Даничица, ближайшего соратника Вука Караджича в борьбе за новый сербохорватский литературный язык и новое правописание. В докладах Йосипа Хамма (Вена), Н. И. Толстого (Москва), Асима Пецо (Белград), Александра Младеновича (Нови Сад) и др. было показано значение трудов Д. Даничица как для развития сербохорватского языкознания и литературы, так и для филологии и культуры всех славянских народов. В ряде сообщений был освещен вклад Д. Даничица в акцентологию, поэтику и другие области филологии, рассмотрены практические результаты его деятельности, исследованы взаимоотношения и связи Даничица с другими филологами того времени.

В центре внимания участников шестого симпозиума, проходившего с 13 по 19 сентября 1976 г., были три проблемы: 1) соотношение устного народного творчества и письменной литературы; 2) связи сербохорватского языка с другими языками в синхронном и диахронном плане; 3) актуальные проблемы югославистики за рубежом<sup>6</sup>.

О значении фольклора для формирования национальных литератур, о роли народно-поэтических мотивов в творчестве писателей Югославии и других стран, о некоторых других аспектах связи устного народного творчества и литературы говорили Твртко Чубелич (Загреб), Петр Динекон (София), Слободан Маркович (Белград), Мирьяна Бошков и Мария Клеут (Нови-Сад), Радмила Маринкович (Белград), Милорад Живанчевич (Нови-Сад) и др.

В рамках второй темы симпозиума были освещены связи сербохорватского языка с родственными ему или отличными от него по происхождению и структуре языками, оказавшими влияние на сербохорватский язык или подвергавшимися его влиянию. В докладах Роберта Оти (Оксфорд), Рудольфа Филиповича (Загреб), Любомира Михайловича (Белград), Франьо Мареша (Вена), Херты Куна (Сараево) и др. рассматривались проблемы изучения иностранных элементов в сербохорватском языке, сопоставлялись современные славянские и неславянские языковые системы, освещались историко-языковые отношения в период формирования литературных славянских языков, исследовались сербохорватско-иноязычные связи в период до появления письменности. Особый интерес участников симпозиума вызвали выступление Идриза Аети (Приштина) об албано-сербохорватских языковых отношениях и доклады советских славистов, сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР Н. И. Толстого «К вопросу о славянских лексических изоглоссах (сербохорватская лексика в общеславянском плане)» и Р. В. Булатовой «Проблемы сербской исторической акцентологии на материале письменных памятников XIV—XVI вв.».

На симпозиуме был проведен обмен информацией о состоянии югославистики в ряде стран Европы и в США. Докладчики сообщили о проблемах югославистики, изучаемых в их странах, и о достигнутых результатах, рассказали о подготовке кадров славистов, об издании



произведений югославских писателей за рубежом. Советские слависты Т. П. Попова, Р. Ф. Доронина и В. Е. Гусев сообщили о том, как в СССР изучаются литературы, фольклор и языки народов Югославии, ознакомили зарубежных коллег с методикой подготовки в СССР славистических кадров, поделились опытом перевода произведений югославских писателей на русский язык. Участники симпозиума констатировали, что в период, прошедший со времени первой встречи славистов, организованной Международным славистическим центром Сербии, югославистика за рубежом успешно развивалась, о чем свидетельствуют новые научные достижения славистов разных стран.

На проходившем с 12 по 18 сентября 1977 г. седьмом симпозиуме славистов имел место обмен мнениями по двум темам: 1) «Типологические характеристики грамматической структуры сербохорватского языка»; 2) «Роман в сербской литературе и его связь с югославянским и европейским романом». Рассмотрение первого вопроса явилось продолжением и расширением лингвистической тематики предыдущего симпозиума (связи сербохорватского языка с другими языками). Оно дало возможность определить специфику сербохорватского языка, выявить характерные черты, выделяющие его среди других, прежде всего славянских, языков.

В выступлениях литературоведов были вскрыты и проанализированы типологические закономерности развития романа от первых произведений этого литературного жанра до современных, определены отличительные особенности романа не только как особого жанра, но и как явления в национальной литературе Сербии. На материале отдельных произведений этого жанра в сербохорватской литературе и литературах других народов были рассмотрены важные вопросы теории и истории литературы.

Центральной темой последнего, восьмого симпозиума славистов (11—15 сентября 1978 г.) было формирование и развитие национальных литератур и литературных языков народов Югославии. На двух пленарных заседаниях были заслушаны интересные доклады Янко Юранчича (Любляна) о термине «народный литературный язык» и его возникновении у народов Югославии, Милорада Павича (Нови-Сад) о языке классицизма и предромантизма в сербской литературе, Н. И. Толстого

(Москва) о соотношении старого сербского книжного языка и старославянского литературного языка, Владеты Вуковича (Приштина) о лирике Бранко Радичевича и др. Большим разнообразием и глубиной отличались выступления югославских и зарубежных ученых на заседаниях лингвистической и литературной секций.

Вторым пунктом программы симпозиума было обсуждение проекта биобиблиографического словаря зарубежных югославистов. Участники симпозиума ознакомились с тезисами проекта, подготовленными Слободаном Марковичем, и заслушали его выступление по данному вопросу. В тезисах были изложены принципы, которыми рекомендовалось руководствоваться при отборе персоналий, определено содержание отдельных биобиблиографических статей, намечены этапы работы над словарем. Предполагается включить в словарь персоналии югославистов-лингвистов и литературоведов, югославистов-историков и искусствоведов, а также специалистов по истории, литературе и языкознанию других славянских стран, касающихся в своих исследованиях проблем югославистики, и известных переводчиков. Планируется выпустить словарь в двух томах. Первый том, который намечено издать в 1981 г., будет включать ныне живущих югославистов, второй том, который планируется опубликовать к 1984 г., должен охватить югославистов предшествующих лет. Каждая биобиблиографическая статья будет состоять из трех основных частей: биографических данных, библиографии, списка литературы о научных трудах югослависта.

В подготовке словаря будут участвовать филологический факультет Белградского университета, философские факультеты ряда высших учебных заведений страны, МСЦ Сербии, другие славистические центры Югославии, а также зарубежные югослависты. Есть все основания считать, что издание подобного словаря явится большим вкладом в разработку истории югославистики и славистики в целом.

\* \* \*

Каждая международная встреча славистов в Белграде проходила в обстановке сердечного гостеприимства и доброжелательности. Благодаря своей энергичной и плодотворной деятельности Международный славистический центр Сербии снискал заслуженное уважение и авторитет у славистов многих стран мира.

- <sup>1</sup> См.: Научни састанак слависта у Вукове дане, 1, Београд, Тршић, Тронеша, 14—20.IX 1971. Реферати и саопштена. Београд, б.г.
- <sup>2</sup> См.: Научни састанак слависта у Вукове дане, 2. Београд, Манастија, Нови-Сад, Тршић, 13—18.IX 1972. Реферати и саопштена. Београд, б.г.
- <sup>3</sup> См.: Научни састанак слависта у Вукове дане, 3. Београд. Тршић, Нови-Сад, 13—18.IX 1973. Реферати и саопштена. Београд, б. г.
- <sup>4</sup> См.: Научни састанак слависта у Вукове дане, 4. Београд, Тршић, Нови-Сад, 12—18.IX 1974. Реферати и саопштена. Београд, б. г. (2 тома); *Гудков В. П.* На Международном симпозиуме славистов в Югославии.—Вестник Московского университета. Филология, 1975, № 3.
- <sup>5</sup> См.: Научни састанак слависта у Вукове дане, 5. Београд, Нови-Сад, Тршић, 11—16.IX 1975. Реферати и саопштена. Београд, 1976.
- <sup>6</sup> См.: Научни састанак слависта у Вукове дане, 6. Београд, Приштина, Тршић, 13—19.IX 1976. Реферати и саопштена. Београд, 1977 (3 тома); *Попова Т. П.* Дни Вука Караджича в Югославии.—Вестник Московского университета. Филология, 1977, № 2.

Н. А. БОГАЕВА, И. С. МАКСУТОВ

## МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С 4 по 7 сентября 1974 г. в канадском городе Банф состоялась конференция, посвященная проблемам изучения европейских социалистических стран\*. В ходе ее работы на специальном заседании уполномоченных от славистических и советологических центров США, Канады, ФРГ, Дании, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Японии в присутствии делегатов и наблюдателей от других стран был избран Международный комитет по изучению Советского Союза и Восточной Европы (МКИССВЕ). Этот орган призван объединить деятельность сотрудничающих в его рамках организаций. К ним относятся: Американская ассоциация содействия славистическим исследованиям, Австралийско-Азиатская ассоциация по изучению социалистических стран, Ав-

\* Инициаторами конференции являлись: Американская ассоциация содействия славистическим исследованиям, Британская национальная ассоциация по изучению СССР и Восточной Европы, Британская университетская ассоциация славистов и Канадская ассоциация славистов.

стралийско-Новозеландская славистическая ассоциация, Британская ассоциация по изучению СССР и Восточной Европы, Британская университетская ассоциация славистов, Канадская ассоциация славистов, Бельгийский центр славянских исследований, Центр по изучению России и Восточной Европы университета в Тель-Авиве, Греческий центр славянских изучений, Отдел по изучению коммунизма Японского института международных отношений, Немецкое общество по изучению Восточной Европы в ФРГ, Ассоциация датских славистов, Институт славяноведения в Париже, Ирландская ассоциация славистов, Норвежский комитет по изучению Советского Союза и Восточной Европы, Специальная секция по изучению СССР и Восточной Европы Института международных исследований Южной Кореи. В состав комитета входят по два члена от США, Великобритании, Канады, ФРГ, Франции и по одному от остальных стран. Для оперативной работы выделяется Исполнительный комитет, состоящий из президента, двух вице-президентов, секретаря, трех членов и директора Информационного центра. Одной из функций этого центра является издание информационного бюллетеня, освещающего деятельность международных и национальных научных центров и помещающего библиографию новой литературы и источников (периодичность — три номера в год). Президентом Исполнительного комитета со сроком полномочий до 1980 г. избран профессор Мак-Мастерского университета в Канаде Адам Бромке, вице-президентами — профессор Бохумского университета Оскар Анвайлер (ФРГ) и профессор Парижского университета Жан Бонамур. Ближайшая задача Исполнительного комитета заключается в подготовке II Конференции по изучению Советского Союза и Восточной Европы, которую намечено провести с 30 сентября по 4 октября 1980 г. в г. Гармиш-Партенкирхене (ФРГ). По замыслу организаторов конференция эта должна служить дальнейшему укреплению интердисциплинарных и сравнительных исследований в области советологии и славистики.

Согласно данным МКИССВЕ, на конференции в Банфе присутствовали 820 официально зарегистрированных делегатов, представлявших США (450 человек), Канаду (200 человек), а также государства Западной Европы (Австрию, Бельгию, Великобританию, Грецию, Ирландию, Нидерланды, ФРГ, Францию, Швейцарию,



Швецию — всего 125 человек) и другие страны (Австралию, Новую Зеландию, Гонконг, Индонезию, Южную Корею, Японию, Индию, Израиль, Гану, Камерун, Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Колумбию и др.). От Советского Союза на конференции присутствовала делегация, представлявшая научные учреждения Академии наук СССР и Академии наук Украины. В ее состав входили историки (доктора исторических наук Г. Ф. Ким и В. А. Куманев, кандидат исторических наук Д. В. Кузнецов), философы (доктора философских наук Е. Д. Модржинская и В. С. Семенов), а также доктор экономических наук К. Н. Плотников и лингвисты и литературоведы — доктора филологических наук Ю. Д. Дешериев, А. Л. Дымшиц, В. М. Русановский. Возглавлял делегацию академик А. Л. Нарочницкий. В конференции участвовали ученые из Болгарии, Польши, Румынии, Югославии.

И характер конгресса, и факт участия в его работе советских ученых отразили коренные перемены, происходящие ныне на международной арене.

Дальнейшее повышение роли Советского Союза и социалистических стран в борьбе за мир и социальный прогресс, подъем национально-освободительных движений, усиливающееся стремление широких кругов общественности в самих западных странах к разрядке напряженности и мирному сосуществованию — все это определенным образом отражается на организационных основах западной советологии. Откровенно антикоммунистическая и антисоветская направленность, господствовавшая во времена холодной войны, начинает утрачивать былую привлекательность для значительной части буржуазных ученых, занимающихся изучением народов Восточной Европы. Вынужденные идти в ногу со временем, организаторы советологических разработок, не отказываясь от своих целей, во многом меняют тактику, провозглашая идею «либерализации» восточноевропейских исследований и заявляя о своем стремлении к диалогу с учеными из социалистических стран. Это откровенно признал в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» Г. Герасимовым директор Русского института Колумбийского университета профессор Маршалл Шулман в сентябре 1974 г. В послевоенный период, в годы холодной войны, говорил он, мы ориентировались на «изучение противника» и соответственно строили обучение. «Сейчас к нам идут юноши и девушки, которыми



движет научный интерес, а также те, кого волнует будущее человечества и кого привлекает сравнительное изучение различных моделей социальной организации общества. Мне кажется, — резюмировал Шулман, — что это гораздо более здоровая основа для исследований, чем та, которая существовала ранее»<sup>1</sup>.

Поскольку откровенно пропагандистская шумиха не может служить основой серьезного диалога, советологи ищут себе опору не только в традиционной политологической проблематике, но и в ряде конкретных научных дисциплин, в частности в славистике. Этим они надеются придать известную респектабельность своим сочинениям, основное направление которых осталось прежним. Конференция в Банфе дала тому немало подтверждений.

В программе ее были выделены пять проблем (им соответствовали пять секций конференции) и несколько так называемых специальных заседаний — для дискуссии по отдельным вопросам истории, языка и культуры народов СССР и стран Восточной Европы. При этом на первый план была выдвинута острая политическая проблематика.

Первая группа вопросов охватывала экономику, государственное и общественное устройство, демографические аспекты процесса индустриализации, научного и технологического развития Центральной Европы и СССР, развитие экономики и сельского хозяйства, распределение доходов в социалистическом обществе. Формулировки большинства тем, хотя и претендовали на внешнюю объективность, фактически подсказывали желательные для советологов ответы. Вот несколько примеров: «Экономические реформы и политические изменения в Восточной Европе»; «Конфликты в общественном секторе в Советском Союзе и Восточной Европе»; «Изменение коммунистических политических моделей и поиск более целесообразного политического курса». Если учесть, что среди докладчиков по этой проблематике было много лиц из числа антисоциалистической эмиграции (в том числе один из особенно активничавших в 1968 г. чехословацких ревизионистов Иван Свитак), то характер и ориентированность соответствующих докладов станут совершенно очевидными.

Вторая группа вопросов касалась международных отношений, в том числе истоков «холодной войны», связей Советского Союза с другими социалистическими

странами и развивающимися государствами, общих проблем взаимоотношений между Востоком и Западом. К этой проблематике тесно примыкала пятая группа вопросов («Образование, философия и религия»). Здесь оказались объединенными темы: «Современный марксизм», «Религиозный раскол», «Вопросы образования в СССР и Восточной Европе».

Третья и четвертая группы вопросов были посвящены истории, языку и литературе. Историческая тематика в основном касалась России XVII—XIX вв., а также Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Общеславянские сюжеты затрагивала лишь одна тема — «Кочевники и развитие славянского мира». Если часть тем была сформулирована таким образом, что создавала возможность для их объективного и научного обсуждения, то в других случаях, уже в самих формулировках видны были вполне определенные политические цели. Таковы, например, темы: «Старые большевики: мифы и реальность» и «Советская экономическая история: изменение норм индустриального роста в СССР и его объяснение». Аналогичным было положение в выборе тем филологического цикла. Наряду с собственно лингвистическими и историко-литературными вопросами («Проблемы ударения в славянских языках», «Социолингвистические проблемы», «Славянская и восточноевропейская описательная лингвистика», «Методология преподавания славянских языков», «Русский роман» и др.) в программу вошли темы, которые по замыслу организаторов конференции должны были продемонстрировать «достижения» западной советологии. К их числу в первую очередь следует отнести заседание, посвященное тенденциозным «Воспоминаниям» Н. Мандельштам, и симпозиум по прозе Андрея Белого.

Советские ученые принимали активное участие в обсуждении большей части названных проблем: они сделали 5 докладов, около 40 раз выступили в дискуссиях по докладам других участников конференции. Присутствие на конгрессе советских делегатов способствовало разоблачению ненаучных, а в ряде случаев и откровенно клеветнических докладов, с которыми выступили некоторые западные ученые и приглашенные на конференцию лица из реакционной эмиграции, которым злоба мешала видеть реальное положение вещей.

Впрочем, состав участников конференции был неоднородным. «Не могу, да и не хочу утверждать, что все докладчики были из породы „советологов“, — отмечал А. Л. Дымшиц. — Среди участников заседаний, выступавших с докладами, находились и подлинные ученые; правда, главным образом фактологи, сравнительно узкие специалисты, но совершенно лишённые тех пропагандистских „сверхзадач“, которые тщились решать в Банфе „советологи“»<sup>2</sup>. Примечательно, например, что очередная попытка американского слависта Эдварда Кинана обосновать уже подвергнутый убедительной критике со стороны советских историков тезис о подложности переписки между Иваном Грозным и Андреем Курбским встретила решительные возражения со стороны тех западных ученых, которые руководствуются не предвзятыми соображениями, а анализом исторических фактов<sup>3</sup>. Этот пример свидетельствует о том, что в капиталистических странах есть немало квалифицированных и объективных специалистов, контакты с которыми независимо от методологических расхождений между ними и советскими учеными могут способствовать налаживанию делового и плодотворного научного сотрудничества.

В нашей печати итоги конференции в Банфе подвела краткая статья «Кризис зарубежной советологии», опубликованная в газете «Известия» от 12 сентября 1974 г. В ней говорится: «Конференция показала рост интереса к более глубокому изучению причин и последствий огромных достижений Советского Союза и других социалистических стран во всех областях науки, экономики и культуры, их языков, литературы и истории. В то же время конференция отразила глубокий кризис и полный провал прогнозов зарубежной буржуазной „советологии“, специализировавшейся на лжи и клевете в отношении социализма. Приглашение советских ученых на конференцию свидетельствует о том, что ее организаторы осознавали невозможность изучать Советский Союз и другие социалистические страны без ученых этих стран. Советская делегация в многочисленных полемических выступлениях раскрывала несостоятельность зарубежной „советологии“ и лжеинформации о странах социализма, распространяемой реакционной националистической эмиграцией. Советские ученые освещали вопросы политики КПСС, успехи советской экономики, науки и культуры, позиции Советского Союза по вопросам разрядки меж-

дународной напряженности. Их выступления содействовали повышению авторитета советской науки среди участников конференции». Ход работы конференции и ее итоги получили освещение и в ряде органов западной прессы, которые высказывали свое отношение к тенденциозно советологическим докладам и выступлениям советских участников конференции. Позиции этих органов и разнородность состава участников дискуссии в Банфе не могли не сказаться и действительно сказались на появившихся оценках. Примечательна критическая тирада о советологах, которую напечатала на своих страницах газета «Нью-Йорк таймс» вскоре после окончания канадской конференции: «Их-то считали оракулами, утешителями, пророками, учеными. Теперь же ставится под вопрос их полезность, они оказались вымирающими животными в эпоху разрядки»<sup>4</sup>. Во многом противоположный взгляд был высказан в газете «Нойе Цурхер цайтунг» от 6 октября 1974 г. в статье «Диспут о Восточной Европе в Банфе». Автор заметки с явным сочувствием относится к позиции советологов и пытается бросить тень на участвовавших в дискуссии советских делегатов. В заметке, например, говорится: «Западных коллег удивил тот факт, что, за некоторыми исключениями, вместо ученых, занимающихся вопросами славистики, на конференцию прибыли специалисты таких областей, как история, философия и политология, социология и экономика»<sup>5</sup>. Между тем состав советской делегации, как это было показано выше, вполне соответствовал программе, составленной ее организаторами, которые явно отдавали предпочтение не славистической проблематике, а темам совершенно иного характера.

Более пространны и содержательны статьи двух участников конференции — Андреаса Каппелера (Швейцария)<sup>6</sup> и профессора Карла-Ойгена Ведекина из Гисенского университета (ФРГ)<sup>7</sup>.

Авторы обеих статей отмечали, что по замыслу организаторов конференция в Банфе претендовала, во-первых, на международный характер и, во-вторых, на универсальность охвата тематики восточноевропейских исследований — от политологии, демографии, экономики и социологии до исторической науки, педагогики, лингвистики и литературоведения. Ведекин отмечает своевременное появление специального номера журнала «Кэнедиен славоник пейперс» с краткими обзорами, посвя-

щенными изучению Восточной Европы и славистики в Канаде, США и Великобритании. Недостатком публикации Ведекин считает отсутствие в ней данных о соответствующих учреждениях. Каппелер, отметив многочисленность участников конференции, указал, что подавляющая их часть представляла США и Канаду. Из 125 западноевропейских участников преобладали ученые из Великобритании. Такие страны, как Франция и ФРГ, были представлены лишь небольшим числом делегатов. Подобное положение Каппелер оценил как неудовлетворительное. Что касается присутствия на конференции ученых из ряда стран Восточной Европы, и особенно советской делегации, то оно, по мнению Каппелера, содействовало оживлению дискуссии. Каппелер, по его словам, имел возможность прослушать только часть докладов, концентрируя свое внимание прежде всего на темах по русской истории. Его привлекла, в частности, упомянутая выше дискуссия о подлинности переписки Ивана IV с князем Курбским, которая происходила под председательством американского профессора Б. Уроффа (Иллинойский университет) и показала необоснованность выдвинутого Э. Кинаном тезиса.

Ведекин несколько подробнее пишет о диалоге с учеными из восточноевропейских стран. Представляются интересными его рассуждения о соотношении восточноевропейских исследований с другими дисциплинами. По словам Ведекина, опыт последних лет показал, что ученые из социалистических стран охотнее участвуют в совместных встречах в рамках традиционных научных дисциплин, нежели в собственно советологических и остфоршерских форумах. Отсюда автор делает вывод о желательности достичь некоего взаимодействия между двумя этими направлениями. В сущности его позиция представляет собой один из вариантов «либерализации» советологического подхода, о чем говорилось выше. Ведекин называет «кульминацией» конференции в Банфе создание МКИССВЕ и информационного центра при нем. Этот центр организован при университете в Глазго (Шотландия); ему поручено издание информационных брошюр в помощь всем работающим в области остфоршунга и славистики. Ведекин упоминает о проводившихся длительное время подготовительных работах, в том числе об издании в Глазго серии извлечений из научной прессы Советского Союза и европейских социалистиче-



ских стран. Он выражает надежду, что создание в Глазго постоянного информационного центра по остфоршунгу и славистике не только позволит расширить объем подобной работы, но и укрепит ее финансовую базу.

Оценивая итоги конференции в целом, Ведекин осторожно указывает на то, что о них по-настоящему можно будет судить только после полного издания ее материалов. Эту осторожность можно понять, ибо вопреки декларациям и заверениям организаторов встречи в Банфе советологические тенденции явно получили на конференции перевес над славистической проблематикой. МКИССВЕ не отказался от этих тенденций и в процессе подготовки II конференции по изучению Советского Союза и Восточной Европы, которая намечена на 1980 г.

Ее практическую подготовку осуществляет Оргкомитет, образованный Немецким обществом по изучению Восточной Европы в ФРГ во главе с профессором О. Анвайлером. Намечая уделить преимущественное внимание проблемам XX в., устроители планируют создание в рамках конференции пяти секций: педагогики, философии и религии (руководитель О. Анвайлер), права и политики (руководитель — профессор Вюрцбургского университета Георг Бруннер), языкознания и литературы (руководитель — профессор Славистического института Кёльнского университета Вольфганг Казак), истории (руководитель — профессор семинара по истории Восточной Европы Кёльнского университета Гюнтер Штёкль), экономики и социологии (руководитель — директор Федерального института по изучению Востока и международных отношений доктор Хайнрих Фогель).

---

<sup>1</sup> Герасимов Г. Алхимики от политики, или Почему пахнет племя «советологов». — Комсомольская правда, 1974, 29 сент., с. 3.

<sup>2</sup> Дымшиц А. Л. Банф-74, или Лицом к лицу с «советологами». — В кн.: Дымшиц А. Л. Нищета советологии и ревизионизма. М.: Изд-во худож. лит., 1975, с. 328.

<sup>3</sup> Скрынников Р. Г. Переписка Грозного с Курбским. Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, 1973.

<sup>4</sup> Цит. по: Герасимов Г. Указ. соч., с. 3.

<sup>5</sup> Disput über Osteuropa in Banff: Eindrücke von einer internationalen Konferenz in Kanada. — Neue Zürcher Zeitung, 1974, 6. Okt.

<sup>6</sup> Kappeler A. Banff'74. International Conference. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1975, N 1, S. 149—151.

<sup>7</sup> Wädekin K.-E. Banff'74: Internationale Konferenz der Ostforschung und Slavistik. — Osteuropa, 1975, N 2, S. 146—148.

## II. СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Д. Ф. ПОПЛЫКО, И. А. КАЛУЖСКАЯ, К. И. ЛОГАЧЕВ,  
И. Л. ФАДЕЕВА

### ОБ ИЗУЧЕНИИ БАЛКАНИСТИКИ В БАЛКАНСКИХ СТРАНАХ

Возникновение Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы способствовало оживлению исследовательской работы в области изучения языков, истории и культуры балканских народов, прежде всего в самих Балканских странах. Предлагаемый обзор содержит характеристику основных научных центров балканских исследований в этих странах и проводимой ими работы. Каждый из разделов отражает характер и особенности ведущейся здесь работы. Так, если, например, в Болгарии, Югославии, Румынии, Греции балканские исследования охватывают широкий комплекс проблем в масштабах всего региона, то в других странах (Албания, Турция) эти исследования носят исключительно или преимущественно страноведческий характер. Это обстоятельство требовало, в частности, некоторых различий в построении и в форме подачи материала в соответствующих частях обзора, авторами которых являются: Д. Ф. Поплыко (Болгария, Румыния, Югославия), И. А. Калужская (Албания), К. И. Логачев (Греция), И. Л. Фадеева (Турция).

#### Болгария

В 1963 г. в Софии при Болгарской академии наук был создан Институт балканистики. Возглавляет его член-корреспондент БАН профессор Николай Тодоров. Институт возник как комплексное учреждение для изучения социально-экономической, политической и культурной истории балканских народов, а также межбалканских связей. Однако возможности нового института вначале были небольшими, прежде всего из-за недоста-

точного числа сотрудников. В течение ряда лет вопрос о кадрах был одним из острых научно-организационных вопросов. Руководство института проводило планомерную политику подготовки кадров через систему аспирантуры, расширяло штат, привлекало специалистов из родственных институтов и т. п. В результате, по мнению руководства, институт к началу 1974 г. был уже сравнительно хорошо обеспечен научными сотрудниками: имел 2 докторов, 27 кандидатов наук, 10 аспирантов<sup>1</sup>.

Структура, которую институт имеет в настоящее время, складывалась в процессе поисков наиболее подходящих организационных форм для решения намеченных задач. Вначале были небольшие рабочие группы, основу которых составляли штатные сотрудники, но привлекались специалисты и из других институтов и высших учебных заведений<sup>2</sup>. В 1964—1965 гг. были созданы четыре основные проблемные комиссии<sup>3</sup>. Одной из основных задач института в научно-организационном отношении с момента его основания явилась задача координации. Необходимость ее ощущалась все более по мере того, как институт брался за решение больших комплексных задач. Проблемные комиссии выполняли роль координирующих центров, объединяющих усилия всех заинтересованных в определенных темах специалистов в стране<sup>4</sup>.

Особенно плодотворным в решении научно-организационных задач был для института 1973 г., год, знаменательный для болгарской науки в целом. Создание Единого центра по науке и подготовке кадров по истории способствовало решению выдвинутой задачи — интеграции исторического фронта, связи науки с преподаванием и производством, концентрации сил историков на выполнении наиболее важных в научном и политико-воспитательном значении проблем. Через Ассоциацию Центр координирует свою работу и поддерживает научные связи с учеными всего мира<sup>5</sup>.

Руководство института в течение 1973 г. принимало меры по дальнейшему оформлению комплексного облика учреждения. Была проведена большая организационная работа по перестройке структуры и всей научной деятельности института в рамках БАН. В основу преобразований был положен комплексно-целевой подход к научной проблематике: с 1974 г. институт имеет новую структуру: три исторические секции: «Балканские наро-

ды и Византия» (руководитель — проф. В. Тыпкова-Займова), «Балканы в эпоху османского феодализма и национально-освободительной борьбы» (руководитель — старший научный сотрудник В. Мутафчиева), «Балканы при капитализме» (руководитель — проф. С. Дамянов); одну историческую группу — «Балканы в 60-е годы XX в.» (руководитель — старший научный сотрудник П. Штерев) и одну историко-культурную секцию, созданную несколько позднее первых, — «История культуры балканских народов» (руководитель — старший научный сотрудник Н. Драгова).

Внутри секций сохраняются как творческие коллективы проблемные группы. Кроме того, при институте создан Центр научной информации как научно-вспомогательное звено<sup>6</sup>. Руководство института видит в сложившейся структуре оптимальный вариант, позволяющий успешно выполнять все более сложные научные и политические задачи<sup>7</sup>.

Научно-исследовательская деятельность института со дня его основания была направлена на решение нескольких крупных проблем.

Так, в планах института нашла отражение одна из магистральных общих проблем балканистики — этногенез балканских народов. Предполагалось также вести исследование по балканской топонимике и антропонимии, исторической географии и др. Было уделено внимание исследованию демографических изменений на Балканах в период раннего и позднего средневековья.

Наличие в Болгарии османских архивов позволило в качестве второй крупной проблемы выдвинуть «османистику», т. е. разработку тем, связанных с турецким феодализмом в балканских провинциях бывшей Османской империи.

При разработке всей названной проблематики было обращено внимание на выявление как общепалканских линий развития, так и специфических черт, присущих лишь болгарским землям.

В новом плане, по которому с 1973 г. работает институт и который определяет перспективы его исследовательской деятельности, выделяется ряд важных и менее разработанных тем<sup>8</sup>. Темы эти следующие: по секции «Балканские народы и Византия» — политическая и культурная взаимность между средневековыми балканскими государствами; по секции «Балканские на-

роды в эпоху османского феодализма и национально-освободительные движения на Балканах» — генезис капитализма, кризис османской феодальной системы и характер освободительной борьбы на Балканах в XIX в.; по секции «Балканы при капитализме» — экономическое и социальное развитие Балкан в начале века и балканские взаимоотношения, политика великих держав накануне и в начале второй мировой войны, антифашистское сотрудничество в годы второй мировой войны (последняя тема выделена особо); по секции «История культуры балканских народов» — возникновение и развитие национальных культур на Балканах<sup>9</sup>.

Болгарский Институт балканистики выступает инициатором изучения новейшей истории Балкан: создана проблемная группа для анализа изменений, направлений и тенденций в развитии политической обстановки на Балканах в 60-е годы XX в.<sup>10</sup>. Руководство института ставит задачу усилить современную тематику.

В последние годы за счет уменьшения числа тем институт намеревается сосредоточить усилия коллектива на наиболее значительных в научном отношении вопросах, имеющих не только познавательное, но и важное политическое значение. Так, главной перспективной задачей института является создание пятитомного труда по истории балканских народов. В подготовке его заняты почти все сотрудники института. Разработана новая программа и для информационной деятельности в институте. Она призвана библиографически обеспечить подготовку плановых тем. Специалисты Центра будут помогать непосредственно каждой секции. В Центре разрабатывается система ИРИ (избирательного распространения информации)<sup>11</sup>.

Большой объем научно-исследовательской деятельности института отражен в его научной продукции. Директор института Н. Тодоров привел суммарные данные за 10 лет работы этого учреждения: институт выпустил 68 монографий и сборников, около 450 статей, около 250 рецензий и отзывов. Эти цифры следует дополнить 16 монографиями и сборниками, более 40 статьями, около 30 рецензиями, 2 томами балканской библиографии и другими работами, вышедшими в институте за 1974—1975 гг.<sup>12</sup>. Особо следует отметить издание институтом материалов I конгресса по балканистике в Софии. С 1968 по 1971 г. институт опубликовал семь томов «Actes



du Premier congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes» и шесть дополнительных брошюр с докладами. В печатной продукции института сравнительно равномерно представлены все Балканские страны. Материал соразмерно распределяется по сюжетам от античности до новейшей истории<sup>13</sup>.

Институт имеет несколько научных изданий. Журнал «Etudes balkaniques», выходящий с 1964 по 1968 г. по 1—2 номера в год, с 1969 г. по настоящее время выходит поквартально. В редакцию издания входят: Николай Тодоров (главный редактор), Страшимир Димитров (помощник главного редактора), Стефан Великов (секретарь), Василка Тыпкова-Заимова (редактор по тексту), Стойко Божков, Христина Михова, Кынчо Георгиев, Веселин Трайков. В данном издании печатаются статьи, сообщения, публикуются источники, историографические материалы, рецензии, аннотированная библиография, хроника и т. п. Отчеты о деятельности института здесь не помещаются. Подробная информация по этому вопросу (за каждый календарный год) дается в ведущем историческом журнале Болгарии «Исторически преглед»<sup>14</sup>. Материалы в «Etudes balkaniques» публикуются на французском, болгарском, русском, английском и немецком языках.

Под грифом «Studia Balkanica» институт публикует документы, монографии и тематические сборники<sup>15</sup>.

В 1966 г. по решению Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы при Институте балканистики в Болгарии был создан Международный центр по научным исследованиям и документации со специализированной библиотекой (СИБАЛ). Задачей его является подготовка текущей и ретроспективной библиографии по балканистике: «Bibliographie d'Etude Balkaniques». Стипендии ЮНЕСКО позволяют привлечь к этой работе многих болгарских и иностранных специалистов. С 1968 г. вышли 12 томов «Библиографии»<sup>16</sup>. В настоящее время издание расширило свои хронологические и тематические рамки. В библиографию включены материалы по современной истории и наиболее важные публикации, изданные в Балканских странах. В расчете на машинную обработку материалов в будущем введен новый информационный язык<sup>17</sup>.

Другой задачей Центра является создание специализированной библиотеки по балканистике для справок и

работы ученых-балканистов всех стран. Работа по созданию такой библиотеки начата.

В периодических изданиях института сотрудничают иностранные ученые из Балканских стран, СССР и других социалистических стран, капиталистических стран Европы и США<sup>18</sup>.

Институт балканистики в Софии является одним из самых активных членов Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы. Он провел Первый конгресс Ассоциации (в 1966 г.), десятки международных конференций и специальных научных встреч. Сотрудники института активно участвуют в конгрессах и конференциях за рубежом<sup>19</sup>.

Связь с Ассоциацией Институт осуществляет через Национальный комитет балканистов Болгарии (председатель акад. Вл. Георгиев).

### Югославия

Югославия имеет давние традиции в области балканских исследований. В 1910, 30 и 50-е годы в Сараеве и Белграде работали Институты балканистики<sup>20</sup>, 60-е годы открыли новый этап в развитии данной отрасли науки. В 1962 г. в Сараеве при Научном обществе Боснии и Герцеговины оформился Центр по балканистике<sup>21</sup>. После создания Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы и организации Национального комитета балканистов Югославии<sup>22</sup> в 1963 г. было принято решение об основании Института балканистики, который начал свою деятельность в 1967 г. в Белграде при Сербской академии наук и искусств (САНИ). При Македонской академии наук и искусств в Институте национальной истории в Скопле возник Отдел балканистики. Таким образом, в Югославии образовалось три балканистических центра, для руководства которыми в 1965 г. при Совете югославянских академий был создан Координационный межакадемический комитет по балканистике<sup>23</sup>. Такая система сохраняется по настоящее время.

Во главе Координационного межакадемического комитета с момента его возникновения стоит Васа Чубрилович, действительный член САНИ, профессор философского факультета Белградского университета, почетный член АН СССР. В комитет входят представители всех рес-

публиканских академий, избираемые на три года<sup>24</sup>. Он имеет конкретные рабочие планы и перспективную программу, предусматривает разработку крупных научных проблем, требующих коллективного исполнения<sup>25</sup>.

В течение первых нескольких лет комитет, опираясь на Институт балканистики, организовал изучение такой комплексной темы, как «Обычное право и самоуправление на Балканах и в соседних землях». Итогам ее разработки был посвящен международный симпозиум 1971 г., а также сборник статей<sup>26</sup>. В последующие годы (1971—1975) исследовалась другая общая проблема — «Кочевое и полукочевое скотоводство на Балканах и в Юго-Восточной Европе». Для ее разработки при ряде республиканских академий были созданы специальные научные комиссии. Так, при Югославянской академии наук и искусств (Хорватия) была образована комиссия во главе с академиком Бр. Гушичем. Она планировала широкий размах работ, предполагала использовать архивные материалы городов Задра, Сплита, Дубровника и др. Комиссия при Македонской академии наук и искусств сформировала для успешного комплексного исследования данной темы несколько рабочих групп: исторического, экономического, археологического, антропогеографического, филологического, топономастического и других аспектов. Комиссия привлекла к работе Географический институт САНИ, отдельных сотрудников других учреждений, а также ученых Греции, Болгарии, Румынии. Разработка темы продолжается<sup>27</sup>.

Институт балканистики в Белграде, с 1978 г. возглавляемый членом-корреспондентом САНИ Радованом Самарджичем (первым директором института с 1963 по 1978 г. был академик САНИ и почетный академик АН СССР В. Чубрилович), направляет свои усилия на изучение широкого круга проблем по следующим аспектам балканистики: история, археология, лингвистика, этнография, история литературы и искусства, экономика, социология, право. В первые годы руководство института занималось поисками организационных форм и определением тем, отражавших специфику балканистических исследований в Югославии.

После утверждения в 1972 г. новых планов работ и нового статуса института была проведена организационная перестройка, создан Ученый совет (Научно вече) во главе с академиком Мехмедом Беговичем, организовано

Трудовое объединение (Радна заједница), которое возглавил д-р Петар Милосавлевич.

В институте оформились следующие секции<sup>28</sup>: 1. Секция археологии (руководитель — д-р Никола Тасич). Центральная тема — «Материальная и духовная культура палеобалканских племен доримской эпохи». 2. Секция средних веков (руководитель Драголюб Драгойлович). Ее профилирующая тема — «Еретические течения на Балканах и в Малой Азии. Публикация источников и библиографии». 3. Секция XIX века (руководитель — академик В. Чубрилович, секретарь — научный советник Климе Джамбазовски). Главные темы — «Восточный вопрос в свете освободительных движений балканских народов» и «Сербия и освободительные движения на Балканах от Парижского мира до Берлинского конгресса (1856—1878)». 4. Секция XX века (руководитель — д-р Петар Милосавлевич). Основные темы — «Великие державы и страны Юго-Восточной Европы в первой половине XX в.», «Рабочее движение в Юго-Восточной Европе». 5. Секция права (в сравнительном плане) (руководитель — д-р Джурица Крстич). Основная тема — «Обычное право и самоуправление на Балканах и в соседних землях». 6. Секция сравнительного литературоведения (руководитель — д-р Миодраг Стоянович). Основная тема — «Народная литература на Балканах». 7. Секция сравнительного изучения истории прикладного искусства (руководитель — д-р Верена Хан). Основная тема — «Художественные ремесла на Балканах». 8. Секция этнографии и антропогеографии (руководитель — д-р Драгослав Антониевич). Основная тема — «Кочевое и полукочевое скотоводство на Балканах и в Юго-Восточной Европе».

В настоящее время в институте работает свыше 10 штатных и около 30 внештатных сотрудников<sup>29</sup>.

Институт имеет научные связи с рядом институтов, академий и т. п., создает научные комиссии и редакционные советы различного уровня<sup>30</sup>. Наиболее тесные связи он имеет с Центром балканистики в Сараеве и Координационным межакадемическим комитетом. Поддерживаются контакты с иностранными учеными.

Институт совместно с Координационным межакадемическим комитетом издает ежегодник «Balcanica»<sup>31</sup>. В его редакционную коллегию входят: академик В. Чубри-



лович (редактор), Н. Тасич, Др. Антониевич (секретари), члены редколлегии — от Югославии: Фр. Баришич, А. Бенац, М. Гарашанин, Бр. Гушич, М. Петрушевски; от других государств: И. Дуйчев (Болгария), Х. Иналджик (Турция), Й. Перени (Венгрия).

Ежегодник публикует статьи и сообщения, широко рецензирует все балканистические издания, дает подробную информацию о развитии балканистики в Югославии; библиографии не помещает.

Балканисты Югославии, как и их коллеги в других Балканских странах, помимо научно-исследовательской ведут большую научно-организационную работу, активно участвуют в международных встречах по балканистике. На очередном III Международном конгрессе в Бухаресте в 1974 г. от Югославии было представлено 115 докладов и сообщений<sup>32</sup>.

Во главе второго балканистического научного учреждения Югославии — Центра балканских исследований в Сараеве стоит президент Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины академик АНИ БиГ археолог Алойз Бенац. Центр взял на себя роль головного учреждения по разработке проблем праистории и античной эпохи. Центр координирует, кроме того, разработку ряда тем по трем профилирующим наукам: археологии, палеоэтнографии, этнографии и лингвистике.

Одной из важнейших задач Центра является создание картотек, а также издание памятников и библиографий по проблеме «Материальная и духовная культура иллирийских племен». В дальнейших планах Центра намечается переход к другой крупной теме — «Изучение славянского населения Боснии и Герцеговины в древнейшее время», а также участие в создании комплексной «*Bibliographia Thracico-Dacica*».

В настоящее время Центр обеспечивает работу по следующим крупным темам: выявление источников по материальной и духовной культуре иллирийских племен; особенности материальной культуры на территории Далмации; обобщение данных картотеки иллирийских племен; древнейшая материальная культура славянского населения в Боснии и Герцеговине (V—VI вв.); исследование римских и доримских коммуникаций в Боснии и Герцеговине; старая балканская архитектура; топонимика Предгорья с определением дославянского и славянского языкового слоя; исследование иллирийской антро-



пономии; романские языковые элементы; собрание материалов для фрако-дакийской библиографии<sup>33</sup>.

Кроме того, коллектив Центра включился в разработку проблемы кочевого и полукочевого скотоводства. Он ведет большую научно-организационную и публикаторскую деятельность. Провел несколько симпозиумов: иллиры и фракийцы — 1973 г., о влахах — 1972—1973 гг., иллиры и палеоитальянцы — 1975 г. и др., материалы которых опубликованы в трудах академии «Джела»<sup>34</sup>.

Центр сотрудничает и координирует свою деятельность не только с учеными Балканских стран, но и тесно связан с учеными Италии (по изучению Адриатического побережья).

Сараевский Центр балканистики очень широко публикует отчеты о своей деятельности: в виде кратких сообщений в «Balcanica» и в виде полных протоколов отчетных годовых собраний сотрудников Центра в своем органе «Godišnjak». В редакционную коллегию его входят А. Бенац, Б. Чович, Р. Катичич и Ф. Папазоглу. Издание широко иллюстрируется. Материалы печатаются на основных европейских языках.

### Румыния

В Румынии так же, как и в других Балканских странах, к моменту создания ныне существующего Института балканских исследований уже был накоплен определенный опыт в изучении Юго-Восточной Европы. В 30-х годах под руководством крупного буржуазного ученого Н. Иорги работал румынский Институт по изучению Юго-Восточной Европы, издававший журнал «Revue historique du Sud-Est européen». Новый институт по изучению стран Юго-Восточной Европы, созданный в 1963 г., возглавил член-корреспондент Академии СРР Михай Берза, занимавший этот пост до 1978 г. Он же был главным редактором издания этого института и председателем Румынского национального комитета балканистов. В настоящее время директором института является медиевист Еужен Стэнеску.

Структура института, сложившаяся с самого начала, свидетельствует о его комплексном характере и отражает направления научно-исследовательской работы его коллектива<sup>35</sup>. Институт имеет четыре секции: истории и археологии; языкознания и литературоведения; этно-

графии, фольклора и искусства; экономики, права и социологии (внутри секций выделены секторы).

Румынские балканисты определили круг проблем, требующих, по их мнению, изучения в ближайшем будущем. Так, в научный план секции истории включены взаимоотношения между Византией и Дунайскими княжествами в средние века, византийские памятники в Румынии, культурные взаимовлияния, Византия и печенеги, балканский мир в средневековой историографии Валахии, Молдавии, Трансильвании. Предусматриваются научно-исследовательская работа и издание документов по периоду османского феодализма (участие в совместной работе с болгарскими и советскими учеными) и др. В области экономики и социологии выдвигается тема экономических связей в Юго-Восточной Европе в XIX в., социальная дифференциация городского и сельского населения в первой половине XIX в., внешняя торговля Валахии, развитие капитализма в Румынии в конце XIX в. и др. Основными проблемами в секции языкознания и литературоведения являются: распространение просветительских идей в Дунайских княжествах и связи между идеями просвещения у румын и других балканских народов; взаимоотношения между румыно-славянской и южнославянской литературами; латинские элементы в балканской топонимике и румынский элемент в языках других балканских народов.

Сведения о деятельности института за каждый год в виде кратких информационных (содержащих разделы: завершённые работы, научные заседания, участие сотрудников института в научных встречах в стране и за рубежом) помещаются в периодическом органе института «*Revue des études Sud-Est européennes*» начиная с 1967 г.<sup>36</sup> Издание выходило в 1963—1968 гг. по два сдвоенных номера в год, теперь — поквартально. В редакционную коллегию квартальника входят: академик Э. Кондураки (главный редактор), А. Дуцу (помощник главного редактора), член Академии СРР А. Росетти; члены-корреспонденты Академии СРР Н. Михеэску, К. Мургеску, Д. М. Пиппиди, А. Элиан, В. Джорджеску, Фр. Палл, М. Поп, Э. Стенеску. Журнал публикует разнообразный материал: статьи, сообщения, дискуссионные выступления по истории, социологии, литературе, фольклору, праву и т. д., рецензии и научную хронику, много внимания уделяет библиографии. Материалы печат-

таются на французском, английском, немецком, русском, итальянском языках. Институт активно участвует в работе Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, связь с которой осуществляется через Румынский национальный комитет балканистов (председатель Штефан Паску), принимает участие в ее зарубежных мероприятиях, а также проводит значительное число встреч, симпозиумов, коллоквиумов и т. п. в Румынии.

Коллектив института принял активное участие в подготовке и проведении III Международного конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы, состоявшегося в сентябре 1974 г. в Бухаресте.

### Албания

Говоря о балканских исследованиях в Албании, необходимо иметь в виду, что албанская гуманитарная наука по ряду причин не выходит за пределы изучения национальной проблематики, поэтому балканистика в широком понимании термина там не представлена. Тем не менее исследования по албанистике, ведущиеся в НСРА, несомненно, могут рассматриваться в рамках этой дисциплины.

Главными научными центрами Албании являются Академия наук НСРА, созданная в январе 1972 г. на базе нескольких научно-исследовательских институтов, и Тиранский государственный университет, созданный в 1957 г. на базе Института наук. В 1963 г. при университете был организован Институт истории и языковедения (*Instituti i historisë dhe i gjuhësisë*), преобразованный в 1971 г. в два самостоятельных учреждения: Институт истории (*Instituti i historisë*) — директор Стефань Поло и Институт языка и литературы (*Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë*) — директор Андрокли Косталари. В 1973 г. оба института перешли в ведомство Академии наук НСРА. Помимо перечисленных организаций, научные исследования ведутся в Институте фольклора и Педагогическом институте в Шкодре. В 1964 г. при Тиранском университете был создан Албанский национальный комитет балканских исследований под председательством академика Ан. Косталари. Комитет входит в Международную ассоциацию по изучению стран Юго-Восточной Европы.

Исследовательская работа Института истории Академии наук НСРА охватывает довольно широкий круг вопросов истории Албании: проблемы этногенеза (история иллирийцев, происхождение албанцев), средневековой истории Албании (эпоха феодализма, турецкое завоевание), экономические и социальные условия формирования албанской нации, албанское национальное Возрождение, национально-освободительное движение албанского народа, рабочее и антиимпериалистическое движение, проблемы строительства социализма, история архитектуры и искусства и пр.

В соответствии с указанными направлениями Институт истории имеет следующие секторы: археологии и древней истории; этнографии; истории искусств; средневековой истории; новой и новейшей истории; истории периода национально-освободительного движения; истории периода строительства социализма; публикации документов.

Сотрудниками Института подготовлен и выпущен ряд трудов, среди которых в первую очередь следует назвать «Историю Албании» (1-й и 2-й тома изданы соответственно в 1959 и 1965 гг., в настоящее время планируется их переработанное издание, а также ведется работа над 3-м томом, охватывающим послевоенный период). Кроме того, можно упомянуть такие работы, как «Албанцы и пелазгская проблема» С. Конды (Тирана, 1964); «Шкодерский пашалык под властью Бушатли во второй половине XVIII в. (1757—1796 гг.)» С. Начи (Тирана, 1964), «Освободительная и антиимпериалистическая борьба албанского народа в 1918—1920 гг.» М. Чами (Тирана, 1969); «Цеховые организации в Албании. XV—XX вв.» З. Шкодры (Тирана, 1973).

Основные направления научной деятельности Института языка и литературы Академии наук НСРА определяются в первую очередь нуждами народного образования в НСРА. В связи с этим главное внимание его сотрудников в течение ряда лет было сосредоточено на создании единой системы албанской орфографии, выработке литературных норм, разработке программ школьного обучения. Результаты указанной деятельности нашли выражение в документах конгресса по орфографии албанского языка, проходившего в Тиране 20—25 ноября 1973 г., где отмечалось, что названные проблемы представляют не только научный интерес, но их решение яв-

ляется существенно важным шагом в культурном развитии страны и консолидации национального самосознания. В институте ведутся также исследования по истории языка, подготовительная работа к созданию грамматики албанского языка, широко поставлены диалектологические исследования, готовится к переизданию Словарь современного албанского языка. С 1960 по 1968 г. журнал «Studime filologjike» публиковал труд академика Э. Чабея «Исследования по этимологии албанского языка», являющийся по сути дела обширным этимологическим словарем и представляющий большую научную ценность. Институт занимается изучением процесса становления и развития албанской национальной литературы (эпохи национального Возрождения и социалистического реализма).

Институт языка и литературы издает кварталник «Studime filologjike» («Филологические исследования»), в котором публикуются работы по фонетике, морфологии, синтаксису, лексикологии, этимологии албанского языка, материалы диалектологических экспедиций, статьи по литературоведению и фольклористике.

*Специальные издания.* С 1964 г. Институт истории издает кварталник «Studime historike» («Исторические исследования») <sup>37</sup>, редколлегию которого возглавляет академик Ст. Поло. Журнал имеет рубрики: статьи и сообщения, документы и материалы, критика и библиография, научная жизнь; в нем публикуются работы албанских, реже иностранных, авторов по истории, археологии, этнографии, архитектуре и искусству Албании, печатаются также материалы научных конференций и симпозиумов. Помимо названного регулярного периодического издания, Институт истории выпускает серию «Vijime dhe materiale per historinë e Shqipërisë» («Источники и материалы по истории Албании»), задуманную как полный по возможности свод документальных источников по истории страны <sup>37а</sup>.

В 1964 г. начал выходить журнал «Studia Albanica», издаваемый Тиранским государственным университетом. Главный редактор журнала — академик Ан. Косталари. Журнал в основном рассчитан на иностранного читателя — все материалы публикуются на западноевропейских языках. Основная задача издания, как представляется, ознакомление зарубежной научной общественности с исследованиями албанских ученых. В журнале пе-



чатаются статьи по истории, археологии, филологии, этнографии, фольклору, истории архитектуры и искусства, хроника научной жизни. Иногда помещаются статьи зарубежных ученых по различным проблемам албанистики. Журнал выходит два раза в год.

Публикацию материалов по албанской этнографии осуществляет журнал «Etnografia Shqiptare», выпускаемый сектором этнографии Института истории.

Говоря о научной жизни в НСРА, следует упомянуть некоторые мероприятия, проведенные в последние годы, а именно: Вторая конференция по албанистике (Тирана, 1969); Первый Международный коллоквиум по иллирийским исследованиям (Тирана, 1972); Первая конференция по фольклору (Тирана, 1972); Конгресс по орфографии албанского языка (Тирана, 1973); Третья албано-логическая конференция, посвященная 30-летию освобождения и народной революции в Албании (Тирана, 1974).

Приведенные выше материалы в самом общем виде характеризуют состояние исследований в области албанистики в НСРА. Думается, что некоторые из этих исследований могут представить определенный интерес и для изучения общевосточных проблем.

### Греция

Хотя зарождение греческой балканистики относится к концу XVIII в., более интенсивное ее развитие началось лишь с конца 1920-х годов<sup>38</sup>. В ее проблематике на первое место выдвигаются вопросы межгосударственных отношений на Балканах в новейшее время. С 1930 по 1940 г. в Афинах под эгидой Балканской конференции выходил журнал «Балканы», в котором печатались статьи по новой и новейшей истории Балканских стран и по актуальным политическим проблемам Балкан 1930-х годов, давались обзоры балкановедческих исследований в небалканских странах, публиковались документы.

После второй мировой войны изучение балканской проблематики в Греции связано прежде всего с созданным в Фессалониках в 1953 г. Институтом исследований Балканского полуострова (ΙΔΡΥΜΑ ΜΕΛΕΤΩΝ ΤΗΣ ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΤΟΥ ΑΙΜΟΥ, сокращенно — ΙΜΧΑ). Первоначально институт был связан с Обществом македонских исследований (ΕΤΑΙΡΕΙΑ ΜΑΚΕΔΟΝΙΚΩΝ ΣΠΟΥΔΩΝ). В 1973 г. он превратился в самостоятельное научное учреждение.

В задачи института входят как чисто научная деятельность (подготовка и публикация исследований по балканским проблемам), так и ознакомление широких кругов греческой общественности с этими проблемами и содействие сближению и сотрудничеству балканских народов друг с другом.

Институт возглавляет Административный совет во главе с председателем (первым председателем Административного совета института был проф. Стилпон Кириакидис, в настоящее время председателем совета является проф. Димитриос Деливанис). Непосредственно руководит работой института директор (первым директором был проф. Христофорос Налкас, в настоящее время — проф. Кариофилис Мицакис). Постоянный штат института на начало 1976 г. составлял 23 человека; кроме того, в институте работали 25 внештатных сотрудников. В специализированной библиотеке института — более 30 тыс. томов<sup>39</sup>.

Институт объединяет ученых, работающих над различными балканистическими проблемами, и прежде всего содействует публикации балкановедческих трудов, подготавливаемых как греческими, так и негреческими исследователями. Планированием коллективной научно-исследовательской работы, выделением в балканских исследованиях ведущих тем и организацией координированных усилий многих исследователей для их разработки институт занимается мало. Профиль института определяется как историко-политический, историко-культурный и историко-этнографический. Историко-экономическим (в частности, проблеме генезиса капитализма на Балканах) и языковедческо-филологическим проблемам в институте уделяется немного внимания.

В 1954 г. институт начал выпускать серию монографических работ (они публикуются на греческом, английском, французском, немецком и итальянском языках). Серию открыла книга С. Ф. Ласкариса по истории европейской дипломатии с начала первой до начала второй мировой войны<sup>40</sup>. В числе 40 работ, вышедших в этой серии в 1954—1960 гг., были монографии по новой и новейшей истории Балкан (например, Д. С. Констандопулоса о греко-болгарских отношениях после второй мировой войны и Б. П. Пападакиса по истории североевропейского вопроса<sup>41</sup>), по балканской этнографии (например, С. П. Кириакидиса об этнологических границах элли-

низма и К. Г. Андреадиса о мусульманском меньшинстве в Западной Фракии<sup>42</sup>), многочисленные работы, касающиеся Македонии.

В 1960 г. наряду с монографической серией институт начал издавать журнал «Балканские исследования» («Balkan Studies») — единственный сейчас в Греции научный журнал, публикующий статьи, посвященные всем балканским странам. Журнал выходит два раза в год. Главным редактором журнала в настоящее время является проф. Кариофилис Мицакис. Статьи, представляемые как греческими, так и иностранными авторами и публикуемые только на западноевропейских языках, посвящены главным образом истории балканских народов с XV в. до наших дней, включая сюда и историю отношений балканских народов и государств с другими странами (в частности, с Россией и СССР). Кроме того, в журнале печатаются статьи по балканской археологии, по истории искусства балканских народов, по истории их культуры и литературы, публикуются исторические документы. Статей, посвященных балканским языкам, в журнале почти нет. Журнал публикует также хронику института, сообщения о балканистических конгрессах, съездах и симпозиумах и, наконец, рецензии на балканистические работы.

Параллельно с изданием этого журнала институт продолжает выпускать свою монографическую серию. В настоящее время общее число изданных в серии монографий превышает 170. Ведущее место в серии и после 1960 г. продолжают занимать работы по новой и новейшей истории Балканских стран<sup>43</sup>. В серии вышли исследования по истории внешней политики России XIX — начала XX в. на Балканах и Ближнем Востоке<sup>44</sup>. Появились работы по истории архитектуры и искусства, по фольклору. По языкознанию в серии вышли до настоящего времени только две работы<sup>45</sup>.

В целом тематика работ авторов-греков, опубликованных как в монографической серии института, так и в его журнале, достаточно отчетливо характеризует основные направления, представленные в современной греческой балканистике (история международных отношений на Балканах в новое и новейшее время, освободительная борьба балканских народов, культурная история эллинизма). Монографическая серия института и его журнал показывают также, что языковедческое и

филологическое направления представлены среди сотрудничающих с институтом ученых пока еще слабо.

В 1965 г. институт начал издавать «Славянскую библиографию» («ΣΛΑΒΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ»). В 1973 г. профиль «Славянской библиографии» был изменен на общепалканский, она стала выходить под названием «Палканская библиография» («ΒΑΛΚΑΝΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ»).

Помимо подготовки и публикации научных работ, институт проводит международные научные конференции и симпозиумы по проблемам балканистики. Так, в 1976 г. институтом были проведены Первый симпозиум по языковым проблемам Северной Греции, Третий симпозиум по этнографии Северной Греции и — совместно с белградским Институтом балканистики — симпозиум на тему «Сотрудничество греков и сербов во время греческого и сербского освободительных движений в 1804—1830 годах».

В 1964 г. при институте была создана Школа балканских языков, где преподаются албанский, болгарский, румынский, сербо-хорватский, турецкий и русский языки. В 1968 г. институт — совместно с одним из американских колледжей — впервые провел в Фессалониках (Салониках) ставшую затем ежегодной Международную летнюю школу с курсами по греческому языку, истории и культуре (с 1973 г. институт проводит эту школу самостоятельно).

Еще один научный центр, деятельность которого представляет большой интерес для балкановедов, — Греческое общество славянских исследований (ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΕΤΑΙΡΕΙΑ ΣΛΑΒΙΚΩΝ ΜΕΛΕΤΩΝ) — был создан в Салониках в 1975 г. Это единственное сейчас в Греции объединение специалистов, занимающихся славистикой. Возглавляет общество Административный совет, председателем которого является проф. Антониос-Эмилиос Тахиаос. Одной из основных задач, стоящих перед обществом, является изучение греко-славянских отношений<sup>46</sup>. Официальным органом общества стал журнал «Кириллометодиаум» («Cyrillomethodianum»). Общество планирует издание серии монографий, посвященных греко-славянским культурным связям.

Ввиду того что многие греческие исследователи, занимающиеся балканистической проблематикой, работают в Афинском, Салоникском и Янинском университе-



тах, в двух последних существуют специальные кафедры истории балканских народов. Статьи, представляющие интерес для балкановедов, появляются в «Научных ежегодниках» философских факультетов этих университетов. Подобные статьи появляются также в изданиях различных научных центров Афинской академии, в журналах «Новый очаг» («ΝΕΑ ΕΣΤΙΑ»), «Ежегодник Общества византийских исследований» («ΕΠΕΤΗΡΙΣ ΕΤΑΙΡΕΙΑΣ ΒΥΖΑΝΤΙΝΩΝ ΣΠΟΥΔΩΝ»), «Элиника» («ΕΛΛΗΝΙΚΑ»), «Македоника» («ΜΑΚΕΔΟΝΙΚΑ») и др. В двух последних из названных журналов чаще, чем в других, публикуются лингвистические статьи, представляющие интерес для балканистов.

Необходимо отметить, что греческие ученые принимают активное участие в работе созданной в 1963 г. при ЮНЕСКО Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы и в работе проводимых Ассоциацией балканистических конгрессов (второй конгресс был проведен в Афинах в 1970 г.). В 1966 г. в Афинах был создан Греческий комитет по изучению Юго-Восточной Европы. Первым председателем Административного совета этого комитета был проф. Хараламбос Франгистас. С 1976 г. председателем совета является академик Панайотис Зэпос<sup>47</sup>.

### Турция

Главным предметом исследований турецких историков является отечественная история, которой в той или иной степени подчинено рассмотрение других исторических проблем.

В 1969 г. в Эдирне (Адрианополе) был основан Институт по изучению стран Юго-Восточной Европы. Местонахождение института обусловлено богатыми архивами, где особенно много документов, относящихся к истории балканских народов. В организации института большое участие принял покойный ныне профессор Сабри Эсад Сиявушгиль. В 1972 г. вышел первый номер ежегодника, издаваемого институтом: «Журнал по исследованию Юго-Восточной Европы» («Güney—Doğu Av-  
gura arařtırmaları dergisi»).

В составе редакции журнала — Аффиф Эрзен (он же директор института), Ахмед Джафероглу и Ченгиз Орхонлу. В предисловии говорится о культуре турецкого народа, которая оставила следы в языке, архитектуре,



фольклоре и т. д. балканских народов. Для изучения сложного комплекса различных проблем Балканского региона журнал приглашает к сотрудничеству не только турецких, но и зарубежных ученых, интересующихся этими проблемами. Журнал имеет следующие разделы: статьи, заметки, хроника и библиография. Статьи публикуются на турецком и английском языках. Ряд статей этого номера посвящен истории Балкан: «Османо-турецкая строительная деятельность в Пелопоннесе» (Неджати Гойюнч); «Мраморное море, Босфор и Дарданеллы в древности» (Афиф Эрзен); «Развитие правовых норм в Османской империи и их применение после Танзимата» (Ибрагим Сиврикайя) и др.

В разделе «Хроника» опубликованы две заметки А. Джафероглу «Семинары языка, литературы и культуры Македонии» и «Обзор исследований о румынской культуре». В этом же разделе напечатано сообщение Ч. Орхонлу о Первом Международном конгрессе по изучению Кипра. Совместно с другими научными учреждениями (Анкарским и Стамбульским университетами, археологическими музеями Анкары, Стамбула, Измира и др.) Турецкое историческое общество ведет археологические раскопки в ряде пунктов Малой Азии. Среди публикуемых материалов о раскопках большое место уделено истории Византии.

В архивах и библиотеках Турции хранятся многочисленные документы и материалы, относящиеся к истории балканских народов с момента завоевания турками Балканского полуострова и до последних лет существования Османской империи. Особенно много источников и исследований по истории Османского государства, освещающих также исторический путь народов, некогда подвластных ему, опубликовано после буржуазной кемалистской революции 1918—1922 гг. В 1931 г. при активном содействии Ататюрка в Анкаре было основано Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu — ТТК) вместо существовавшего ранее Османского исторического общества (Tarih-i Osman-i encümeni). По настоящее время оно является наиболее значительным историческим научным объединением в Турции.

В соответствии с уставом главной целью Исторического общества является публикация исследований по различным вопросам исторической науки. Общество имеет собственное издательство и библиотеку.

Труды Турецкого исторического общества публикуются в 15 сериях, объединяющих исследования или публикации источников по проблемам: I серия — Памятники и документы; II — Источники по турецкой истории; III — Критические исследования источников по турецкой истории; IV — Переводы исследований по турецкой истории; V — Отчеты об археологических раскопках; VI — Монографии по археологии; VII — Монографии и сборники по частным проблемам турецкой истории; VIII — Монографии по общим проблемам турецкой истории; IX — Материалы конгрессов Турецкого исторического общества; X — Переводы сочинений по всеобщей истории; XI — Исследования, посвященные завоеванию Константинополя турками; XII — Библиография; XIII — Всемирная история; XIV — Архивные документы; XV — Труды аль-Фараби. За годы существования общества в каждой из перечисленных серий издано значительное число фундаментальных исследований и публикаций источников.

Назовем несколько работ, вышедших в сериях Турецкого исторического общества и относящихся к разным периодам истории балканских народов:

В VII серии (1955, № 25) опубликована 2-томная работа Быйыккыюглу «Национальная борьба во Фракии», где подробно на документальном материале описывается борьба за Фракию Турции, Болгарии и Греции. Первый том представляет собой исследование данного вопроса, во втором содержатся документы, фотографии, планы и карты. События изложены от Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. до Лозаннской конференции 1923 г. В книге рассматриваются следующие вопросы: возникновение и деятельность болгарского комитета по борьбе за присоединение Фракии; вопрос о Фракии в итоге Балканских войн 1912—1913 гг. и в период первой мировой войны; Фракия в период оккупации Стамбула войсками Антанты и до освобождения его армией Ататюрка; итоги греко-турецкой войны 1919—1922 гг.; вопрос о Фракии и проливах при заключении перемирия в Муданье 11 октября 1922 г. и на Лозаннской конференции 1922—1923 гг.<sup>48</sup>

В 1940 г. в VIII серии вышла работа Юсуфа Акчурь «Эпоха распада Османского государства XVIII—XIX вв.». В этой работе содержится анализ внутреннего и внешнего положения Османской империи в указан-

ный период. Автор не только излагает этапы отпадения от империи Молдавии, Валахии, Сербии, Черногории, Греции и других территорий, но обстоятельно рассматривает причины упадка Османского государства, среди которых большое место отводит влиянию французской буржуазной революции 1789—1794 гг. на национально-освободительное движение народов Балканского полуострова. Идеи французской революции оказали воздействие на небольшую, но влиятельную прослойку турецкой интеллигенции, которая надеялась путем реформ предотвратить гибель империи. В книге уделено внимание вопросам внешней политики Турции, ее взаимоотношениям с европейскими державами, причинам малой эффективности реформ первого периода Танзимата (1838—1853).

Большой интерес не только для тюркологов, но и для историков Балканских стран представляет опубликованная в XI серии ТТК в 1954 г. книга Халиля Иналджика «Документы и исследования об эпохе правления Мехмеда Фатиха»<sup>49</sup>. Автор использовал в работе не только материалы турецких архивов, относящиеся к XIV—XV вв., но также документы итальянских архивов и архивов Дубровника (Рагузы). Эти материалы, как пишет Иналджик, дают возможность по-новому оценить сведения, сообщаемые турецкими хронистами XV—XVI вв. Ашикпашой заде и Нешри. Далее автор указывает, что некоторые выводы видных западных историков нашего столетия, даже таких известных, как Гизе и Виттека, не выдерживают испытания в результате новых данных. Для воссоздания начального периода истории Османского государства большую ценность, по его мнению, представляют византийские и западноевропейские источники, которые также использованы в книге. Автор характеризует современный уровень исследований о турецких завоеваниях на Балканах в XV в. и новые источники по этому вопросу.

Первая часть, имеющая три раздела, посвящена крушению Византийской империи в 1443—1453 гг. Автор начинает исследование с Флорентийского собора 1439 г., на котором обсуждались планы крестового похода против турок, и доводит его до 1453 г. В первой части рассматриваются следующие вопросы: переговоры о мире с венгерским королем Владиславом; мирный договор, заключенный в Сегедине 12 июня 1442 г.; крестовый по-

ход 1444 г. и сражение под Варной; междоусобная борьба сыновей Баязида I; битва на Косовом поле.

Во втором и третьем разделах первой части рассматриваются завоевания на Балканах в правление султана Мурада II. Автор останавливается на таких вопросах: отношения Византии и Османского государства; первая осада Константинополя в 1422 г.; взятие Константинополя в 1453 г.

Во второй части дана характеристика империи, созданной Мехмедом II после 1453 г. Начиная с периода правления Стефана Душана Иналджик уделяет внимание состоянию и структуре армии христианских народов по описанию дефтеров XV в. В этом разделе рассматриваются турецкие завоевания на Балканах второй половины XV в. до правления султана Баязида II. Автор останавливается на следующих вопросах: отношение турок к различным категориям местного населения; формы землевладения на Балканах до турецкого завоевания (баштина); османские тимары; категории местного населения, освобождавшиеся от налогов; османские завоевания и исламизация покоренных народов.

В приложении опубликованы новые документы из архива Совета министров (Başvekâlet arşivi). Среди них интерес представляет завещание Мурада II.

В 1947 г. Турецкое историческое общество создало специальную комиссию из семи человек, поручив ей изучение и публикацию османских реестров<sup>50</sup>. Работы двух членов этой комиссии — Х. Иналджика и Т. Гекбильгина, посвященные европейским провинциям Османской державы, получили широкую известность. Профессор Стамбульского университета М. Тайиб Гекбильгин известен своими публикациями важных турецких средневековых документов. В работе «Эдирне и румелийский паша-санджак в XV—XVI вв.»<sup>51</sup> он приводит турецкие документы, содержащие списки лив или санджаков с указанием, в чьем владении находился данный населенный пункт, рассматривает основные формы земельной собственности, существовавшие в Османском государстве. Документам предпослан краткий очерк структуры и развития турецкой администрации на Балканах до конца XVI в. Документы прокомментированы автором с привлечением значительного количества архивных источников.

В серии Турецкого исторического общества вышел двухтомник Тюркгельди Али Фуата «Важнейшие политические проблемы второй половины XIX в.»<sup>52</sup>, который является сборником документов внешней политики Турции от Крымской войны 1853—1856 гг. до Берлинского конгресса в 1878 г. В нем содержится переписка Николая I и султана Абдул-Меджида, послания Александра II, Наполеона III, депеши Меншикова, Горчакова, Решида-паши и других государственных деятелей той эпохи, материалы международных конференций, тексты соглашений, отчеты послов. В книге имеются следующие разделы: «Крымская война и ее результат»; «Венская конференция 1855 г.», «Парижский конгресс 1856 г.»; «Вопрос о Белграде и Змеином острове»; «Реформы в Молдавии и Валахии»; «Парижская конференция»; «Вопрос о нейтралитете Черного моря»; «Лондонская конференция»; «Русско-турецкая война 1877—1878 гг.»; «Сан-Стефанский мирный договор»; «Берлинский конгресс»; «Вопрос о Восточной Румелии».

Для истории Балкан этого же периода интерес представляет книга Ахмеда Бедеви Курана «Восстания и национальная борьба в Османской империи»<sup>53</sup>. Автор считает, что Россия принимала активное участие в подготовке восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии во второй половине XIX в. В книге дается характеристика деятельности в Стамбуле русского посла Н. П. Игнатьева, приводится ряд документов, среди которых письма Игнатьева Новикову, Исмаилу-паше, телеграммы Стремоухова, Мидхата-паши и посла Турции в Лондоне Мурсуса.

Среди изданий Турецкого исторического общества непосредственное отношение к истории балканских народов имеют работы Х. Иналджика «Танзимат и болгарский вопрос», С. Халиля «Восстания и политические события в Боснии, Герцеговине и Болгарии 1875—1876 гг.», А. Эрена «Босния и Герцеговина во времена Махмуда II (конец XVIII — начало XIX в.)» и др.

Наряду с серийными изданиями общество выпускает с 1942 г. периодический орган «Belleten».

Журнал состоит из следующих разделов: статьи; этюды; сообщения; библиография; хроника. В нескольких выпусках журнала «Беллетен» опубликованы материалы, освещающие научную и организационную деятельность Турецкого исторического общества. Публикуются



отчеты о годовых общих собраниях. В них рассказывается о выполненных работах за истекший год в области научных исследований, публикации трудов общества, археологических раскопок, участия в международных комиссиях, конференциях и съездах и т. п. На годовых собраниях происходит переизбрание президиума общества и его комиссий. Статьи печатаются в основном на турецком языке. Иногда вслед за турецким текстом помещается перевод на один из западноевропейских языков. В разделе «Библиография» помещаются рецензии на многие работы зарубежных ученых в области тюркологии, в том числе и на работы советских историков.

Статья Улуга Текина Курата «Причины турецко-русской войны 1877—1878 гг.» (№ 103, с. 567—592) посвящена характеристике политической обстановки на Балканах накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Автор уделяет большое внимание позиции европейских государств в вопросе о положении славянских народов Балканских провинций.

В № 106 журнала И. Х. Узунчаршылы опубликованы отрывки из дневника Абдул-хамиды Фериды-паши (с. 257—287). Выдержки касаются главным образом событий 1853—1871 гг.: Крымской войны 1853—1856 гг., нововведений в административном управлении в связи с реформами Танзимата.

До 60-х годов усилия турецких историков в основном были направлены на разработку проблем средневековой и древней истории, издание средневековых исторических памятников и документов сельджукского и османского периодов. В настоящее время публикуется немало материалов по новой истории. В журнале периодически печатаются алфавитные списки поступивших в библиотеку общества книг, а также списки книг по истории Турции, опубликованных в различных странах мира, в том числе в СССР и других социалистических странах.

С 1941 г. министерство просвещения издает в Анкаре журнал «Исторические документы» («Tarih vesikalatı»). В редколлегию журнала входили такие историки, как профессор факультета языкознания, истории и географии Стамбульского университета Энвер Зия Карал и директор музея Топканы Ез Тахсин. Среди опубликованных документов большая часть принадлежит архиву Совета министров. Каталог архива имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина,

Литературный факультет Стамбульского университета издает ежегодник «Tarih dergisi», который имеет следующие рубрики: публикация и исследование источников, отечественная и зарубежная библиография, хроника. В ежегоднике помещаются также переводы статей зарубежных историков. В № 16 за 1962 г. была опубликована статья венгерского ученого Лайоша Фекете «Турецкая система мюльков в Венгрии». В № 17—18 за 1964 г. напечатана статья Т. Гекбильгина «Проблемы османского феодализма в трудах болгарских историков», которая является по существу рецензией на работы Б. Цветковой и др.

С 1932 г. Турецкое историческое общество проводит конгрессы, в которых принимают участие и зарубежные историки.

На VI конгрессе в 1961 г. в Анкаре с докладом о польско-турецких культурных связях выступил польский историк А. Зайончковский. Среди материалов этого конгресса интерес представляют сообщение Исмаила Кайнака о работе болгарского историка Б. Цветковой «Государственные и чрезвычайные налоги в Болгарии в период турецкого господства» и доклад У. Т. Курата «Османская империя и вопрос о венгерских беженцах в 1849 г.»

На VII конгрессе, который состоялся в сентябре 1970 г.<sup>54</sup>, балканской проблематике были посвящены доклады историков, приглашенных из социалистических стран. С докладом на тему «Турецкие источники по истории Румынии» выступил М. Губоглу; доклад его был построен на материалах турецких архивов, с которыми он имел возможность ознакомиться. Румынские историки К. Джуреску и М. Максима изложили свои взгляды по вопросу о характере политических и экономических отношений Османской империи и Дунайских княжеств. Доклад Я. Рейхмана (Польша) «Взаимоотношения турецкой и польской прогрессивной эмиграции в XIX в.» был также посвящен малоисследованному вопросу. Интересны были доклады болгарских историков Н. Тодорова «О городах Дунайского вилайета» и Б. Цветковой «Экономическое и культурное развитие Балканских стран под турецким господством в XVI—XVII вв.». Н. Филипович (Югославия) сделал сообщение «О специфике системы тимаров типа «оджаклык» в Боснии и ее эволюции в XVIII—XIX вв.» VIII конгресс Турецкого исторического общества проходил в октябре 1976 г.

- <sup>1</sup> *Тодоров Н.* Десет години Институт за баканистика.— Исторически преглед, 1974, № 2, с. 141.
- <sup>2</sup> *Тодоров Н.* Институт за балканистика.— Исторически преглед, 1964, № 4, с. 149.
- <sup>3</sup> *Тодоров Н., Димитров С.* Една година Институт за балканистика.— Исторически преглед, 1965, № 3, с. 133, 135—136.
- <sup>4</sup> *Тодоров Н., Димитров С.* Институтът за балканистика през 1965 година.— Исторически преглед, 1966, № 2, с. 146.
- <sup>5</sup> См.: *Матеев Б.* Единният център по история през 1973 г.— Исторически преглед, 1974, № 3, с. 129—134.
- <sup>6</sup> *Рачев С.* Институтът за балканистика през 1973 г.— Исторически преглед, 1974, № 3, с. 135, 138; *Тодоров Н.* Институт за балканистика.— Там же, 1974, № 2, с. 141—143; *Рачев Ст., Манчев Кр.* Институтът за балканистика през 1975 г.— Исторически преглед, 1976, № 4, с. 132.
- <sup>7</sup> Исторически преглед, 1976, № 4, с. 132.
- <sup>8</sup> Подробен о деятельности института за последние годы см.: *Рачев Ст.* Институтът за балканистика през 1973 г.— Исторически преглед, 1974, № 4, с. 134—138; *Он же.* Институтът за балканистика през 1974 г.— Исторически преглед, 1975, № 2, с. 136—140; *Рачев Ст., Манчев Кр.* Институтът за балканистика през 1975 г.— Исторически преглед, 1976, № 4, с. 132—135. Далее см. краткие отчеты Единого центра по истории: Исторически преглед, 1977, № 2; 1978, № 2; 1979, № 2.
- <sup>9</sup> В ежегодных отчетах института указаны вышедшие и завершённые работы по каждой из секций.
- <sup>10</sup> *Тодоров Н.* Десет години Институт за балканистика.— Исторически преглед, 1974, № 2, с. 143.
- <sup>11</sup> Исторически преглед, 1975, № 2, с. 137; 1979, № 2, с. 134.
- <sup>12</sup> См.: Исторически преглед, 1975, № 2, с. 138; 1975, № 4, с. 132.
- <sup>13</sup> Подробен см.: *Тодоров Н.* Десет години Институт за балканистика.— Исторически преглед, 1974, № 2, с. 141—142.
- <sup>14</sup> См.: Исторически преглед, 1964, № 4, с. 149; 1965, № 3, с. 131—136; 1966, № 2, с. 142—147; 1967, № 2, с. 145—149; 1969, № 2/3, с. 331—336; 1974, № 2, с. 140—144; 1974, № 3, с. 134—138; 1976, № 4, с. 132—135; 1978, № 2, с. 123—124; 1979, № 2 с. 134, 136.
- <sup>15</sup> Например: *Studia Balkanica.* София, 1971. Т. 4. Политиката на великите сили на Балканите в навечерието на втората световна война; София, 1972. Т. 6. Балканские проучвания XX век.
- <sup>16</sup> *Bibliographie d'Etudes Balkaniques.* Sofia, 1968—1978, vol. I—XII
- <sup>17</sup> Исторически преглед, 1976, № 4, с. 133.
- <sup>18</sup> Исторически преглед, 1974, № 2, с. 142; 1975, № 2, с. 139—140; 1976, № 4, с. 134.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> Подробен о них см.: *Čubrilić V.* L'Institut d'études balkaniques de l'Académie Serbe des Sciences et des Arts.— *Balkanica*, 1970, vol. 1, p. 4—5.
- <sup>21</sup> Pješenje o osnivanju Centra za balkanološka ispitivanja.— *Codišnjak*, 1965, knj. III, p. 211—212.
- <sup>22</sup> *Djordjević D.* Le Comité National Yougoslave pour la balkanologie.— *Balkanica*, 1970, vol. 1, p. 279—281.
- <sup>23</sup> *Nikčević T.* Le Comité interacadémique pour la balkanologie.— *Balkanica*, 1970, vol. 1, p. 275—278.

- <sup>24</sup> Антонијевић Д. Годишњи извештај о раду Координационог међу-академијског одбора за балканологију.— *Balkanica*, 1974, vol. V, p. 482.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> Обичајно права и самоуправа на Балкану и у суседним земљама. VII—XVII вв. Београд, 1974, 512 с.
- <sup>27</sup> См.: Антонијевић Д. Указ. соч., с. 482—483.
- <sup>28</sup> *Balkanica*, 1971, vol. II, p. 456—458; 1972, vol. III, p. 622—629.
- <sup>29</sup> Чубриловић В. Извештај о раду Балканолошког института Српске академије наука и уметности за 1973 г.— *Balkanica*, 1974, vol. V, p. 485.
- <sup>30</sup> Чубриловић В. Извештај о раду Балканолошког института Српске академије наука и уметности за 1974 г.— *Balkanica*, 1975, vol. VI, p. 369—372; Он же. Извештај... за 1975 г.— *Balkanica*, 1976, vol. VII, p. 442—444.
- <sup>31</sup> *Balkanica*, 1970—1977, vol. I—VIII.
- <sup>32</sup> Антонијевић Д. Указ. соч., с. 484—485.
- <sup>33</sup> Sebić E. Izvještaj o radu Centra za balkanološka ispitivanja Akademije Nauka i Umjetnosti Bosne i Hercegovine u 1973 godini.— *Balkanica*, 1974, vol. V, p. 487—490.
- <sup>34</sup> Например: Preslavic ethnic elements at the Balkans in the ethnogenesis of South Slavs. Sarajevo, 1969; Papazoglu F. Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba. Sarajevo, 1969. 497 s.; Vego M. Zbornik srednjovekovnih natpisa Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1962—1964, knj. I—II.
- <sup>35</sup> Тодоров Н. Институтът за изследоване на Европейския Югоизток в Букуреш.— Исторически преглед, 1965, № 1, с. 129—131.
- <sup>36</sup> Năsturel Petre S., Jancu Anca. Echos de l'Institut d'Etudes sud-est europeennes de Bucarest. 1967, N 3/4, p. 596—598; *Idem*. Echos de l'Institut... (Juillet 1967 — Juin 1968), 1968, N 4, p. 689—691; *Idem*. Echos de l'Institut... (juillet 1968 — juin 1969), 1969, N 4, p. 714—717; Jancu A. Echos de l'Institut... (juillet 1969 — juin 1970), 1970, N 4, p. 723—725; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1970 — juin 1971), 1971, N 4, p. 719—720; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1971 — juin 1972), 1972, N 4, p. 722—723; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1972 — juin 1973), 1973, N 4, p. 741—743; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1973 — juin 1974), 1974, N 4, p. 591—593; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1974 — juin 1975), 1975, N 4, p. 613—615; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1975 — juin 1976), 1976, N 4, p. 719—721; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1976 — juin 1977), 1977, N 4, p. 783—785; *Eadem*. Echos de l'Institut... (juillet 1977 — juin 1978), 1978, N 4, p. 801—803; *Eadem*. Echos de l'Institut... juillet 1978 — juin 1979. 1979, N 4, p. 814—817.
- <sup>37</sup> До 1971 г. журнал издаваљася Институтом историји и језыкознанија при Тиранском државном универзитете. Он јављетася продолженјем издањия «Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore» («Бюллетень Тиранского државственного универзитета». Серия общественных наук), публиковавшего с 1951 по 1964 г. и разделившегося затем на два журнала: «Studime historike» и «Studime filologjike». С 1973 г. оба журнала выходят под грифом Академии наук Албании.
- <sup>37a</sup> В данной серии уже вышли тома: Барлети М. Осада Шкодры: Пер. с лат. Тирана, 1967; Борьба албанцев против турок в XV в.: Византийские источники. Тирана, 1967; Борьба албанцев против турок в XV в.: Османские источники. Тирана, 1968; Северная Ал-



- бания в XVIII в.: Записки помощника консула в Шкодре. Тирана, 1977; Избранные источники по истории Албании. Тирана, 1965. Т. 1. Иллирия и иллирийцы: Свидетельства античных авторов. Тирана, 1962. Т. 2. VIII—XV века.
- <sup>38</sup> Об истории греческой балканистики см.: Νυσταζοπούλου — Πελεκίδου Μ. Οἱ Βαλκανικὲς Σπουδὲς στὴν Ἑλλάδα. — „ΔΩΔΩΝΗ“. 1976. 5, с. 209—222.
- <sup>39</sup> См.: ἸΔΡΥΜΑ ΜΕΛΕΤΩΝ ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΤΟΥ Αἴμου. [Περὶληψὴ τῆς Ἱστορίας καὶ τῆς δραστηριότητος τοῦ Ἰδρύματος, 1976].
- <sup>40</sup> Λάσκαρις Σ. Θ. Διπλωματικὴ Ἱστορία τῆς Συγχρόνου Εὐρώπης (1914—1939). Θεσσαλονίκη, 1954. ιβ' + 304 с.
- <sup>41</sup> Constantopoulos D. S. The Paris Peace Conference of 1946 and the Greek—Bulgarian Relations. Thessaloniki, 1956. 48 с.; Papadakis B. P. Histoire Diplomatique de la Question Nord—épirote. Athens, 1958, 196 с.
- <sup>42</sup> Kyriakidis St. P. The Northern Ethnological Boundaries of Hellenism. Thessaloniki, 1955. 64 с.; Ἀνδρεάδης Κ. Γ. Ἡ Μουσουλμανικὴ Μειοσύνη τῆς Δυτικῆς Θράκης. Θεσσαλονίκη. 1956 η' + 120 с.
- <sup>43</sup> Xydīs St. Greece and the Great Powers 1944—1947. Thessaloniki. 1963. XXII + 760 с.; Λουκάτος Σπ. Σχέσεις Ἑλλήνων μετὰ Σέρβων καὶ Μαυροβουνίων κατὰ τὴν Ἑλληνικὴν Ἐπανάστασιν 1823—1826. Θεσσαλονίκη, 1970. 184 с.; Theodoulou Ch. Greece and the Entente. Aug. I. 1914—Sept. 25. 1916. Thessaloniki, 1971, 380 с. и др.
- <sup>44</sup> Например: Jelavich B. Russia and Greece During the Regency of King Otto 1832—1835. Thessaloniki, 1962. 156 с.; Staurou Th. Russian Interests in Palestine 1882—1914. Thessaloniki, 1963. XIII + 250 с.
- <sup>45</sup> Полный перечень вышедших в серии к началу 1977 г. работ см. в: ἸΔΡΥΜΑ ΜΕΛΕΤΩΝ ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΤΟΥ Αἴμου. ΚΑΤΑΛΟΓΟΣ ΔΗΜΟΣΙΕΥΜΑΤΩΝ. Θεσσαλονίκη, 1976.
- <sup>46</sup> Ср.: ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΕΤΑΙΡΕΙΑ ΣΛΑΒΙΚΩΝ ΜΕΛΕΤΩΝ. ΚΑΤΑΣΤΑΤΙΚΟΝ. Θεσσαλονίκη [1975.]
- <sup>47</sup> Автор признателен проф. К. Мицакису, директору Института исследований Балканского полуострова, д-ру К. Папулидису, научному сотруднику этого института, проф. А.-Э. Тахиаосу, председателю Административного совета Греческого общества славянских исследований, проф. В. Д. Форису, директору Института новогреческих исследований Фессалоникского университета и д-ру М. Нистазопулу — Пэлэкиду, сотруднице философского факультета Янинского университета, за любезную присылку ряда материалов, использованных при составлении данного обзора.
- <sup>48</sup> Büyükoğlu. Trakyada millî mücadelesi. Ankara, 1955—1956.
- <sup>49</sup> Inalcik H. Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar. Ankara, 1954.
- <sup>50</sup> Meüer M. С. Османская держава и балканские народы.— Народы Азии и Африки, 1967, № 1, с. 137.
- <sup>51</sup> Gökbülgin T. XV—XVI asırlarda Edirne ve Paşsa livası. Ankara, 1954.
- <sup>52</sup> Türkgeldi A. Mesâil-i mühimme-i siyâsiyye. Ankara, 1957—1960.
- <sup>53</sup> Kuran A. Osmanlı İmparatorlugunda inkilâp hareketleri ve millî mücadelesi. Istanbul, 1956.
- <sup>54</sup> Муллер А. Ф. VII Турецкий исторический конгресс.— Народы Азии и Африки, 1971, № 3, с. 233—236.



## ЦЕНТР БОЛГАРИСТИКИ ПРИ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центр болгаристики создан при Президиуме Болгарской академии наук в начале 1971 г.<sup>1</sup> Его создание — свидетельство заметно возросшего в последние годы интереса ученых и представителей других слоев культурной общественности Болгарии и многих иных стран к истории, литературе, культуре и языку болгарского народа.

Центр болгаристики при БАН — научно-информационное и координационное учреждение. В нем работают болгаристы разных специализаций: языковеды, литературоведы и историки. Одним из структурных звеньев его является Кирилло-мефодиевская комиссия. Институт проводит работу по двум направлениям: научно-тематическому и организационно-региональному. Научные сотрудники Центра занимаются разработкой конкретных научных тем. В настоящее время комиссия готовит к изданию Кирилло-мефодиевскую энциклопедию. Все научные сотрудники выполняют в центре также научно-организационную и консультационную работу. Другая группа сотрудников Центра занята информационной и организационной работой по связи Центра с болгаристами и славистами определенной страны или географического региона.

Одна из главных задач Центра болгаристики — координация работы научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, других учреждений и организаций Болгарии в области болгаристики как комплексной научной дисциплины, т. е. в исследовании языка, литературы, культуры и истории болгарского народа. Центр издает журнал «Palaeobulgarica» («Старобългаристика») и принимает участие в подготовке и проведении организуемых в Болгарии конференций, симпозиумов и других научных мероприятий, в том числе и международных, по болгаристике. Центр занимается также переизданием болгаристических трудов ученых Болгарии и других стран.

Важной задачей Центра является «сбор и научная обработка информации о состоянии и развитии болгаристики за рубежом»<sup>2</sup>. Центр получает информацию о на-

учных планах славистических и болгаристических центров в других странах и отдельных зарубежных ученых-болгароведов. Одна из его задач — организация рецензирования в Болгарии научных трудов и выступлений зарубежных ученых по проблемам болгаристики.

Центр уделяет большое внимание работе, направленной на развитие болгаристики в других странах. Эту работу составляет: а) «оказание помощи и координация деятельности научных институтов Болгарской академии наук, учебных заведений и ведомств, связанной с развитием болгаристики за границей»<sup>3</sup>, и б) непосредственное содействие самого Центра развитию болгаристики в других странах.

Для научно-организационного обеспечения этой работы при Центре был создан координационный совет, который «принимает и координирует планы работы Центра в зарубежных странах, а также прогнозирует это развитие»<sup>4</sup>. В целях более тесного сотрудничества с зарубежными болгаристами и славистами и расширения исследований в области болгаристики Центр выступает также за создание совместных двусторонних комиссий.

В задачу Центра входит популяризация за рубежом достижений болгарских ученых в области болгаристики. Центр содействует также обмену учеными Болгарии и других стран для чтения лекций по вопросам болгарского языка, литературы и истории, созданию иностранными учеными трудов, приуроченных к годовщине важных событий в историко-культурной жизни болгарского народа.

Непосредственную помощь в развитии болгаристики в зарубежных странах Центр оказывает разными путями. Располагая значительными материальными средствами, он рассылает болгаристам и другим ученым этих стран, во многие зарубежные библиотеки большое количество выходящей в Болгарии научной, учебной и прочей литературы. Центр изготавливает и рассылает микрофильмы и ксерокопии со старых изданий, хранящихся в библиотеках Болгарии. Он ежегодно принимает зарубежных болгаристов и славистов для специализации и обучения в аспирантуре в научных институтах и вузах Болгарии, для участия в научных конференциях и совещаниях. Центр содействует организации ежегодных летних семинаров для зарубежных болгаристов и славистов, которые проводятся в Софийском и Великотырновском универси-

татах, оказывает также помощь болгарским преподавателям, ведущим занятия по болгарскому языку и литературе во многих университетах разных стран Европы и Америки.

Центр болгаристики при БАН, как уже упоминалось, имеет свой научный орган — журнал «Palaeobulgarica», который выходит с 1977 г. один раз в квартал. Ответственный редактор журнала — известный болгарский ученый директор Центра акад. Э. Георгиев. В международную редколлегию, кроме него, входят видные ученые нескольких стран: член-кор. БАН Д. Ангелов, проф. С. Иванчев (Болгария), проф. Ф. Славский (Польша), акад. Д. С. Лихачев (СССР), проф. Р. Бернар (Франция). Ответственный секретарь редколлегии — К. Босилков.

В каждом номере журнала — два раздела: «Статьи» и «Обзоры и рецензии». Помещаемые в них материалы печатаются на болгарском, русском, английском, немецком и французском языках.

Изданием журнала «Palaeobulgarica» Центр ставит своей целью содействовать расширению исследований всего комплекса проблем, связанных с языком, литературой, других областей культуры и истории болгар в эпоху средневековья. В редакционной заметке журнала «Palaeobulgarica», открывающей первую страницу нового журнала, указывается, что уже давно назрела необходимость в журнале, который «ставил бы и решал проблемы староболгарского языка, староболгарской литературы, староболгарского искусства, староболгарской культуры и исторической жизни болгарского народа в средние века»<sup>5</sup>.

Особое место в журнале отводится исследованию древнеболгарского языка — древнейшего литературного языка славян, являющегося, как подчеркивается в цитированной редакционной заметке, ключевым источником для изучения праславянского языка и истории отдельных славянских языков, а также необходимой базой изучения средневековой болгарской культуры и истории.

Не менее важное место журнал отводит изучению древнеболгарской культуры, прежде всего литературы, а также живописи, музыки, архитектуре. Значение изучения этой проблематики определяется, как сказано в той же заметке, ее важностью для всестороннего освещения средневековой культуры не только болгар, но и других

народов, в формировании культуры которых средневековая болгарская культура играла заметную роль<sup>6</sup>.

Значительное внимание журнал уделяет проблемам собственно истории болгарского народа в эпоху средневековья. Интерес к этим проблемам диктуется большой ролью Болгарского государства, созданного на руинах античного мира, в жизни средневековой Европы. Расположенное на стыке двух континентов — Европы и Азии, Болгарское государство явилось важным фактором в развитии взаимоотношений между народами этих континентов. В рамках собственно исторической проблематики журнал особое внимание стремится уделять освещению связей болгарского народа с другими народами, и прежде всего со славянскими<sup>7</sup>.

Журнал «Palaeobulgarica» сразу же привлек к себе внимание филологов и историков-медиевистов в разных странах. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в вышедших номерах журнала уже опубликованы статьи ученых Болгарии, Англии, Венгрии, СССР, Франции, ФРГ и других стран. Журнал, таким образом, на деле является практическим решением одной из главных задач, которую Центр ставит перед собой, а именно расширять и в известной мере координировать исследование проблем палеоболгаристики.

Центр болгаристики при БАН работает менее 10 лет. Но и за этот небольшой срок он проделал значительную работу как по расширению научных связей своей страны с зарубежными болгаристами и славистами, так и по развитию болгаристики в других странах. Особая заслуга его заключается в оперативном ознакомлении зарубежных специалистов с новейшими трудами болгарских ученых в области болгаристики.

---

<sup>1</sup> Мичев Д. О направлениях работы Центра болгаристики при Болгарской академии наук.— Советское славяноведение, 1972, № 5, с. 118. Эта заметка Д. Мичева, бывшего директора Центра болгаристики,— единственная известная автору публикация о работе Центра. При написании настоящей статьи, кроме нее, использованы также сведения, которые сообщил ученый секретарь Центра болгаристики К. Босилков (письмо от 13 февраля 1979 г.), за что приношу ему искреннюю благодарность.

<sup>2</sup> Мичев Д. Указ. соч., с. 119.

<sup>3</sup> Там же, с. 118.

<sup>4</sup> Там же, с. 118—119.

<sup>5</sup> Palaeobulgarica, 1977, № 1, с. 3.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же, с. 4.

## РАЗВИТИЕ СОРАБИСТИКИ В ГДР

После разгрома фашистской Германии в развитии сорабистики, которая изучает язык, историю и культуру лужицких сербов, начался новый этап<sup>1</sup>. ГДР стала настоящей родиной численно небольшого серболужицкого народа, проживающего в юго-восточной части республики и обладающего ныне всеми условиями для свободного и равноправного развития. Забота о культуре и языке лужицких сербов закреплена конституционно. Таким образом, в ГДР впервые возникли предпосылки для подлинного расцвета сорабистики как комплекса научных дисциплин.

В мае 1951 г. был основан Институт серболужицкого народоведения в Будишине — первое входящее ныне в систему Академии наук ГДР учреждение, занимающееся изучением истории, языка, литературы и этнографии лужицких сербов. Вскоре при Университете им. Карла Маркса в Лейпциге возник Институт серболужицкого языка, литературы и истории, нынешний Институт сорабистики, который готовит кадры для народного образования, науки и других областей культуры.

Предметом изучения Института серболужицкого народоведения является серболужицкое население, живущее в округах Дрезден и Котбус. Он занимается фундаментальными исследованиями в области истории, этнографии, социологии, а также языкознания и литературоведения лужицких сербов. Этот академический научно-исследовательский институт имеет комплексную структуру. Он сотрудничает с Лейпцигским Институтом сорабистики, а также с другими республиканскими и зарубежными научными центрами, особенно в СССР и других социалистических странах. За четверть века своего существования, пройдя большой и трудный путь, Институт серболужицкого народоведения АН ГДР стал научным центром, получившим международное признание. В этом большая заслуга коллектива высококвалифицированных ученых института, долгое время возглавлявшегося профессором Паволом Новотным, крупным специалистом в разных областях истории литературы и этнографии лужицких сербов. Он руководил институтом с момента его основания до 1977 г. В настоящее время директором института является доктор Мерчин Каспер.



В то время как Институт сорабистики в Лейпциге занимается ранней историей и историей феодализма, историки Института серболужицкого народоведения поставили своей задачей изучение истории серболужицкого народа от эпохи позднего феодализма (с XVI в.) до нашего времени. При этом наряду с разработкой истории культуры и исторической демографии большое место принадлежит исследованию проблем экономической истории. В итоге многочисленные монографические труды и отдельные публикации подготовили научную базу для создания капитальной четырехтомной «Истории лужицких сербов», вышедшей на немецком языке с параллельным переводом на верхнелужицкий язык. Четыре тома под редакцией Я. Шолты, К. Шиллера, М. Каспера и Ф. Метчка охватывают лужицкосербскую историю с древнейших времен до настоящего времени. Они получили высокую оценку как в ГДР, так и за рубежом<sup>2</sup>. В 1979 г. коллектив авторов был удостоен награды орденом Трудового Знамени. Трудно переоценить значение «Истории» — этого первого фундаментального, составленного лужицкосербскими учеными систематического изложения истории своего народа.

Жизнь ставит большие задачи и перед этнографами. Превращение Лужиц в крупнейший угольный и энергетический центр ГДР ускорило социально-культурные перемены, прежде всего в лужицких деревнях, где до начала 1950-х годов образ жизни и традиционная народная культура сохранялись почти нетронутыми. Поэтому этнографы должны были — часто в короткие сроки — документально зафиксировать традиционную народную культуру и запечатлеть процесс образования социалистической серболужицкой культуры. Результатом этих многосторонних этнографических исследований народной культуры, языкового и музыкального фольклора являются пятитомный «Атлас национальных костюмов», «Очерк серболужицкой музыки», «Очерки по серболужицкой народной поэзии», а также многочисленные статьи и монографии.

Интенсивную работу ведут литературоведы института, что тем более необходимо, так как до сих пор нет написанной лужицкими сербами истории серболужицкой литературы. Для того чтобы восполнить этот пробел, осуществляются теоретические и литературоведческие исследования, публикуются источники. До 1960 г. вышли

в свет два тома «Истории серболужицкой литературы», освещающие развитие серболужицкой литературы с возникновения до начала XX в. Подготовлен третий том, посвященный литературе межвоенного периода. Ведется предварительная работа по освещению литературного развития после 1945 г., когда начался процесс складывания социалистической серболужицкой литературы. В этой связи необходимо отметить огромную издательскую деятельность издательства «Домовина» в Будишине, которое выпускает произведения современной и классической литературы на верхне- и нижнелужицком языках<sup>3</sup>. Большое значение имеет первое издание Полного собрания сочинений Якуба Барт-Чижинского в 14 томах и Полного собрания сочинений крупнейшего писателя XIX в. Хандрия Зайлера.

Серболужицкие лингвисты с самого начала строили свою работу в соответствии с требованиями общественной практики. Равноправное включение лужицких сербов в экономическую и политическую жизнь ГДР оказало влияние на их язык. Прежде всего речь идет о расширении его лексического состава и отражении им потребностей современной общественной коммуникации. В этой связи необходимо было начать работу по собиранию новых словообразований, разработать профессиональную терминологию, элементарные словари верхне- и нижнелужицкого языков и зафиксировать нормы словоупотребления. Первостепенное значение имела разработка научной грамматики верхнелужицкого языка и немецко-верхнелужицкого словаря на основе выборки из письменных источников за последние сто лет. Оба эти направления включены в государственный план. Другими важными задачами являются учет и исследование серболужицких диалектов. Диалектологические экспедиции проводятся в содружестве со славистами ГДР, а также с сорабистами СССР, Польши и Чехословакии. В 1952 г. начали запись серболужицких диалектов на пленку, а в 1957 г. было собрано уже около 25 тыс. м фонографических записей из 150 мест Верхней и Нижней Лужицы. В 1960—1964 гг. серболужицкие лингвисты при поддержке немецких, советских, польских и чехословацких славистов проводили исследование серболужицких диалектов в 140 пунктах обеих Лужиц на основе анкеты, содержащей 2800 вопросов. В результате была составлена картотека из 130 тыс. карточек. Оценка этих

материалов нашла свое отражение в трех монографиях, многотомном «Серболужицком языковом атласе» (в настоящее время вышли семь томов), в 10 выпусках «Диалектных текстов», а также в картотеке слов для словаря серболужицких диалектов. В содружестве с германистами исследуется серболужицко-немецкое языковое взаимовлияние. До сих пор вышли два тома «Трудов по языковой интерференции». В то время как Институт серболужицкого народоведения изучает современный язык и диалекты, Институт сорабистики занимается историей языка. Об этом свидетельствуют издание древних текстов, сравнительно-исторической фонетики Альбина Моллера и работа над «Этимологическим словарем».

При Институте серболужицкого народоведения имеется архив, содержащий ценные материалы для историков и филологов, занимающихся историей и историей культуры серболужицкого и немецкого народов, региональной историей Лужиц, историей межславянских контактов и германо-славянскими взаимосвязями, а также международным развитием славистики, особенно историей немецкой славистики. Руководитель архива — известный своими работами по сорабистике в ГДР и за рубежом д-р Фридо Метчк.

С 1952 г. институт начал издавать журнал «*Lětopis Instituta za serbski ludospyt*» в трех сериях: серия А — язык и литература, серия В — история, серия С — этнография. Главным редактором журнала является директор Института серболужицкого народоведения д-р Мерчин Каспер, редакторы серий — Хельмут Фаске, Петер Кунце и Блазиус Навка.

Изложенное выше характеризует сорабистику как важную отрасль славистики ГДР, занимающей видное место в системе общественных наук страны.

---

<sup>1</sup> Nowotny P. Zur Entwicklung der Sorabistik in der Deutschen Demokratischen Republik.— In: Slawistik in der DDR, 1977. Berlin, 1977, S. 9—12. В указанной статье приведено библиографическое описание трудов по сорабистике, упоминаемых далее в тексте.

<sup>2</sup> См., например, рецензии: *Zeit W.*— Zeitschrift für Slawistik, 1978, N 6, S. 925—929; *Boháč Z.*— Československý časopis historický, 1976, N 1, S. 124—126; Григорьянц Т.— Советское славяноведение, 1978, № 6, с. 105—106; Лаптева Л. П.— Новая и новейшая история, 1978, № 2, с. 192—195; Она же.— Советское славяноведение, 1976, № 3, с. 91—92; Трофимович К. К.— Проблемы слов'язнознавства, 1976, вып. 14, с. 124—127.

<sup>3</sup> *Thiemann M.* Die Domowina in den ersten Jahren des sozialistischen Aufbaus in der DDR. 1949—1945. Bautzen: Domowina-Verlag, 1977. 110 S.

В. И. БЕЛЯЕВА

**АМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ  
СОДЕЙСТВИЯ  
СЛАВЯНСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ  
(1971—1976 гг.)**

Научное общество, объединяющее американских славистов, — Американская ассоциация содействия славянским исследованиям — было создано в 1948 г. Однако собственно научным обществом, занимающимся не только публикацией научных и информационных журналов (первоначально Ассоциация была основана с целью публикации журнала «*The American Slavic and East European Review*»), но и непосредственно участвующим в развитии изучения комплекса проблем, связанных с историей, культурой, литературой и современным состоянием СССР и Восточной Европы, Ассоциация стала лишь с 1960 г. К настоящему времени членами Ассоциации являются свыше 2500 ученых из американских университетов и других научных учреждений.

Ассоциацией руководит правление, избираемое ее членами. В университете штата Огайо (Колумбус, Огайо) находится Центральная канцелярия Ассоциации, которая выполняет информационные функции различного характера. Ассоциация издает три журнала. «*Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies*» — официальный орган Ассоциации, выходит 4 раза в год, содержит научные статьи, историографические обзоры и рецензии, посвященные различным аспектам изучения истории, литературы и языков славянских стран, и прежде всего Советского Союза. Два журнала являются справочно-информационными изданиями: «*The Newsletter*» информирует членов Ассоциации о новых важных достижениях в области славяноведения; «*The American Bibliography of Slavic and East European Studies*» служит в качестве библиографического руководства для специалистов.

В настоящем обзоре мы дадим краткую характеристику четырех национальных съездов Ассоциации, проходивших в США в 1971, 1972, 1973, 1976 гг. Обзор основан на четырех статьях, опубликованных в журнале «Balkan Studies» (Фессалоники). Автор трех из них — А. Ангелопулос, сотрудник Института балканских исследований в Фессалониках. Автор четвертой статьи — Д. Джорджевич, сотрудник Калифорнийского университета (Санта-Барбара, Калифорния) <sup>1</sup>.

Национальная конференция 1971 г. проходила 25—27 марта в Денвере (штат Колорадо). На ней присутствовали 800 членов Ассоциации. Эта конференция носила ярко выраженный советологический характер: в большинстве докладов, представленных конференции, с предвзятых и антисоветских позиций рассматривались взаимоотношения между социалистическими странами, современное экономическое развитие стран СЭВ, по обыкновению муссировались «национальные противоречия» в СССР и других социалистических странах. Конференция 1971 г. отразила некоторые современные тенденции американской славистикч. Во-первых, постепенно советология перестает играть определяющую роль в тематике докладов; во-вторых, все больше внимания уделяется исследованию истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы; в-третьих, финансовые трудности, испытываемые с каждым годом все больше университетами США, привели к уменьшению числа участников конференций (после 1971 г. их число не превышало 300 членов Ассоциации), хотя, по мнению авторов упомянутых выше статей, это ни в коей мере не свидетельствует об ослаблении интереса к славянским исследованиям.

Конференция 1972 г. проходила 15—18 марта в Далласе (штат Техас). Основное внимание на этой конференции было уделено состоянию славяноведения в США (статус и роль профессиональных журналов, проблема источников финансирования научных исследований и обучения аспирантов) и некоторых других странах (на специальном заседании с докладами на эту тему выступили почетные гости конференции профессор К. Джуреску из Румынии и профессор Г. Гросс из ФРГ), а также современному развитию Югославии с особым вниманием к национальным проблемам страны (с докладами выступили американские и канадские специалисты по



Югославии: И. Ледерер, М. Петрович, Д. Лампе, И. Авакумович, Б. Денич и др.). Дискуссия по Югославии была очень острой и обнаружила большую поляризацию во мнениях. В рамках конференции был проведен студенческий семинар под руководством профессора Г. Хоффмана из Техасского университета (Остин, Техас), посвященный теме «Югославия 1971 года: меняющийся культурный ландшафт (внутренняя миграция, туризм, проблемы урбанизации, демографические изменения и т. д.)». В рамках конференции прошли встречи и заседания других организаций и обществ, связанных по направлению своей деятельности с изучением СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Наибольший интерес представляет заседание Международного совета по научным исследованиям и обменов, на котором отмечалось успешное развитие научных обменов с социалистическими странами и подчеркивалось, что это создает благоприятные возможности для научной работы.

Конференция 1973 г. проходила 18—21 апреля в Нью-Йорке. На конференции сравнительно небольшое место заняли чисто советологические доклады. Симптоматично, что прошла специальная сессия, посвященная влиянию политики «холодной войны» на изучение России и СССР в капиталистических странах. И хотя некоторые традиционные темы остались — «либерализма» в Чехословакии, «элиты» в СССР и Югославии, не они определили основную проблематику конференции. Доклады были посвящены широкому спектру проблем Центральной и Юго-Восточной Европы с XIV до XIX в.: государственные институты, отношения между государством и церковью, проблемы централизации и местной автономии в России, Польше, Румынии, Австро-Венгерской империи; синкретизм жанров в сербохорватской эпической поэзии; положение в Венгрии накануне революции 1848 г.; проблемы перевода литературных произведений со славянских языков; восточный славянский мир и степь; история чешских общин в Техасе.

Конференция 1976 г. проходила 6—9 октября в Сент-Луисе (штат Миссури). Эта конференция была одной из самых представительных за последние годы: в ней приняли участие не только члены Американской ассоциации содействия славянским исследованиям, но и члены

12 академических обществ США, всего участников было около 500, на конференции было прочитано 110 докладов. Главное внимание сосредоточилось на политическом, интеллектуальном и экономическом развитии в прошлом и настоящем России и СССР, Восточной Европы (Польша, Чехословакия, Венгрия) и Балкан (Югославия, Болгария, Румыния). Доклады, прочитанные на конференции, можно сгруппировать по трем основным темам: общий вклад славянского элемента в Америке в развитие США в связи с 200-летием образования Соединенных Штатов Америки; проблемы архивных изысканий и архивов; роль духовных ценностей в России, Восточной Европе и на Балканах, с особым вниманием к религии и положению церкви в странах этого региона. Надо отметить, что по третьей из упомянутых выше тем доклады носили антикоммунистический и антисоветский характер, вылившись в традиционные для американской советологии инсинуации по поводу отношения к религии и церкви в СССР и других социалистических странах.

Несмотря на определенный прогресс в подходе к изучению истории и культуры стран социалистического лагеря, советологи, не желающие отказаться от идей и воззрений времен «холодной войны», все еще сохраняют свои позиции в Ассоциации, что мешает американским славистам непредвзято подходить к проблемам, которые они пытаются исследовать. Несколько докладов было посвящено 100-летию освобождения Болгарии от османского ига; сравнительно большое внимание докладчики уделили истории первой мировой войны, образованию государств-наследников, проблемам мира в Европе в период между двумя мировыми войнами.

Из стран региона наибольшее внимание было уделено Польше как в прошлом, так и в настоящем, причем темы докладов касались развития высшего образования, истории политической науки, роли литературы. Несколько докладов было посвящено развитию культуры в Восточной Европе: национальные традиции и восточные влияния в искусстве и музыке; сравнительное изучение крестьянской культуры и национальной культуры; история славянских литературных языков; общественная роль прозы в славянской Восточной Европе в XVIII в. Вехи времени были заметны в том, что в нескольких докладах поднимались вопросы разрядки международ-

ной напряженности и проблем международного сотрудничества.

Деятельность Американской ассоциации содействия славянским исследованиям многогранна и играет важную роль в развитии славяноведения в США.

- 
- <sup>1</sup> *Angelopoulos A.* American Association for the Advancement of Slavic Studies.— *Balkan Studies*, Thessaloniki, 1971, vol. 12, N 1, p. 286—289; *Djordjevic D.* Fifth National Convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies.— *Balkan Studies*, Thessaloniki, 1972, vol. 13, N 1, p. 157—159; *Angelopoulos A.* American Association for the Advancement of Slavic Studies.— *Balkan Studies*, Thessaloniki, 1973, vol. 14, N 1, p. 208—214; *Idem.* American Association for the Advancement of Slavic Studies: 1976 Convention.— *Balkan Studies*, Thessaloniki, 1976, vol. 17, N 2, p. 387—390.

Н. А. БОГАЕВА

## ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Журнал «Osteuropa» как орган Немецкого общества по изучению Восточной Европы был основан известным немецким историком Отто Гётчем. Первый номер журнала появился в октябре 1925 г. В 1925—1930 гг. его главным редактором был профессор О. Гётч, который так определял задачу журнала: «На основе научно точного исследования дать картину современного состояния европейского Востока независимо от какой-либо политической или же партийной точки зрения, от какого-либо экономического или политико-экономического интереса»<sup>1</sup>. По его замыслу журнал должен был служить познанию и оценке современности Восточной Европы. Географически сфера интересов журнала была определена следующим образом: «Россия в объеме империи, какой она была в 1914 году»<sup>2</sup>, соседние государства, затем связь России с проблемами Азии (Сибири, Туркестана и Кавказа); указывалось также на желательность изучения Юго-Восточной Европы, главным образом ее славянской части.

Деятельность журнала «Osteuropa» позитивно оценивается не только буржуазными, но и марксистскими исследователями. В биографии Отто Гётча историк из ГДР Герд Фойгт пишет: «„Osteuropa“ был не только в Германии, но во всем капиталистическом мире первым и долгое время единственным журналом, который с позиций буржуазного объективизма пытался дать читателю исторический анализ внутреннего и внешнеполитического развития СССР, а также — в меньшей мере — Польши и Прибалтийских республик»<sup>3</sup>. Фойгт отмечает как заслугу издателя то, что до 1933 г. почти в каждом номере журнала помещались квалифицированные статьи из Советского Союза. Среди авторов можно назвать наркома просвещения А. В. Луначарского, юристов Е. Бранденбургского и Н. Паше-Озерского, специалиста по финансовым вопросам В. Леонтьева, юриста и социолога М. Рейснера, педагога М. Пинкевича и др.

Не только по целевой установке, но и по своему содержанию «Osteuropa» в первую очередь был журналом о Советском Союзе и русской истории. Его характер изменился только в 1933—1934 гг., после вынужденного ухода из журнала Отто Гётча и его преемника на посту главного редактора журнала Клауса Менерта (1931—1934). В апреле 1934 г. главным редактором журнала стал Вернер Маркерт. В период нацизма значительно изменились манера изложения и тематика журнала, который утратил свое былое значение и с началом второй мировой войны был закрыт. Последний номер вышел в августе 1939 г.

Существующий в настоящее время журнал «Osteuropa» является печатным органом головной организации западногерманского остфоршунга — Немецкого общества по изучению Восточной Европы. Его первый номер появился в октябре 1951 г. Сначала журнал выходил 6 раз в год, его объем составлял 480 страниц ежегодно. В середине 50-х годов были основаны специальные журналы: «Osteuropa-Recht», «Osteuropa-Wirtschaft», «Osteuropa-Naturwissenschaft». Впрочем, последний вскоре прекратил свое существование. С января 1957 г. журнал «Osteuropa» стал ежемесячным. Его главным редактором с 1951 по 1975 г. был профессор Клаус Менерт, осуществлявший общее руководство всеми печатными органами Немецкого общества по изучению Восточной Европы.

Сегодня журнал «Osteuropa» является самым большим по объему (более 1800 страниц в год) и самым богатым по материалам среди аналогичных западных журналов. Его тираж — 2,8 тыс. экз. Журнал предназначен как для ученых, так и для практиков (публицистов, политиков, экономистов, преподавателей и т. д.). «Osteuropa» — журнал, информирующий своих читателей о Советском Союзе, а также о других государствах Центральной и Юго-Восточной Европы и о мировом коммунистическом движении. Однако, как видно уже из названия, особое внимание уделяется в журнале СССР и другим восточноевропейским странам. Здесь публикуются материалы о политике, идеологии, экономике, общественной жизни, культуре, образовании, анализируются и комментируются важные события в жизни этих стран. Структура журнала такова: статьи; обзорение, где рассматривается развитие одной или двух стран за какой-то период; раздел «Книги и журналы», содержащий рецензии, иногда обзорную статью по монографиям; архивная часть, в которой актуальные события документируются с помощью публикации текстов статей из изданий социалистических стран. Часто документы находятся в прямой связи со статьями, иллюстрируя и дополняя их. В библиографическом разделе приводится перечень книг и журнальных статей по восточноевропейской тематике на западных языках без аннотаций. В журнале даются краткие сведения об авторах данного номера.

На страницах журнала печатаются статьи авторов из ФРГ и других капиталистических стран, а также из социалистических государств. Причем, отвечая на вопросы анкеты, помещенной в августовском номере 1973 г., ряд читателей высказался за более широкое привлечение авторов из СССР и других стран региона, с чем редакция согласилась. Результаты опроса показали, что половина читателей журнала занимается научной работой или преподаванием, что более половины читателей, а именно 57%, сравнительно молоды (до 44 лет), что читателями журнала являются преимущественно мужчины (среди заполнивших анкету только 3,2% составляли женщины). Особый интерес читателей вызывают прежде всего Советский Союз, его внешняя и внутренняя политика. Поэтому не случайно, что журнал уделяет особое внимание СССР.



В настоящее время главным редактором журнала является д-р Александр Штайнингер, в состав редколлегии входят д-р Хорст Гюнтер, Ютта Унзер и проф. д-р Карл-Ойген Ведекин.

---

<sup>1</sup> *Epstein F. T. Otto Hoetzsch und sein «Osteuropa», 1925 — 1930. — Osteuropa, 1975, N 8/9, S. 542.*

<sup>2</sup> *Ibid.*

<sup>3</sup> *Voigt G. Otto Hoetzsch, 1876—1946: Ein biographischer Beitrag zur Geschichte der deutschen Osteuropakunde. Halle/S, 1967, S. 358.*  
Цит. по ст.: *Epstein F. T. Op. cit., S. 543.*

А. С. МЫЛЬНИКОВ

**СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И БАЛКАНИСТИКА  
В АВСТРИИ.  
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ  
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ<sup>1</sup>**

Изучение различных аспектов истории и истории культуры народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, т. е. комплекса вопросов, наряду с филологической проблематикой входящих в понятие славистики и балканистики, имеет в Австрии традицию, возникновение которой восходит еще к XVIII в. Она во многом связана с особенностями прошлого общественно-политического и культурного развития многонациональной державы Габсбургов. Важную роль при этом играла Вена, которая издавна была не только одним из крупнейших европейских центров славистических исследований. Вена являлась и своеобразным посредником общекультурного и научного обмена между славянскими и другими народами, проживавшими в составе империи Габсбургов, и народами соседних стран, в том числе и России. Едва ли можно считать случайным, что деятельность многих выдающихся славистов прошлого — от Ф. Дуриха, Е. Копитара и И. Добровского до Вука Караджича, Ф. Миклошича и Й. В. Ягича — так или иначе была связана с Веной. С середины XIX в. изучение истории и культуры славянских и других народов дан-

ного региона стало все более концентрироваться в австрийских университетах. Это положение в значительной степени сохранилось и после распада Австро-Венгрии и образования в 1918 г. независимой Австрии, согласно Государственному договору 1955 г. получившей статус нейтрального государства.

В настоящее время основным учреждением, занимающимся научной разработкой указанной проблематики, является Институт восточноевропейской истории и юго-восточных исследований Венского университета (Institut für osteuropäische Geschichte und Südostforschung der Universität Wien). Западногерманский историк Гюнтер Штекль в 1956 г. писал, что этот институт является «единственным учебным и исследовательским учреждением такого рода в Австрии»<sup>2</sup>. Институт был основан в 1948 г. известным специалистом по истории церковного права и культуры проф. Хейнрихом Феликсом Шмидтом на базе семинара по восточноевропейской истории, возникшего при Венском университете под руководством Ханса Юберсбергера еще в 1907 г.<sup>3</sup> Ныне институт входит в состав философского факультета как одно из структурных подразделений его исторического отделения, включающего и ряд других институтов (древней истории, истории средних веков, истории нового времени, истории династии Габсбургов и др.). В задачу этих институтов входит педагогическая и исследовательская работа по их профилю. Иными словами, Институт восточноевропейской истории и юго-восточных исследований, подобно другим институтам Венского университета, представляет собой комплексное научно-педагогическое и научно-исследовательское учреждение, сочетающее подготовку будущих историков с разработкой проблем исторической славистики и балканистики. Кроме того, на базе института проходят стажировку с широким использованием соответствующих фондов австрийских архивов и библиотек многие западные ученые, прежде всего из США, занимающиеся историей России и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Первым директором института был (до 1964 г.) его основатель проф. Х. Ф. Шмидт. В период подготовки XI Международного конгресса историков в Вене (1965) он занимал пост президента Международного комитета исторических наук. В настоящее время директором института является проф. Вальтер Лейч.

В составе института работают две кафедры: восточноевропейской и австрийской истории. Кафедру восточноевропейской истории возглавляет В. Лейч, занимающийся преимущественно средневековой историей. Ему принадлежит, в частности, монография «Москва и политика имперского двора в XVII в.»<sup>4</sup>. Вообще вопросы истории России занимают в проблематике кафедры важное место, причем в последние годы все больше внимания уделяется изучению русской общественной мысли и политики царского правительства в XIX — начале XX в. Одна из диссертаций, подготовленных на кафедре, была посвящена славянофильству. Сотрудник института д-р Андреас Морич работает над аграрной историей предреволюционной России и анализом реформ Столыпина. Руководителем другой кафедры — австрийской истории — является проф. Рихард Плашка. Особенностью этой кафедры можно считать то, что в круг ее занятий входит изучение не только собственно австрийской истории, но и истории других народов, ранее входивших в состав габсбургской монархии — так называемого Дунайского пространства. Сам Р. Плашка, помимо ряда статей, например, опубликовал две монографии: «От Палацкого до Пекаржа. Историческая наука и национальное самосознание у чехов» и «Котор — Прага. Возмущение и революция. Военно-морской флот и армия Австро-Венгрии в огне повстанческого движения 1 февраля и 28 октября 1918 г.»<sup>5</sup>. Кроме того, в институте работают один специалист по истории церкви и один так называемый советолог. Всего в штате числится 12 человек.

Институт имеет обширную библиотеку по истории дореволюционной России, Советского Союза и стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Ее ядром явилось насчитывающее около 12 тыс. единиц хранения книжное собрание видного русского историка и публициста либерального направления В. А. Бильбасова (1838—1904). Оно было приобретено в Петербурге в 1905 г. австро-венгерским послом кн. Лихтенштейном. Институтская библиотека продолжает в настоящее время интенсивно пополняться. В частности, сюда поступают книги, сборники и периодические издания, выходящие в Советском Союзе и других социалистических странах, а также работы по истории Восточной и Юго-Восточной Европы, выпускаемые в ФРГ, США, Франции,

Италии, Англии и других западных странах. Библиотека располагает новейшими техническими средствами размножения и копирования печатных материалов, облегчающими и ускоряющими работу сотрудников.

Научным органом института является «Венский архив истории славянства и Восточной Европы», который начал выходить с 1955 г. под редакцией Х. Ф. Шмидта и Г. Штекля. «Архив» представляет собой серию и издается нерегулярно. Так, вслед за выходом первого (1955) и второго (1956) томов наступил некоторый перерыв, в 1959—1960 гг. появились соответственно третий и четвертый тома. Затем после длительной паузы в 1966 и 1967 гг. вышли пятый и шестой тома, седьмой увидел свет в 1969, а восьмой — в 1974 г.<sup>6</sup>

Серия открывалась упомянутой выше монографией Р. Плашки «От Палацкого до Пекаржа» и была снабжена послесловием основателя серии и первого директора Института восточноевропейской истории и юго-восточных исследований Х. Ф. Шмидта. По-видимому, первый том рассматривался в качестве своеобразной заявки на характер и идейную направленность «Венского архива» как органа института. Монография Р. Плашки была довольно типична для остфоршунга середины 50-х годов и встретила критические отзывы в марксистской историографии. Точка зрения автора построена на противопоставлении клерикальной концепции чешской истории, выработанной Й. Пекаржем, как якобы логически завершающей развитие идей Ф. Палацкого, ее марксистской трактовке, прежде всего в трудах З. Нееды. Основной вывод книги был следующим образом прокомментирован Х. Ф. Шмидтом в послесловии к публикации: «В жизненном деле Й. Пекаржа и в его личности как ученого чешская историография отчетливо достигла вершины своего развития» (с. 90). Кроме книги Р. Плашки (т. 1) и упомянутой монографии В. Лейча (т. 4), в «Венском архиве» были изданы работы Б. Пикара «Посольское дело в Средней и Восточной Европе в начале нового времени» (т. 6), А. Морича «Триестский округ с начала XIX в. до нашего времени» (т. 7), М. Пейфуса «Румынский вопрос до Бухарестского мира 1913 г. и позиция Австро-Венгрии» и «Румынская пропаганда в македонском вопросе в 1898 г.» (т. 8)<sup>7</sup>. Кроме сотрудников Института восточноевропейской истории и юго-восточных исследований, в «Венском архиве» участвуют специалисты из других

австрийских научных учреждений и из-за рубежа. С этой точки зрения показательны 2, 3 и 5-й выпуски «Венского архива», объединенные общим (хотя и несколько измененным в последнем выпуске) наименованием: «Исследования по древней истории Восточной Европы»<sup>8</sup>. Первый из этих сборников был посвящен 60-летию со дня рождения Х. Ф. Шмидта. Он открывался кратким вступлением Г. Штекля, в котором юбиляр характеризовался как выразитель «драгоценного содержания западнохристианского духовного наследия». Следующие статьи представляют собой конкретные исследования и очерки по средневековой истории стран Восточной Европы: «Из хозяйственной жизни женского монастыря в византийской провинции» Франца Дельгера (Мюнхен), «Церковное отделение Киева от Москвы в 1458 г.» Оскара Халецкого (Нью-Йорк), «Книга 1326 г.» Марьяна Хорвата (Загреб), «Из истории средневековых источников Истрии» Милко Коса (Любляна), «Великий литовский еретик XVI в. Шимон Будный» Станислава Кота (Париж), «Замечания по феодализации и урбанизации Восточной и Юго-Восточной Европы в культурно-историческом отношении» Йозефа Матля (Грац), «Вифлеемская часовня в Праге» Отакара Одложлика (Филадельфия), «Понятие „Россия“ в средние века» Александра Соловьева (Женева) и «К вопросу об истории права у народов Югославии» Иосипа Жонтара (Любляна). Следующий сборник, соответствующий 3-му тому серии «Венского архива», был посвящен 50-летию изучения истории Восточной и Юго-Восточной Европы в Венском университете. Непосредственно этой дате отведены две первые статьи Х. Ф. Шмидта и Т. Экхарда, упомянутые нами выше. Остальные статьи, как и в предыдущем сборнике, посвящены различным вопросам средневековой истории народов изучаемого региона: «Миранда в России» Хейнриха Бенедикта (Вена), «Сербский дипломатический минускул» Грегора Чремошника (Любляна), «Новонайденный „Древний кодекс“ сараевского монастыря Иоанна Предтечи» Ивана Дуйчева (София), «„Набросок“ Иоганна Филиппа Балтазара Вебера. К вопросу об описании им путешествия из Вены в Херсон в 1787 г.» Ханса Хальма (Инсбрук), «Историческое время в риторике умирающей Византии» Херберта Хунгера (Вена), «Харо! Харо! (о сочинении аб. св. Дени XII в.)» Эндре Иванка (Грац), «Об Индексе XI в.» Вальтера Лейча



(Вена) и «Древнейшая судебная и городская книга из Крайны» Иозефа Зонтара (Любляна). Последний из этих сборников был посвящен памяти Х. Ф. Шмидта. Во введении его преемник В. Лейч писал, что первоначально сборник был задуман к 70-летию основателя Института восточноевропейской истории и юго-восточных исследований Венского университета и «Венского архива». Лейч подчеркивал значение научной деятельности Х. Ф. Шмидта для развития исторической славистики и балканистики в Австрии. Эта проблематика нашла отражение в содержании сборника: «К вопросу о внутренней истории Дакии» Константина Дайцовича (Клуж), «Греки Ивана Дуйчева (София), «Культурно-исторические проблемы польской восточной политики» Оскара Халецкого (Нью-Йорк), «Пострижение как „обязанность десятины“ христиан в ранневизантийское время» Херберта Хунгера (Вена), «Структура хорватского права в феодальную эпоху» Милко Костренчича (Загреб), «Отношение польских ремесленников и цехов к России в XV—XVIII вв.» Витольда Майзеля (Познань), «Автокефальная церковь в Венгрии» Элемера Мальвиша (Будапешт), «Крестьянский вопрос в новейшей польской и русской литературе: Маленькие заметки к большой теме» Иозефа Матля (Грац), «Мнимые приемы гражданского права „Саксонского зеркала“ в польском гражданском праве» Иозефа Матушевского (Лодзь), «Аугсбургские известия о московских бунтах XVI—XVII вв.» Хельмута Нойбауэра (Гайдельберг), «Есениус, Фраделиус и позднегуманистическое образование в Средней Европе» Иозефа Полишенского (Прага) и «Канцлер и митрополит (в Древнерусском государстве и в Галицкой Руси XIII—XIV вв.)» Гюнтера Штекля (Кёльн). Мы не имеем возможности охарактеризовать в отдельности каждую статью, помещенную в одном из трех названных сборников. Они отличаются тематическим и хронологическим разнообразием и представляют интерес для соответствующих специалистов. Вместе с тем содержание сборников «Исследования по древней истории Восточной Европы» (ч. 1, 2) и «Исследования по истории Восточной Европы» (ч. 3) имеет некоторое значение и для понимания проблематики, которая привлекает к себе внимание руководителей «Венского архива».

Как можно заключить из количественно-тематического анализа содержания этих сборников, первое место —

11 из 33 публикаций — принадлежит в них статьям по истории балканских народов (южные славяне, румыны), на втором месте стоят материалы по истории России (7 названий), далее — Польши и Литвы (4 названия). Три публикации посвящены истории Византии, две — Чехословакии, одна — истории Венгрии. В целом материалы, опубликованные в сборниках, составляющих 2, 3 и 5-й выпуски «Венского архива», носят сугубо конкретный, часто источниковедческий характер. Лишь пять публикаций могут быть отнесены к разряду общих — вводные статьи редакторов, статья Йозефа Матля в первом сборнике, посвященная вопросам формирования феодальных отношений и городов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Естественно, подобные материалы не могут определять лица сборников, представляющих собой совокупность публикаций, в основном ограниченных временем до XVIII в. и принадлежащих ученым, придерживающимся различных методологических и научных принципов.

Об этом свидетельствует и авторский состав сборников. В первом из них, вышедшем в 1956 г., участвовало три автора из Югославии, по два автора — из ФРГ и США, по одному — из Австрии, Франции и Швейцарии. Во втором (1959) картина существенно изменилась: преобладали австрийские ученые (семь человек), два ученых были из Югославии, один — из Болгарии. Наконец, на страницах третьего (и пока последнего) тематического сборника такого рода, увидевшего свет в 1966 г., выступили 13 человек, в том числе из Австрии — трое, из ФРГ и Польши — по два человека, по одному — из Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Румынии. Обычно такое участие является разовым, хотя некоторые австрийские и западногерманские историки печатаются в сборниках более регулярно.

Анализ издательской продукции Института восточно-европейской истории и юго-восточных исследований дает основание заключить, что, например, с самого начала «Венский архив» рассматривался его основателями и руководителями не только как место для публикации трудов лишь сотрудников института, но и как один из международных органов по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы в русле австро-западногерманского остфоршерства. На это указывает и редакторское сотрудничество в первых томах директора венского инсти-

тута Х. Ф. Шмидта и кёльнского историка Г. Штекля, и издательская марка «Грац-Кёльн».

Примечательно, что многие статьи по вопросам истории народов Восточной Европы принадлежат перу историков из западных стран. Так, в первом сборнике исследований, составившем 2-й выпуск «Венского архива», статьи по истории России («Церковное отделение Киева от Москвы в 1458 г.»), Чехословакии («Вифлеемская часовня в Праге») и Литвы («Великий литовский еретик XVI в. Шимон Будный») были написаны соответственно американскими учеными О. Халецким и О. Одложиликом, а также проживавшим в Париже С. Котом. Пожалуй, тогда лишь авторы трех статей по истории Югославии составили исключение, поскольку принадлежали к той стране, историей которой занимались. Впрочем, в последующие годы положение изменилось, хотя и ненамного. И если, например, по ряду вопросов истории Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Венского архива» выступили историки социалистических стран, то авторами публикаций по русской истории оставались австрийские (И. Матль, Х. Бенедикт) и западногерманские (Г. Штекль, Х. Нойбауэр) ученые. В целом независимо от эпизодического участия в «Венском архиве» ученых из социалистических стран это издание, хотя и в несколько смягченном ныне виде, сохраняет свой изначальный идейный характер в духе «либерально-христианского» остфоршунга.

«Венский архив» не является единственным каналом публикации работ сотрудников Института восточноевропейской истории и юго-восточных исследований. Они печатают свои работы в других австрийских и зарубежных, чаще всего западногерманских, издательствах, сборниках и периодических органах. Тесные связи существуют также между университетским институтом и находящимся в ведении министерства иностранных дел и министерства научных исследований Австрийским институтом Восточной и Юго-Восточной Европы (Österreichisches Ost- und Südosteuropa Institut). Не касаясь подробнее его деятельности, отметим лишь, что этот институт имеет политический, конъюнктурный характер и занимается преимущественно современными проблемами Советского Союза и других социалистических стран. Обязанности директора Австрийского института выполняет профессор кафедры австрийской истории универси-

тетского Института восточноевропейской истории Р. Плашка. С 1958 г. Австрийский институт издает журнал «Австрийские восточные тетради» (*Osterreichische Osthefte*), где, в частности, печатаются статьи и сотрудников Венского университета (Хорста Хазельштайна, Макса Пейфуса, Торви Экхарда, Андреаса Морича и др.). Тематика статей «Австрийских восточных тетрадей» весьма разнообразна и ориентирована на освещение социально-экономического и культурно-политического развития и политики коммунистических партий социалистических стран, прежде всего Советского Союза и ближайших соседей Австрии. Материалы подобного рода зачастую весьма тенденциозны, а порой имеют ярко выраженный пропагандистский характер. Что касается собственно научных статей по истории народов Восточной и Юго-Восточной Европы, то среди них преобладают материалы по новой истории XIX — начала XX в. Кроме того, в журнале печатаются рецензии на выходящие в Советском Союзе и других социалистических странах книги по истории, экономике, философии и остальным общественным наукам.

Исследование вопросов исторической славистики и балканистики ведется не только в Венском университете, но и в рамках исторических институтов провинциальных австрийских университетов Зальцбурга, Инсбрука, Граца. Выполняя функции, аналогичные соответствующим структурным подразделениям Венского университета, эти институты обладают несравненно более скромными финансовыми и кадровыми возможностями. К тому же сравнительно целеустремленная разработка в них проблем истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы началась по существу только в последние годы. С этой точки зрения представляет интерес существующий с 1867 г. Исторический институт университета Карла Франца в Граце.

В системе отделений этого института (австрийской истории, истории средних веков и нового времени, социально-экономической истории) в 1969 г. появилось Отделение истории Юго-Восточной Европы. Три научных работника отделения наряду с педагогической деятельностью (через коллоквиумы ежегодно пропускается до 1200 студентов, из которых затем небольшая часть в дальнейшем специализируется по профилю отделения)



разрабатывают историю народов региона. Отделение возглавляет проф. Фердинанд Хауптман.

В основном исследуемая здесь проблематика касается истории южных славян в их взаимоотношении с Австрией и Венгрией в XIX в. Так, Ф. Хауптман, автор монографии «Сербская внешняя политика середины XIX века», изучает историю Хорватии и Венгрии в связи с австрийской политикой эпохи революции 1848 г. Один из ассистентов отделения, Рюдигер Малли, работает над историей национальных отношений в Штирии и у южных славян, включая Военную границу. Другой ассистент, Харальд Хепнер, специализируется в области русской истории XIX в. Недавно в свет вышла его монография «Россия в общественном мнении Австрии 1848—1856 гг.» (1975). Таким образом, тематический диапазон исследовательских интересов сотрудников отделения несколько шире его официального наименования.

С 1972 г. Отделение истории Юго-Восточной Европы Исторического института университета в Граце выпускает публикации «К изучению Юго-Восточной Европы» («Zur Kunde Südosteuropas»), состоящие из двух серий. В первую включаются заслуживающие, по мнению редакции, внимания работы зарубежных авторов в переводе на немецкий язык и с необходимыми комментариями, во вторую — новые работы австрийских историков. К настоящему времени в рамках первой серии вышли книги югославских историков Х. Капиджича «Восстание в Герцеговине 1882 г.» (1972) и Е. Екмечича «Восстание в Боснии 1875—1878 гг.» (1974)<sup>9</sup>. Среди выпусков второй серии — монографии Ф. Хауптмана «Эрцгерцог Иоган как посредник между хорватами и Венгрией в 1848 г.» (1972), Р. Малли «Штирийские депутаты в австрийском райхсрате с 1897 по 1901 г., с особым рассмотрением национальной проблематики» (1973), названная выше работа Х. Хепнера и двухтомный труд Ф. Хауптмана с критическим обзором мемуарной литературы «Военный поход Елачича в Венгрию 1848 г.» и монография Б. Джурджева «Историко-этнические изменения у южных славян после турецкого завоевания» (1974)<sup>10</sup>. Наряду с венским Институтом восточноевропейской истории и юго-восточных исследований Отделение истории Юго-Восточной Европы университета Граца относится к числу важнейших австрийских научных центров исторической славистики и особенно балканистики.



Рассматривая организацию и основные направления исследовательской работы австрийских ученых в этих областях, нельзя не отметить их некоторые наиболее общие особенности.

Прежде всего в Австрии отсутствуют учреждения, которые вели бы комплексное изучение истории, культуры и языка народов региона, соответствующее современному широкому пониманию славистики и балканистики. Исторические отделения и институты австрийских университетов, занятые к тому же учебно-педагогической деятельностью, нацелены в соответствии с их профилем на разработку исторической проблематики. Изучением литературы и языка славянских и других народов региона заняты филологические отделения университетов. Например, при Венском университете существует одно из старейших в Европе учреждений такого рода — Институт славистики. С 1950 г. издается журнал «Венский славистический ежегодник» («Wiener slawistisches Jahrbuch»). В 1922 г. Институт славистики возглавил русский славист Н. С. Трубецкой (1890—1938). В настоящее время директором является профессор Х. Витченс, специализирующийся в области истории русской литературы XIX в. В разное время здесь работали такие известные филологи-слависты, как И. Хамм и Р. Ягодич. Последний преподавал также на славистических кафедрах Инсбрука и Граца, где работал и недавно скончавшийся литературовед Й. Матль, труды которого публиковались и в советских изданиях. В настоящее время славистическое отделение университета в Граце возглавляет проф. С. Хафнер, специализирующийся в области русистики, а также сербской и словенской литератур. Отделение выпускает свои труды в сотрудничестве с западногерманским университетом в Саарбрюккене.

Отсутствует единый орган славистики и балканистики и в структуре Австрийской академии наук, хотя разными аспектами этой проблематики ведают особые комиссии, входящие в историко-филологическое отделение. Прежде всего это комиссии по истории Австрии и Австро-Венгерской монархии<sup>11</sup>. Обе комиссии возглавляет проф. Адам Вандрушка, в их состав входят не только историки, но и филологи (например, проф. И. Хамм, до недавнего времени возглавлявший Институт славистики Венского университета). В рамках первой из названных комиссий начата работа над темой «Австрия и Венгрия

в новое время», в том числе совместно с югославскими учеными над проблемой «Австрия и югославянский вопрос до первой мировой войны». Силами второй комиссии с привлечением зарубежных авторов были завершены два тома обширного 8-томного труда «Габсбургская монархия в 1848—1918 гг.». Последний том посвящен истории отдельных народов, входивших в состав монархии в ту эпоху<sup>12</sup>. Из других комиссий, имеющих отношение к проблемам славистики и балканистики, можно назвать комиссию по истории австрийского театра (возглавляет Хейнц Киндерман), комиссию по истории литературы (возглавляет Херберт Сайдлер), а также археологическое (возглавляет Херман Феттерс) и лингвистическое (возглавлял И. Хамм) отделения Балканской комиссии<sup>13</sup>.

Отсутствие организационных форм комплексного изучения народов региона проявляется, в частности, в том, что славистика зачастую воспринимается здесь, как, впрочем, и в некоторых других странах, исключительно как лингвистическая, в лучшем случае филологическая дисциплина. Вместе с тем нельзя не видеть, что наиболее серьезные австрийские историки озабочены поисками методологических путей, которые открывали бы новые возможности для более широкого комплексного исследования истории народов региона и развития международного сотрудничества с учеными соседних социалистических стран.

---

<sup>1</sup> При написании обзора была использована информация, полученная автором во время пребывания в научных командировках в Австрии (1975 г.) и ФРГ (1976 г.). Считаю своим приятным долгом поблагодарить сотрудников этого института, а равно преподавателя университета в Граце Р. Малли за любезно предоставленную библиографию научных публикаций этих учреждений.

<sup>2</sup> *Stökl G.* Zum Geleit.— In: Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Graz; Köln: Bühlaus Nachf, 1956, T. 1, S. 9.

<sup>3</sup> См.: *Eckhardt T.* Zur Geschichte des Seminars für Osteuropäische Geschichte der Universität Wien im ersten Jahrzehnt seines Bestandes. 1907—1918: Ausgewählte Akten und Regesten.— In: Festgabe zur 50. Jahr-Feier des Instituts für osteuropäische Geschichte und Südostforschung der Universität Wien. Wien: Bühlaus Nachf, 1959, S. 14—47. Общий обзор развития института содержится в предисловии к сборнику, написанном Г. Ф. Шмидтом (с. 7—13).

<sup>4</sup> *Leitsch W.* Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert. Graz; Köln: Bühlaus Nachf, 1960. 296 S.

- <sup>5</sup> *Plaschka R. G.* Von Palacký bis Pekař. Geschichtswissenschaft und Nationalbewusstsein bei den Tschechen. Mit einem Nachwort von H. F. Schmidt. Graz; Köln: Bühlaus Nachf, 1955, 119 S.; *Idem.* Cattaro — Prag. Revolte und Revolution. Kriegsmarine und Heer von Österreich-Ungarn in Feuer der Aufstandsbewegung von 1. Februar und 28. Oktober 1918. Graz; Köln; Bühlaus Nachf, 1963. 313 S.
- <sup>6</sup> Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas: Veröffentlichungen des Instituts für Osteuropäischen Geschichte und Südostforschung. Wien etc: Bühlaus Nachf, 1955—1974. Bd. 1—8.
- <sup>7</sup> *Picard B.* Die Gesandtschaftswesen Ostmitteleuropas in der frühen Neuzeit: Beiträge zur Geschichte der Diplomatie in der ersten Hälfte des XVI. Jh. nach den Aufzeichnungen des Freiherrn Sigmund von Herberstein. Wien: Bühlaus Nachf, 1967. 192 S.; *Moritsch A.* Das hohe Triester Hinterland. Zur wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung von Beginn des XIX. Jh. bis zur Gegenwart. Wien: Bühlaus Nachf, 1969. 160 S. *Peyfuss M. D.* Die Rumänische Frage. Ihre Entwicklung von den Ursprüngen bis zum Frieden von Bukarest (1913) und die Haltung Österreichisch-Ungarn. Wien: Bühlaus Nachf, 1974. 166 S. с прилож.; *Idem.* Die rumänische Propaganda in der «Makedonischen Frage» im Jahre 1898: Ein Bericht des österreichisch-ungarischen Vizekonsuls im Monastiz. Wien: Bühlaus Nachf, 1974. 172 S.
- <sup>8</sup> Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. T. 1, 2 (Wiener Archiv, Bd. 2, 3); Studien zur Geschichte Osteuropas. T. 3. (Wiener Archiv, Bd. 5).
- <sup>9</sup> *Kapidzic H.* Der Aufstand in der Herzegovina im Jahre 1882: (Auszüge). Graz, 1972; *Ekmečić M.* Der Aufstand in Bosnien, 1875—1878. Graz, 1974. Bd. 1, 2.
- <sup>10</sup> *Hauptmann F.* Erzherzog Johann als Vermittler zwischen Kroaten und Ungarn im Jahre 1848. Graz, 1972; *Malli R.* Die stirischen Abgeordneten im österreichischen Reichsrat, 1897—1901. Mit besonderer Berücksichtigung des Nationalitätenproblems. Graz, 1973; *Hepner H.* Das Rußlandbild in der öffentlichen Meinung Österreichs. 1848—1856. Graz, 1975; *Hauptmann F.* Jelacic's Kriegszug nach Ungarn 1848. Graz, 1975. Bd. 1, 2; *Djurdjev B.* Die historisch-ethnischen Veränderungen bei den südslawischen Völkern nach der türkischen Eroberung. Graz, 1974.
- <sup>11</sup> Österreichische Akademie der Wissenschaften. Almanach für das Jahr 1975. Wien: Verlag der Österr. Akad. der Wiss., 1976, S. 263—264, 266.
- <sup>12</sup> Die Habsburgermonarchie, 1848—1918. Wien: Verlag der Österr. Akad. der Wiss., 1973—1975, Bd. 1, 2.
- <sup>13</sup> Österreichische Akademie der Wissenschaften, S. 281—282, 297—298, 311—312 ff.

## ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДУНАЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Исследовательский институт по изучению так называемого Дунайского пространства (Донаураум) был основан в 1953 г. по инициативе Теодора Хорнбостеля, Рудольфа Лодмана фон Ауэна, Гуго Ханча, Фридриха Фундера, Льва Прхалы и Н. Карвински. Обзору 20 лет деятельности этого учреждения была посвящена статья генерального секретаря института Герхарда Штадлера, помещенная в венском журнале «Остеррейхише остхефте»<sup>1</sup>, который издается Австрийским институтом Восточной и Юго-Восточной Европы.

Штат института состоит из 137 постоянных и 17 «поддерживающих» членов и находится в контакте с рядом научных учреждений в Австрии и за рубежом. Работой института руководит правление во главе с проф. Феликсом Эрмакорой.

«Институт, — писал Штадлер, — занимается изучением всеобщей истории дунайских народов, рассмотрением национальных проблем в Дунайском пространстве, федералистскими и региональными стремлениями здесь, а также общими экономическими интересами дунайских государств и будущими формами их организации» (с. 82). Иными словами, основная задача института с самого начала заключалась в изучении народов, которые до 1918 г. составляли лоскутную Австро-Венгерскую монархию Габсбургов. Уже само по себе это достаточно красноречиво свидетельствует о той роли, которую отвели институту его организаторы и руководители. С идейной точки зрения деятельность института по изучению Дунайского пространства во многом близка западногерманскому консервативному остфоршунгу. Время не могло, однако, не оказать определенного влияния на исходную концепцию, которая была положена в основу института в 1953 г. Успешное развитие экономики и культуры социалистических стран, народы которых ранее входили в состав империи Габсбургов, потребовало от членов института по изучению Дунайского пространства некоторой перестройки. Об этом, например, свидетельствуют материалы очередного, 20-го общего

собрания института, которое состоялось 24 ноября 1973 г. в Линце. На этом собрании, в подготовке которого участвовала Верхнеавстрийская торговая палата, раздавались реалистические голоса. Так, в докладе Франца Немшака (Вена) «Перспективы торговли между Востоком и Западом, особенно для Австрии» отмечалась взаимная заинтересованность европейских государств в расширении экономических связей. Призывая искать новые формы такого сотрудничества, докладчик рассматривал Австрию в качестве моста между западной и восточной частями Европейского континента. Доклад проф. Франца Ридля (Инсбрук) «Венгерская национальная политика», произнесенный на том же собрании членов института, охватывает период начиная с XI в. до настоящего времени. Охарактеризовав различную на разных этапах венгерскую политику по отношению к национальным меньшинствам, докладчик дал положительную оценку усилиям Венгерской Народной Республики по сохранению культурного наследия проживающих здесь национальных меньшинств.

Отчет об общем собрании института, в котором подводятся итоги его деятельности за 20 лет, помещен в журнале «Донаураум»<sup>2</sup>, который институт издает совместно с Институтом Восточной Европы в Регенсбурге (ФРГ) (Regensburger Osteuropa-Institut). Здесь, в частности, отмечено, что издание журнала является важнейшим аспектом деятельности Института по изучению Дунайского пространства. Остальные мероприятия проводятся постольку, поскольку они обеспечены финансовыми возможностями и наличием кадров. Например, в январе 1973 г. председатель правления института проф. Эрмакора выступил с докладом «Проблемы установления численности национальных меньшинств». В отчете сообщается также, что при институте имеется небольшая специальная библиотека, насчитывающая 1850 книг, около 250 брошюр и приблизительно 210 наименований журналов, из которых большую часть (171) Институт получает в обмен на издаваемый им журнал. Как видно из отчета, финансовые затруднения и особенно недостаток кадров и их «старение» составляют предмет особого беспокойства руководства и членов института.



<sup>1</sup> Stadler G. Zwanzig Jahre Forschungsinstitut für den Donauraum: XX. Ordentliche Generalversammlung des Forschungsinstitutes für den Donauraum, Linz, 24. November 1973.—Österreichische Osthefte, 1974, N 1, S. 82—84.

<sup>2</sup> XX. Generalversammlung des Forschungsinstitutes für den Donauraum.—Der Donauraum, 1974, N 3/4, S. 189—191.

Н. П. МИТИНА

## ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В. Завадский, сотрудник Вольфсон-колледжа в Оксфорде, в статье «Английские историки о Польше (1893—1974): Биобиблиографический очерк»<sup>1</sup>, рассматривает важнейшие публикации по истории Польши, изданные на английском языке английскими исследователями. Историки из числа польских эмигрантов упоминаются им лишь в том случае, если они публиковались на английском языке и благодаря своей научной и педагогической деятельности заняли определенное место в английской науке. Не учитываются также работы, вышедшие на английском языке в США и Канаде, и исследования по литературоведению и языкознанию, если они тесным образом не связаны с историей. Наконец, в обзоре не рассматриваются труды по Восточной Европе и России, в которых польская проблематика только затрагивается.

В. Завадский стремился, по его словам, представить основные этапы развития изучения истории Польши в Великобритании и осветить темы, которыми занимались и над которыми работают в настоящее время английские ученые.

Первые проявления интереса к польской истории в Англии автор статьи датирует серединой XIX в. Попытка создания в Оксфордском университете в 1844 г. славянской кафедры историком-эмигрантом В. Красинским не имела успеха. Прошло более 20 лет, прежде чем славистика получила конкретную поддержку. Лорд Уильям Фокс-Стрэнгуэйс Илчестер, бывший в 1840-х годах английским послом во Франкфурте-на-Майне, завещал Оксфордскому университету тысячу фунтов стерлингов, чтобы положить начало изучению языка, лите-

ратуры и истории Польши, а также и других славянских стран. При поддержке этого фонда и Оксфордского университета Ричард Морфил (1834—1909) начал читать первые лекции о славянском мире. В 1889 г. Морфил получил штатную должность лектора, а в 1900 г. был избран первым в Англии профессором русского и других славянских языков. Славянские исследования в Кембридже начались в 1899 г., а в Ливерпуле — в 1907 г. Морфил не был узким филологом. Он написал ряд трудов по истории и литературе славян. Его перу принадлежит первый на английском языке очерк истории Польши, вышедший в 1893 г.<sup>2</sup> Эта работа, не имея, по мнению Завадского, большой научной ценности, дала английскому читателю первый эскизный обзор польской истории — от времен Мешко I до XIX в.

Роберт Н. Бейн (1854—1909), библиотекарь Британского музея и видный языковед, исследовал историю Скандинавии и России, написал книгу об истории России и Польши<sup>3</sup>. Он являлся автором трех разделов о Польше в первом издании «Кембриджской современной истории»: о Польше XVI в (т. III, 1904), о Польше времен саксов (т. VI, 1909) и о польской и чешской литературе XIX в. (т. XI, 1909). Кроме того, его перу принадлежала монография о короле Станиславе Августе Понятовском, написанная на широком историческом фоне XVIII в.<sup>4</sup> Бейн, по мнению В. Завадского, весьма критически оценил политическое и социальное развитие шляхетской Речи Посполитой и пришел к выводу, что причиной падения Польши была невозможность проведения необходимых для страны реформ конституционным путем. Автор характеризовал короля Станислава Августа Понятовского как весьма посредственную историческую фигуру. Работа Бейна явилась первым на английском языке обширным описанием станиславской эпохи.

Значительный шаг в изучении истории Польши был сделан, по утверждению Завадского, в межвоенный период благодаря основанной в 1915 г. в Лондоне Школе славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East-European Studies). Большую поддержку исследователям истории Польши оказывали польское посольство и Польский институт культуры (в настоящее время эту деятельность продолжает Институт польской культуры в Лондоне).

Более широкий размах, по словам Завадского, изучение истории Польши в Великобритании приняло после второй мировой войны, чему, как он считает, способствовал ряд правительственных мер. В 1947 г. был опубликован доклад комиссии, созданной министерством иностранных дел под руководством лорда Скарборо. Целью комиссии являлось ознакомление с состоянием славянских, восточноевропейских, ориентальных и африканских исследований в Великобритании. В докладе содержалась рекомендация создания научных центров для разработки этих проблем и их популяризации<sup>5</sup>. Кроме того, автор ссылается на доклад специального подкомитета под руководством сэра Уильяма Хейтера, в котором указывалось, что изучение стран Восточной Европы и России в Великобритании во многих отношениях остается ограниченным и не отвечающим растущему международному значению этой части Европы. Доклад Хейтера рекомендовал развивать изучение этой территории на университетском уровне<sup>6</sup>.

В настоящее время факультеты и кафедры, изучающие Восточную Европу, можно встретить во многих английских и шотландских университетах. Главные центры находятся в Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Глазго и Бирмингеме. Дальнейшее развитие славистики в Великобритании, по мнению Завадского, весьма проблематично в связи с финансовыми затруднениями, которые испытывают здесь в настоящее время высшие учебные заведения.

Переходя далее к обзору проблематики исследований польской истории в Великобритании и характеризуя вклад в ее разработку отдельных ученых, В. Завадский крупнейшим историком-полонистом считает Уильяма Джона Роуза (1885—1968). Выходец из Канады, он после окончания Оксфордского университета, еще до 1914 г. приступил к изучению положения национальных меньшинств, проживавших в Австро-Венгрии. В годы первой мировой войны Роуз находился в Цешинской Силезии, позднее некоторое время жил в Польше. В 1925 г. первым из англичан со времен Реформации защитил в Ягеллонском университете кандидатскую диссертацию о Станиславе Конарском. С 1936 г. Роуз — профессор польской истории и языка Лондонского университета, в 1945—1947 гг. — директор Школы славянских и восточноевропейских исследований.

Интерес Роуза к Польше нашел отражение как в его научной деятельности, так и в популяризации им польской истории среди студентов, начинающих исследователей и английской общественности. Роуз исследовал, по словам Завадского, реформаторскую и демократическую мысль и возникновение политических партий в польских землях XVIII—XIX вв. Завадский отмечает, что с большой симпатией Роуз осветил жизнь и деятельность прогрессивных польских публицистов XVIII — начала XIX в.: Ст. Конарского, Коллонтая и Сташица<sup>7</sup>.

Народные движения в Польше нашли отражение в нескольких статьях Роуза и в переводах воспоминаний участников событий<sup>8</sup>.

Перед началом второй мировой войны Роуз опубликовал в 1939 г. научно-популярную книгу о Польше<sup>9</sup>. В 1944 г. он напечатал другую работу, по словам Завадского, также носящую научно-популярный характер, — об основных этапах развития польской демократии. Этот термин, по словам автора статьи, он употреблял в широком значении, охватывая историю реформаторской и революционной политической мысли разных направлений и оттенков. Большая часть этой книги посвящена XIX—XX вв., начиная от возникновения Демократического общества (1832) до 1939 г.<sup>10</sup> Роуз проявлял интерес и к истории Силезии, особенно к польско-немецким проблемам<sup>11</sup>. После окончания войны он посетил Польскую Народную Республику и в 1948 г. издал книгу, посвященную общим проблемам бывшей и современной Польши<sup>12</sup>.

К поколению Роуза принадлежал Александр Брюс Босуэл (1884—1962). По окончании Оксфордского университета он с 1908 по 1913 г. работал ассистентом в Библиотеке Замойских в Варшаве под руководством проф. Тадеуша Корзона. С 1913 г. в Ливерпуле был аспирантом по литературе и истории западных славян. С 1919 по 1949 г. заведовал кафедрой истории языка и литературы России.

В 1919 г. появилась первая работа Босуэла о Польше<sup>13</sup>, в которой он красочно и с большой симпатией, по характеристике Завадского, описал страну, людей, историю и перспективы развития.

Босуэл в основном изучал средневековую историю Польши и публиковал свои исследования в «Кембриджской истории средних веков»: «Польша в 1050—1303»

(т. VI, 1929); «Тевтонский орден» (т. VII, 1932); «Польша и Литва в XIV—XV вв.» (т. VIII, 1959).

Значительный вклад в распространение в Англии сведений о Польше внесла, по словам Завадского, Моника Мэри Гарднер, погибшая в 1941 г. при авиационном налете. Еще в 1911 г. она издала книгу об Адаме Мицкевиче<sup>14</sup>. Завадский приводит слова предисловия, в которых формулировалась цель работы: «Пробудить в сердцах англичан интерес и сочувствие не только к исключительной личности поэта, но и в значительной степени к страданиям, борьбе и идеалам большой и героической нации, преданным сыном которой был А. Мицкевич».

Далее автор останавливается на книгах о З. Крассинском и Г. Сенкевиче<sup>15</sup>, принадлежащих перу Гарднер.

В целом деятельность Гарднер, по заключению Завадского, сыграла большую роль в ознакомлении английских читателей с польскими поэтами и писателями. Детальный разбор их произведений, как отмечает Завадский, сделан Гарднер на широком историческом фоне и на основе польских источников.

Шагом вперед в изучении истории Польши в Англии в 1930—1940 гг. Завадский называет издание в Кембридже обобщающей истории Польши в двух томах. Инициаторами этой работы являлись Гарольд Уильям Темперли — профессор истории в Кембридже, автор многих работ по европейской истории XVIII—XX вв. и Уильям Ф. Редеуэй — научный сотрудник Королевского колледжа в Кембридже. Редеуэй, обратившийся в 30-х годах к истории Польши, интересовался, кроме того, историей Скандинавии и России. В 1941 г. вышел том труда по истории Польши, охватывающий 1697—1935 гг. (перездан в 1951 г.). Том, посвященный предшествующему периоду (до 1697 г.), был опубликован в 1950 г.<sup>16</sup>. Оба тома состоят из 50 разделов, написанных 44 авторами. Большинство из них — польские историки, но крупный вклад в написание двухтомника истории Польши внесли, как отмечает Завадский, также английские ученые. По его мнению, «Кембриджская история Польши», несмотря на ряд серьезных недостатков, особенно во втором томе, не утратила до сих пор значения и является свидетельством англо-польского научного сотрудничества. Этот труд В. Завадский характеризует как первую



крупную обобщающую работу такого рода, написанную о стране, не входившую в Британскую империю.

Одним из выдающихся английских историков-полонистов Завадский считает Людвика Бернштайна Немировского, или сэра Льюиса Нэмира (1888—1960). Он родился в Польше в полонизированной еврейской семье. Долгие годы жил в Галиции, учился во Львовском и Лозаннском университетах. В Англию приехал в 1907 г. После принятия в 1913 г. английского подданства переименовал фамилию. По словам В. Завадского, он был крупным специалистом в области истории английской и европейской дипломатии XVIII—XX вв. В своих лекциях, книгах и рецензиях Нэмир затрагивал и различные аспекты истории Польши. В статье указаны две проблемы, которые особенно интересовали Нэмира: устройство и деятельность законодательных институтов, и прежде всего английского парламента, и возникновение и развитие национализма в Европе в XIX—XX вв. Проблему национализма, в связи с которой он много места уделял Польше, Нэмир затрагивал в лекциях, небольших статьях и обширных рецензиях.

Наиболее известной работой по истории Центральной Европы, в которой Нэмир использовал большой материал по Польше, автор считает доклад о так называемой весне народов (1848), прочитанный Нэмиром в 1944 г. на собрании Королевского общества (Академии наук Великобритании) и опубликованный впервые в 1946 г.<sup>17</sup> Нэмир исследовал восстание в Великой Польше, дебаты во Франкфуртском парламенте и на Славянском конгрессе в Праге, а также затронул положение в Чехии и Галиции. По мнению В. Завадского, Нэмир пришел к упрощенному выводу, что конституционное движение в этот период было слабее движения национального и что отношение немцев к полякам и чехам, а поляков к украинцам в 1848 г. явилось первой манифестацией последующего национализма. В 1848 г., по утверждению Нэмира, началась «великая европейская война каждой нации против своих соседей»<sup>18</sup>.

В очерке «Национальность и свобода» Нэмир, по характеристике В. Завадского, развил свою концепцию национальности, базирующуюся на принципе языковой общности<sup>19</sup>. В качестве примеров Нэмир приводит Польшу до разделов и Венгерское королевство, в которых чувство территориальной национальной общности среди

шляхты к середине XIX в. стало уже, по его словам, анахронизмом и уступило место новой национальной концепции, опирающейся на общность языковую. Этот вывод Нэмир позднее дополнил тезисом о трех фазах в развитии национального самосознания.

Английский ученый Питер де Бовуар Брок издал несколько статей о выдающейся политической роли Выслоуха и о начале крестьянского движения в Польше<sup>20</sup>. Интерес к социальным движениям славянских народов выразился у Брока в изучении им политической и социальной доктрины Общины чешских братьев в XV в.<sup>21</sup>.

Брок изучал также историю польской радикальной эмиграции после восстания 1830—1831 гг. и отношение к Польше со стороны прогрессивных кругов Великобритании<sup>22</sup>. В 1962 г. в Лондоне на польском языке вышел ценный, по характеристике В. Завадского, сборник документальных материалов о «Люде польском», извлеченных П. Броком из архивов Англии, Франции и частных собраний<sup>23</sup>.

Английским историком польского происхождения является Люциан Рышард Левитер. В 1948—1968 гг. он был преподавателем польского языка. С 1969 г. Левитер — профессор-славист в Кембридже, один из пяти редакторов журнала «*Slavonic and East European Review*». По характеристике Завадского, Левитер крупнейший знаток истории дипломатии и культуры Польши и России XVII—XVIII вв. Им написан ряд статей о польско-русских отношениях XVII—XVIII вв.<sup>24</sup>, особенно эпохи Петра Великого. Он также разрабатывал проблемы Северной войны, подчеркивая важное экономическое значение балтийских портов и для Речи Посполитой, и для России<sup>25</sup>. В работе о Венском договоре 1719 г. Левитер отметил ослабление позиций Польши на международной арене<sup>26</sup>.

Левитер является автором главы о разделах Польши<sup>27</sup> в «Современной Кембриджской истории». Он весьма трезво, по мнению Завадского, оценил Конституцию 3 мая, отметив, что она была не программой на будущее, а скорее отражением происшедших уже социальных изменений и кульминацией политических реформ. Очень осторожно, по словам Завадского, Левитер отзывался и о состоянии польской экономики второй половины XVIII в. Кроме того, Левитер опубликовал многочислен-

ные статьи о Польше в научно-популярном журнале «History Today».

Другим историком польского происхождения Завадский называет Павла Скварчиньского, который начал научную деятельность до второй мировой войны в Католическом университете Люблина. Позднее переехал в Великобританию, преподавал историю Центральной Европы в Школе славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете. Основная область занятий Скварчиньского — история феодализма в Польше<sup>28</sup>. Как видно из сведений, сообщаемых Завадским, Скварчиньский приходил к совершенно необоснованному выводу, что средневековая феодальная система в Польше якобы не имела черт, присущих феодализму Западной Европы, в связи с чем о феодализме здесь можно говорить лишь условно. В «Современной Кембриджской истории» (т. III, 1966) Скварчиньский является автором раздела о Польше и Литве второй половины XVI и первых лет XVII в.

Видным английским исследователем истории Польши Завадский считает Роберта Франка Лесли, который начал научную деятельность в Лондонском университете в 50-х годах. С 1964 г. Лесли — профессор новой истории, а с 1970 г. — директор отделения истории в Куин Мэри колледж Лондонского университета. Он часто бывает в Польше, хорошо изучил польские архивы и библиотеки, его работы печатаются в польской периодике и других изданиях<sup>29</sup>.

Кандидатская диссертация и несколько других работ Лесли посвящены истории реформ и революционного движения в польских землях 1815—1865 гг.<sup>30</sup>. Им опубликованы две книги, посвященные крупным польским восстаниям XIX в. — 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. Обе работы написаны с хорошим знанием источников.

Монография о восстании 1830—1831 гг.<sup>31</sup> выходит далеко за рамки означенной темы и содержит сведения о политических, экономических и социальных отношениях в Польше от разделов до 1830 г. В монографии Лесли повторил вывод, сделанный им в ранее написанных работах и не получивших признание историков: восстание 1830—1831 гг. не было кульминационным проявлением протеста пятнадцатилетнему гнету царизма, а явилось следствием стечения случайных обстоятельств, приведших к войне, поскольку общественное мнение не

позволило правящим кругам пойти на примирение с Николаем I на предложенных им условиях.

Лесли, как указывает Завадский, подчеркивал враждебность высших слоев Королевства Польского к восстанию, неспособность их решить социальные вопросы, в то же время подверг критике и деятелей повстанческого лагеря, прежде всего П. Высоцкого и М. Мохнацкого. В книге проступает тенденция приуменьшить роль традиционно признанных героев, героических действий и усилий нации. Вместе с тем, подчеркивает далее Завадский, Лесли обратил внимание на огромную роль, какую поражение восстания сыграло в развитии польской общественной и революционной мысли последующих десятилетий, особенно в области социального вопроса.

В монографии о восстании 1863—1864 гг. Лесли, как пишет Завадский, осветил польское революционное движение 1832—1848 гг. и социально-экономическое и политическое развитие Королевства Польского в 1831—1860 гг.<sup>32</sup> Особенно большое место в книге уделено генезису восстания, реформам А. Велепольского, кризису 1861 г., а также политике царизма в отношении Польши. Он рассмотрел также отношение европейских государств к восстанию. В монографии Лесли повторил и развил выводы, сделанные им в других работах, — о решающей роли социально-экономических факторов в генезисе, ходе и последствиях восстания.

Подвергнув критике помещичье-консервативный лагерь, Лесли вскрыл также ошибки и незрелость революционного движения того времени, хотя и отметил достижения и историческую роль польской левицы тех лет. Лесли считал, что, несмотря на поражение восстания, борьба польского народа не была безрезультатной, в частности для выработки программы по аграрному вопросу.

Начало социалистического движения в Польше вызвало несомненный интерес среди английских историков. Наиболее известной работой по этой проблеме Завадский называет двухтомный труд о Розе Люксембург пера Джона Питера Нетла, чеха по происхождению. Приехав в Англию молодым человеком накануне второй мировой войны, Нетл занялся научной работой, был профессором политических наук и социологии в Пенсильванском университете в США. Погиб в 1968 г. в авиационной катастрофе. На основе документов архива Института



истории партии в Варшаве и хорошего знания литературы, автор, по словам Завадского, показал вклад Р. Люксембург в развитие марксистской мысли и революционную деятельность социалистического движения Германии, Польши и России, подчеркнул ее участие в создании СДКПиЛ<sup>33</sup>.

Началом социалистического движения занимается также Люциан Блит, уроженец Варшавы, он приехал в Англию в 1943 г. В настоящее время является преподавателем политологии Восточной Европы в Лондонской экономической школе и на отделении истории Школы славянских и восточноевропейских исследований. В 1971 г. Блит издал работу о первой социалистической партии «Пролетариат», написанную на основе широкого круга источников<sup>34</sup>. В этой книге, как указывает далее автор статьи, содержится краткая характеристика деятелей «Пролетариата» и показана деятельность партии и ее связи с русскими революционерами. Идеи и цели первого поколения польских социалистов Блит оценивал как утопические, хотя и признавал, что экономическое и социальное развитие польского общества они представляли себе лучше, чем их угнетатели. В настоящее время Блит готовит к печати историю польского марксистского движения от его возникновения и до новейшего времени.

Несколько английских исследователей в последние годы проявили интерес к истории Польши межвоенного периода. Среди них Завадский называет Нормана Дэвиса — преподавателя польской истории в Лондонской школе славянских и восточноевропейских исследований. Он поддерживает контакты с польскими научными кругами и публикуется в польской периодике. В 1973 г. в Ягеллонском университете Дэвис защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политика Великобритании в отношении Польши после Версальского договора в 1919—1920 гг.». Дэвис, по словам Завадского, интересуется главным образом дипломатической и политической историей Польши, а также польско-английскими отношениями в период первой мировой войны и в ближайшие к ней годы. В 1972 г. вышло из печати его исследование о войне буржуазной Польши с Советской Россией в 1919—1920 гг.<sup>35</sup>. По мнению Завадского, оно является первой обобщающей работой о военных, политических и дипломатических событиях рассматриваемого периода. По его словам, монография опирается на со-



лидную источниковую основу — опубликованные материалы, архивные документы из архивохранилищ Польши и Великобритании. Широко использована автором польская и советская литература.

Кроме того, Дэвис написал ряд статей по архивным материалам Польши и Великобритании<sup>36</sup>.

Внутренними проблемами и устройством буржуазной Польши интересуется, сообщает Завадский, также Антоний Полонский, выходец из Южной Африки, в настоящее время преподаватель восточноевропейской истории в Лондонской экономической школе. В 1972 г. Полонский опубликовал обобщающую работу по истории Польши 1921—1939 гг.<sup>37</sup>. Книга, по словам Завадского, основана на глубоком знании литературы и источников как опубликованных, так и извлеченных из польских и английских архивов. Монография Полонского представляет собой первый на английском языке значительный обобщающий труд по истории Польши межвоенного периода.

О судьбах польского народа во второй мировой войне писал Ян Чехановский<sup>38</sup>.

К английским исследователям, интересующимся историей Польши XX в., принадлежит лорд Николае Бетел. Не будучи историком-профессионалом, он является знатоком ряда восточных и славянских языков, много переводит с русского и польского языков. В 1969 г. вышла его книга о Владиславе Гомулке, в которой автор затронул общие проблемы левых партий в межвоенной Польше. Более ценной исторической работой Бетела Завадский считает книгу под названием «Война, которую выиграл Гитлер. Сентябрь 1939» (Лондон, 1972). Автор исследовал реакцию Великобритании, Франции, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза на нападение Германии на Польшу. Бетел пользовался английскими правительственными документами, которые по истечении 30 лет стали доступны исследователям. Он показал ошибочность представлений и иллюзий правящих кругов Великобритании и Франции относительно возможности сохранения мира с помощью уступок Гитлеру, даже в октябре 1939 г. Это, по его выводу, привело к отсутствию эффективных военных действий в 1939 г.

В последние годы в Англии возрос интерес к современной истории Польши. Большим событием, по словам

Завадского, должна стать обобщающая работа «Кембриджская история современной Польши. 1863—1972». Главный редактор издания и автор первой части (1863—1918) — Ф. Лесли. Период буржуазной Польши разрабатывает А. Полонский, а историю 1939—1948 гг. — Я. Чехановский. Над заключительной частью коллективной монографии, охватывающей 1948—1972 гг., работает Збигнев Пелчиньский, участник Варшавского восстания, преподаватель политических наук в Оксфорде.

Как можно заключить из обзорной статьи Завадского, рост интереса к истории Польши в Великобритании, особенно в последние десятилетия, очевиден. При этом основное место занимают вопросы истории национально-освободительного движения и социального развития XIX—XX вв. Нельзя не отметить и внимания многих английских историков-полонистов к работам польских и советских ученых, не указать на привлечение ими широкого круга доступных архивных и печатных источников. Однако многие выводы, к которым приходят историки-полонисты Великобритании, отражают общий уровень буржуазной исторической науки и не могут поэтому не вызывать к себе критического отношения со стороны историков Советского Союза и Польской Народной Республики.

---

<sup>1</sup> *Zawadzki W. H. Historycy brytyjscy o Polsce (1893—1974): Zarys biograficzno-bibliograficzny.*—*Kwartalnik historyczny*, 1976, N 3, s. 597—615.

<sup>2</sup> *Morfill R. Poland. The Story of Nations.* London, 1893.

<sup>3</sup> *Bain R. N. Slavonic Europe. A Political History of Poland and Russia from 1447 to 1796.* Oxford, 1908.

<sup>4</sup> *Bain R. N. The Last King of Poland and his Contemporaries.* London, 1909.

<sup>5</sup> Report of the Interdepartmental Commission of Enquiry on Oriental, Slavonic, East European and African Studies. London, 1947.

<sup>6</sup> Report of the Sub-Committee on Oriental, Slavonic, East European and African Studies. University Grants Committee. London, 1961.

<sup>7</sup> *Rose W. J. Stanisław Konarski. Reformer of Education in XVIIIth Century Poland.* London, 1929; *Idem. Hugo Kołłątaj. 1750—1812.*—*Slavonic and East European Review*, 1950, XXIX, N 72, p. 49—66; *Stanisław Staszic, 1755—1826; Ibid.*, 1955, XXXIII, N 81, p. 291—304.

<sup>8</sup> *Rose W. J. Wincenty Witos.*—*Slavonic and East European Review*, 1946 XXV, N 64 p. 39—55; *From Serfdom to Self-Government. Memoirs of a Polish Village Mayor, 1842—1927.* London, 1941.

<sup>9</sup> *Poland: (Penguin Special).* London, 1939.

<sup>10</sup> *The Rise of Polish Democracy.* London, 1944.

- <sup>11</sup> Polish Silesian Literature.— Slavonic and East European Review, 1936, XIV, N 42, p. 601—612; National Minorities in Europe. IV. The Poles in Germany.— Slavonic and East European Review, 1936, XV, N 43, p. 165—176; The Drama of Upper Silesia. A Regional Study. London, 1936.
- <sup>12</sup> Poland Old and New. London, 1948.
- <sup>13</sup> *Boswell A. B.* Poland and the Poles. London, 1919; Educational Reform in Poland after the First Partition.— Slavonic Review, 1924—1925, III, p. 131—140; The European Nobility in the Eighteenth Century. Studies of the Nobilities of the Major European States in the Pre-Reform Era. London. 1st ed. 1953; 2nd ed. 1973.
- <sup>14</sup> *Gardner M. M.* Adam Mickiewicz. The National Poet of Poland. London, 1911.
- <sup>15</sup> *Cardner M. M.* The Anonymous Poet of Poland. Zygmunt Krasiński. Cambridge. 1919; The Patriot Novelist of Poland. Henryk Sienkiewicz. London, 1926.
- <sup>16</sup> The Cambridge History of Poland/Ed. by W. F. Reddaway et al. Cambridge, 1950. Vol. 1. From the Origins to Sobieski; 1951, Vol. 2. From Augustus II to Piłsudski.
- <sup>17</sup> *Namier L. B.* 1848: The Revolution of Intellectuals. London, 1946.
- <sup>18</sup> *Ibid.*, p. 33.
- <sup>19</sup> *Namier L. B.* Nationality and Liberty.— Avenues of History. London, 1952, p. 20—44.
- <sup>20</sup> *Brock P. B.* Bolesław Wysłouch. Founder of the Polish Peasant Party.— Slavonic and East European Review, 1951, XXX, p. 139—163; The Early Years of the Polish Peasant Party, 1895—1907.— Journal of Central European Affairs, 1954, XIV, p. 219—235; W Zaranu Ruchu Ludowego. London, 1956.
- <sup>21</sup> *Brock P. B.* The Political and Social Doctrines of the Unity of Czech Brethren in the Fifteenth and Early Sixteenth Centuries. The Hague, 1957.
- <sup>22</sup> *Brock P. B.* Joseph Cowan and the Polish Exiles.— Slavonic and East European Review, 1953, XXXII, p. 52—69; Zeno Świętosłowski A. Polish Forerunner of the Narodniki.— American Slavic and East European Review, 1954, XIII, p. 566—587. Статьи эти были переведены на польский язык и изданы в Варшаве с предисловием Ст. Кеневича отдельной книгой (Z dziejów Wielkiej Emigracji w Anglii. Warszawa, 1958).
- <sup>23</sup> *Brock P. B.* Geneza Ludu Polskiego w Anglii. Materiały źródłowe. London, 1962.
- <sup>24</sup> *Lewitter L. R.* Poland, the Ukraine and Russia in the 17th Century.— Slavonic and East European Review, 1948, XXVII, p. 157—172; *Ibid.*, 1949, XXVII, p. 414—430; Peter the Great and the Polish Dissenters.— *Ibid.*, 1954, XXXIII, p. 75—102; Peter the Great and the Polish Election of 1697.— Cambridge Historical Journal, 1956, XII, p. 126—143; The Russo-Polish Treaty of 1686 and its Antecedents.— The Polish Review, 1964, XX, N 3, 4.
- <sup>25</sup> *Lewitter L. R.* Russia, Poland and the Baltic, 1697—1721.— Historical Journal, 1968, XI, p. 3—34.
- <sup>26</sup> *Lewitter L. R.* Poland, Russia and the Treaty of Vienna of 5th January 1719.— Historical Journal, 1970, XIII, p. 3—30.
- <sup>27</sup> *Lewitter L. R.* The Partitions of Poland.— New Cambridge Modern History, 1965 VIII.
- <sup>28</sup> *Skwarczyński P.* The Decretum Electionis of Henry of Valois.— Slavonic and East European Review, 1958, XXXVII, p. 113—130; The

- Origin of the Name *Pacta Conventa* in 1573.— *Ibid.*, 1959, XXXVII, p. 468—477; The Problem of Feudalism in Poland up to the Beginning of the 16th Century.— *Ibid.*, 1956, XXIV, p. 292—311; A 17th Century Spanish View of Poland.— *Ibid.*, 1962, XL, p. 497—518.
- <sup>29</sup> *Leslie R. F.* Information and Foreign Policy: An Aspect of the British Official Attitude Towards the Polish Question (1856—1863).— In: *Wiek XIX. Prace ofiarowane Stefanowi Kieniewiczowi w 60 rocznice, urodzin.* Warszawa, 1967, p. 345—353.
- <sup>30</sup> *Leslie R. F.* Polish Political Divisions and the Struggle for Power at the Beginning of the Insurrection of November 1830.— *Slavonic and East European Review*, 1952, XXXI, p. 113—133; *Left-Wing Political Tactics in Poland, 1831—1846.*— *Ibid.*, 1954, XXXIII, p. 120—140; *Politics and Economics in Congress Poland, 1815—1865.*— *Past and Present*, 1955, VIII, p. 43—63.
- <sup>31</sup> *Leslie R. F.* Polish Politics and the Revolution of November 1830. London, 1956.
- <sup>32</sup> *Leslie R. F.* Reform and Insurrection in Russian Poland. 1856—1865. London, 1963.
- <sup>33</sup> *Nettl J. P.* Rosa Luxemburg. Oxford, 1966. Второе сокращенное издание вышло в Оксфорде в 1969 г.
- <sup>34</sup> *Blit L.* The Origin of Polish Socialism. The History and Ideas of the First Polish Socialist Party 1878—1886. Cambridge, 1971.
- <sup>35</sup> *Davies N.* The Polish-Soviet War, 1919—1920. London, 1972.
- <sup>36</sup> *Davies N.* Lloyd George and Poland. 1919—1920.— *Journal of Contemporary History*, 1971, VI, N 3, p. 132—154; Sir Maurice Hankey and the Inter-Allied Mission to Poland, July—August 1920.— *Historical Journal*, 1972, XV, N 3, p. 553—561; Great Britain and the Polish Jews, 1918—1920. *Journal of Contemporary History*, 1973, VIII, N 2, p. 119—142; The Poles in Great Britain 1914—1919.— *Slavonic and East European Review*, 1972, L, N 118, p. 63—89.
- <sup>37</sup> *Polonsky A.* Politics in Independent Poland 1921—1939. The Crisis of Constitutional Government. Oxford, 1972.
- <sup>38</sup> *Czechanowski J.* The Warsaw Uprising of 1944. Cambridge, 1974. Работа Чехановского была опубликована в Лондоне в 1971 г. на польском языке под названием: *Powstanie Warszawskie.*

В. И. БЕЛЯЕВА

## СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИДЕРЛАНДАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Историю развития славяноведения и исследований Восточной Европы в Нидерландах после второй мировой войны подробно рассматривает в своей статье «Заметки о послевоенном развитии славянских и восточноевропейских исследований в Нидерландах» профессор



Х. Л. Верхаар, сотрудник Института восточноевропейских исследований в Амстердаме\*. При этом он выделяет восемь городов, в которых эти исследования ведутся в наиболее широких масштабах. Автор также кратко характеризует довоенное развитие славяноведения в Нидерландах.

До второй мировой войны только в Лейденском и Амстердамском университетах изучались славянские языки и литературы. С 1930 г. Бруно Бекер вел в Амстердамском университете специальный курс по истории культуры Восточной Европы. Однако лекции, читавшиеся в этом и других университетах, предназначались главным образом филологам и историкам. «В то время, — отмечает автор, — вопросы социально-политического развития в современной Восточной Европе еще не были предметом научного исследования» (с. 1). И лишь Русское отделение Международного института социальной истории, созданного в 1935 г. в Амстердаме, собирало и анализировало материалы, относящиеся к проблемам развития СССР в связи с историей международного рабочего движения.

Характерной чертой послевоенного развития славяноведения в Нидерландах автор считает усиление дифференциации и специализации в этой области, в результате чего изучение восточноевропейского района выделилось в самостоятельную ветвь социологии. Кроме того, изучение славяноведения быстро распространилось в других университетских центрах страны.

В Амстердамском университете обучение славистов ведется в Славянском институте, который был создан в 1958 г. Институт имеет каталог периодических изданий по русской художественной литературе и литературоведению. В настоящее время его сотрудники готовят подобный каталог чешской литературы. В институте разрабатывается проект исследований по глагольному ударению в праславянском языке.

В связи с растущим пониманием значения изучения Восточной Европы для развития социальных наук в целом в 1948 г. в Амстердаме был создан Институт русских исследований, переименованный в 1961 г. в Инсти-

---

\* *Verhaar H. L. Notes on the Post-War Development of Slavic and Eastern European Studies in the Netherlands.*— Canadian Slavonic Papers, Ottawa, 1970, vol. XII, N 1, p. 1—8.



тут восточноевропейских исследований. Сначала задачей института было оказание содействия в реализации учебной программы факультета социальных наук Амстердамского университета, но к 1960 г. институт стал развивать свои собственные исследования. В библиотеке института имеется почти 30 тыс. книг и немногим менее 400 названий газет и журналов, главным образом из Советского Союза и Югославии. Все статьи по интересующей институт проблематике отражены в специальном каталоге. Возглавляет институт профессор И. В. Беземер. Сотрудники института принимают участие в различных научно-исследовательских проектах. С 1964 г. институт редактирует журнал «Интернэйшнл спектейтор» («Восточноевропейская серия»), который издается на базе Нидерландского института международных отношений в Гааге.

В институте работает редакция журнала «International Review of Social History», который время от времени публикует статьи по проблемам социальной истории Восточной Европы.

В Лейденском университете имеется Славянский факультет, в числе преподавателей которого несколько известных специалистов в различных областях. Руководят факультетом профессора А. Г. Куиперс, специалист по балтийско-славянским и кавказским языкам, и К. ван хет Реве, специалист по русской литературе. Профессор всеобщей истории и философии истории Т. Лохер в своих лекциях основное внимание уделяет проблемам русской истории. С 1949 г. юридический факультет университета начал заниматься изучением восточноевропейского права. В 1953 г. здесь был создан специальный Институт документации по восточноевропейскому праву, который в настоящее время располагает библиотекой из 10 тыс. книг и 200 названий газет и журналов. В 1961 г. на факультете была образована особая кафедра восточноевропейского права. Институт документации публикует с 1958 г. серию «Право в Восточной Европе». Планируется издание энциклопедии советского права.

В Утрехтском университете подготовка славистов сосредоточена в Славянском институте, созданном в 1961 г. В настоящее время исследования института связаны в основном с изучением древнерусского языка и Древней Руси. В Институте истории в 1964 г. был создан отдел по истории Восточной Европы под руководством профес-

сора З. Р. Диттриха, который работает над историей Великоморавского государства.

В 1965 г. в Гронингенском университете был создан Славянский институт для изучения славянской филологии. Директор института — профессор А. Г. Ф. ван Холк, специалист по русской литературе. В институте занимаются, в частности, исследованием творчества Л. Н. Толстого и И. А. Крылова.

Хотя Романский католический университет города Ниймегена не специализируется в области подготовки славистов, здесь существует кафедра истории христианского Востока и восточного церковного права. В поле ее зрения находятся занятия русской литературой и театром, а также проблемами атеизма в СССР.

В Роттердамском филиале Голландской школы экономики, созданном в 1968 г. и руководимом профессором И. Тинбергеном, ведутся теоретические и прикладные исследования по проблемам экономического планирования в социалистических странах и теориям конвергенции.

Центр публикации и документации по сельскому хозяйству в Вагенингене ставит своей задачей сделать доступными для специалистов в Западной Европе материалы по сельскому хозяйству, публикуемые в Восточной Европе. С 1960 г. Центр выпускает журнал по сельскохозяйственной литературе Восточной Европы.

В Гааге, как и Роттердаме и Вагенингене, нет центра по славянским и восточноевропейским исследованиям. Правда, в 1960 г. там был создан Институт «Восток — Запад», занимающийся главным образом документацией и информацией. С 1967 г. институт выпускает ежемесячный журнал, освещающий экономические отношения между социалистическими и капиталистическими странами, в котором печатаются резюме статей по этим проблемам из мировой прессы.

В заключение Х. Л. Верхаар останавливается на формах кооперации и координации, существующих между учреждениями и центрами по славянским и восточноевропейским исследованиям в Нидерландах. Например, по вопросам комплектования своих библиотечных фондов Институт восточноевропейских исследований консультируется с соответствующими институтами Амстердама, Институт документации в Лейдене приобретает литературу в области права. В области филологии подобные

консультации ведутся между Славянскими институтами Амстердама и Утрехта и славянским отделом библиотеки Лейденского университета. В Институте восточноевропейских исследований (Амстердам) имеется объединенный каталог, включающий сведения о собраниях по славяноведению и Восточной Европе всех академических библиотек страны.

Сотрудничество профессоров славянской филологии Амстердамского, Утрехтского, Гронингенского и Лейденского университетов находит выражение в издании годичных серий «Голландские исследования по русской литературе» (Гаага).

Вопрос о представительстве Нидерландов на международных съездах решает, как правило, Ассоциация славистов. Она была создана в 1951 г. Членами ее могут быть все слависты, а также те, кто профессионально заинтересован в изучении Восточной Европы.

В качестве приложения к статье Х. Л. Верхаар приводит список тем докторских диссертаций по славяноведению и восточноевропейской проблематике, защищенных за последние годы в университетах Нидерландов.

В. И. БЕЛЯЕВА

## СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АВСТРАЛИИ

В статье австралийского политолога из Исследовательской школы по социальным наукам Австралийского национального университета в Канберре Т. Г. Ригби «Русские и восточноевропейские исследования в Австралии» \* дается обзор развития русистики и исследований Восточной Европы в Австралии после второй мировой войны. Автор подчеркивает, что, в то время как изучение России в австралийских университетах достигло достаточно высокого уровня, серьезных исследований по Восточной Европе фактически все еще нет. Он объясняет сравнительно медленное развитие этих исследований

\* *Rigby T. H. Russian and East European Studies in Australia.—Canadian Slavonic Papers, 1970, vol. XII, N 3, p. 219—223.*

в Австралии тем, что до второй мировой войны большим приоритетом и поощрением пользовались азиатские исследования.

Первая кафедра русского языка и литературы была создана в Мельбурнском университете в 1946 г. Первый преподаватель кафедры Нина Кристесен внесла, по мнению автора, существенный вклад в развитие австралийской русистики. Несмотря на то, что желающих изучать русский язык и литературу среди студентов оказалось достаточно, создание первого факультета натолкнулось на много трудностей. Например, только в 1950 г. был назначен второй преподаватель с полной нагрузкой. Тем не менее Н. Кристесен удалось сделать факультет важным и значительным, подготовить определенное количество специалистов высшей квалификации, работающих ныне в области русистики в Австралии и за рубежом.

Только через девять лет, в 1955 г., началось чтение курсов по русскому языку и литературе в Канберрском университетском колледже, слившемся позднее с Австралийским национальным университетом. И лишь еще через девять лет его примеру последовали Монашский и Куинслэндский университеты. В 1968 г. была учреждена русская кафедра в университете Нового Южного Уэльса, а курсы лекций стали читаться в 1969 г. Предпринималась также попытка ввести курсы русистики в Сиднейском университете, но здесь не удалось найти подходящего руководителя кафедры. В Аделаидском университете создание подобной кафедры было отложено из-за отсутствия фондов. Таким образом, подводит итог автор, к 1970 г. только в пяти из пятнадцати австралийских университетов имелись русские факультеты с общим штатом преподавателей, насчитывающим 23 человека.

Во второй части статьи Т. Г. Ригби останавливается на тематике читаемых курсов лекций, основной проблематике научных исследований и проблемах научной кооперации. На русских факультетах австралийских университетов в основном занимаются преподаванием и исследованием русской литературы XIX и XX вв. Язык преподается с начала специализации, хотя на некоторых факультетах есть отдельные курсы для студентов, уже знающих язык. Как правило, литературоведы и лингвисты разбросаны по разным факультетам. Монашский университет является единственным, где читаются хо-



рошо разработанные курсы по сравнительной славянской филологии. Подобные курсы в 1970 г. были введены в Куинслэндском и Мельбурнском университетах. Автор отмечает, что число студентов на русских факультетах каждый год уменьшается, а на завершающем почетном курсе (год специализированного обучения в дополнение к основной программе бакалавра искусств, сравнимый по уровню с курсами на степень магистра искусств в США) редко учится более четырех или пяти студентов. Поскольку магистр искусств в Австралии является ученой степенью исследователя, то аспирантуры как таковой в области русистики нет.

До начала 70-х годов австралийские ученые не написали крупных научных работ по славяноведению, однако в различных журналах Австралии и других стран ими опубликовано большое количество статей по различным проблемам русистики. Автор возлагает надежды на увеличение научных публикаций в связи с основанным в конце 60-х годов под редакцией Н. Кристесен специальным журналом «Мельбурн славоник стадиз».

Отметив, что имеется несколько значительных исследований по славянскому языкознанию, принадлежащих австралийским ученым Р. де Брэйю, Х. Блюме и Р. Зимеку, автор с сожалением констатирует отсутствие курсов по славянским языкам и литературам. Правда, возможность для организации таких курсов он находит лишь в Австралийском национальном университете (Канберра). Он пишет: «Австралийский национальный университет обладает значительным библиотечным собранием в области польского языка, литературы и истории, приобретенным во многом благодаря усилиям польской общины, что создает возможность для реализации со временем предложений начать польские исследования в Австралийском национальном университете» (с. 221).

Из информации, приведенной в статье Т. Г. Ригби, можно сделать вывод, что преподавание и изучение истории СССР полностью отданы на откуп политологам. Это, конечно, определяет подход австралийских специалистов к этой проблематике. Органы управления и внутренняя и внешняя политика СССР изучаются во всех университетах так же, как история России, хотя в основном специальных лекционных курсов по этим проблемам не читается. И только в некоторых университетах исто-



рию СССР включают в лекционные курсы по сравнительному изучению экономической истории или экономическим системам. Симптоматично признание автора, что в своем большинстве эти курсы читаются не специалистами по России и СССР. Исключение составляют четыре австралийских университета, где курсы по политике и экономике СССР читают специалисты в этой области. Только в Австралийском национальном университете (Канберра) имеется значительная группа ученых по общественным наукам (18 человек), занимающихся исследованием Советского Союза на широкой междисциплинарной основе. По мнению автора, это произошло благодаря особо благоприятным условиям для научной работы, предоставленным университетским исследовательским школам по социальным наукам и тихоокеанским исследованиям, и наличию обширных собраний советских периодических изданий и монографий в Национальной библиотеке. Ученые университета Канберры изучают русскую общественную мысль, марксистскую идеологию, политику, культуру, право, планирование, историю СССР и др. Определенная степень координации достигается через неофициальный Комитет по советским и восточноевропейским исследованиям, который организует семинары, обсуждает лекционные курсы и другие вопросы, представляющие взаимный интерес. На протяжении 60-х годов сотрудниками университета были опубликованы 6 книг и более 80 научных статей.

Практически до начала 1970 г., отмечает автор, научная кооперация между русскими факультетами была довольно слабой. Контакты поддерживались через личные визиты и посещение конференций Ассоциации австралийских университетов по языку и литературе, но не было организационного механизма для обсуждения проблем, общих для специалистов по русским и восточноевропейским исследованиям. В начале 1970 г. была создана Австралийская ассоциация славистов. Первым ее президентом стал профессор З. Ф. Оливериус из Монашского университета.

В заключение Т. Г. Ригби дал небольшой обзор развития научного сотрудничества между Австралией и СССР. Основой обмена учеными между двумя странами является прямая договоренность между Австралийским национальным университетом (Канберра) и Московским государственным университетом, достигнутая в 1964 г.

Позднее в программу обмена были включены Монашский и Ленинградский университеты. Условия программы предоставляют возможность обмениваться тремя аспирантами или молодыми учеными на полный академический год, а также месячными командировками для высококвалифицированных специалистов. Автор особо подчеркнул, что «программа со всей очевидностью принесла очень значительную пользу обеим сторонам. В процессе обмена не возникало никаких трудностей политического характера, а административные проблемы, хотя иногда довольно острые, оказывались урегулированными» (с. 222). Кроме того, Австралийский национальный университет имеет контакты с Сибирским отделением Академии наук СССР и Институтом востоковедения АН СССР.

«Понадобилось почти четверть века, чтобы русские исследования в Австралии, — пишет Т. Г. Ригби, — достигли стадии значительного роста, в которую они сейчас вступают. Подобно другим аспектам австралийской интеллектуальной жизни, они остаются весьма зависимыми от главных течений науки, исходящих из Британии и США, хотя сейчас можно ожидать увеличения выпуска значительных работ отдельных авторов» (с. 223).

### **III. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

О. Н. РЕШЕТНИКОВА

#### **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА БОЛГАРИИ В 1942—1948 ГГ. В ОСВЕЩЕНИИ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Место проблем истории Отечественного фронта в болгарской историографии определяется прежде всего той важной ролью, которую сыграл ОФ в антифашистской борьбе болгарского народа, в подготовке и осуществлении социалистической революции в Болгарии. Созданный в годы второй мировой войны под руководством болгарских коммунистов, ОФ был не просто нелегальной организацией антифашистского движения болгарского народа, но и основным средством формирования массовых революционных сил, школой политического опыта народных масс.

Вопросам создания и развития ОФ посвящено значительное число исторических исследований, опубликованных с конца 40-х годов до наших дней. Большой интерес ученых к этой проблематике обусловлен как потребностями внутреннего развития Болгарии, так и актуальностью опыта борьбы БКП за единство масс для международного и коммунистического движения, поскольку в деятельности ОФ в специфической форме отразились общие закономерности сплочения большинства трудящихся вокруг революционного авангарда на различных этапах развития революционного процесса.

Начало разработки проблем истории ОФ совпало с периодом перестройки болгарской исторической науки на основе марксистской методологии. Важное значение для утверждения научного подхода к оценке истории

создания и развития ОФ имели произведения выдающегося деятеля коммунистического движения Г. Димитрова. В его трудах получили развитие общие принципы ленинской стратегии широких классовых и политических союзов, содержится марксистский анализ сущности ОФ, раскрыта его роль и задачи в антифашистской борьбе болгарского народа, в строительстве социалистического общества в Болгарии<sup>1</sup>.

После установления народно-демократической власти в стране фактически отсутствовали зрелые кадры историков-марксистов, были предприняты лишь первые шаги в организации архивного дела, в создании научных учреждений<sup>2</sup>. В связи с этим первые работы по истории ОФ были написаны участниками его создания. В 1947 г. была опубликована «История Отечественного фронта» К. Драмалиева, который с 1942 г. являлся представителем БКП в Национальном комитете ОФ<sup>3</sup>. Написанная на основе лекции, подготовленной для первого сборника «Лекции и материалы по истории БРП(к)», брошюра К. Драмалиева долгое время оставалась единственной специальной работой по истории ОФ и служила основным пособием по изучению этой проблематики в системе политпросвещения. К. Драмалиев был автором главы «Установление и укрепление народной демократии» двухтомной «Истории Болгарии», изданной в 1954—1955 гг., в которой также получили отражение некоторые проблемы создания и развития ОФ<sup>4</sup>.

В целом разработка истории ОФ на первых порах осуществлялась главным образом в рамках исследования проблемы вооруженной борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны. На первый план выдвинулись вопросы о предпосылках формирования ОФ, о руководящей роли болгарских коммунистов в его создании, о практической деятельности комитетов ОФ в организации партизанского движения, акций саботажа, антифашистской агитации и пропаганды, в подготовке восстания 9 сентября 1944 г.<sup>5</sup>

Вследствие недостаточной теоретической разработки проблем установления народно-демократической власти в Болгарии, а также распространения точки зрения, согласно которой ОФ уже сыграл свою историческую роль и должен уйти с политической сцены, слившись с народными советами<sup>6</sup>, в историографии возобладала тенденция к недооценке значения ОФ как мощного идео-

логического фактора подготовки социалистической революции. Фактически игнорировались специфические особенности, отличавшие ОФ от военной конспиративной организации. Анализируя развитие классовой борьбы, авторы ограничивались рассмотрением двух основных противостоящих друг другу сил: рабочего класса и буржуазии. Промежуточные слои и представлявшие их партии вообще не являлись предметом специального исследования, в результате чего в историографии утвердилась тенденция к игнорированию элементов коалиции в деятельности ОФ, недооценивалась политика болгарских коммунистов, направленная на укрепление единства действий правящих партий.

Выделение истории ОФ в самостоятельную проблему произошло в начале 60-х годов на качественно новом этапе развития болгарской исторической науки, особенностью которого явилось значительное повышение идейно-теоретического уровня исторических исследований. В этот период происходит переход от фактографических работ к трудам аналитического характера, преодолеваются недостатки, присущие историографии предшествующего периода: одностороннее отношение к источниковедению, элементы догматизма и схематизма и др.

Потребность во всестороннем исследовании истории ОФ диктовалась необходимостью тщательной разработки вопросов о роли и месте ОФ в строительстве социалистического общества, так как практика показала ошибочность утвердившейся в начале 50-х годов линии на превращение ОФ в обычную просветительную организацию. Важное значение для стимулирования исследования истории ОФ имели решения апрельского (1956 г.) Пленума ЦК БКП, который решительно осудил тенденцию к принижению роли ОФ и открыл широкие перспективы для его развития как наиболее массовой общественно-политической организации и движения народного единства<sup>7</sup>. Возможность для плодотворного изучения истории ОФ создавало значительное расширение источниковой базы: большие успехи были достигнуты в области сбора и организации архивных материалов, предприняты публикации документов<sup>8</sup>. Это позволило не только существенно расширить круг исследуемых вопросов, но и развить, детализировать целый ряд выводов историографии предшествующего периода.

Следствием более глубокого изучения социально-по-



литической истории Болгарии периода второй мировой войны явилось утверждение в болгарской историографии вывода о том, что Болгария была не оккупированной страной, а сателлитом гитлеровской Германии<sup>9</sup>. Этот вывод нашел отражение в программе БКП, принятой X съездом партии в 1971 г.<sup>10</sup>

Отказ от тезиса о «фактической оккупации», анализ особенностей антифашистской борьбы болгарского народа позволили исследователям дать более точную характеристику условий, в которых создавался ОФ. Получил распространение вывод о существовании в Болгарии в годы войны не двух, а трех политических группировок: правящей монархо-фашистской клики, легальной буржуазной оппозиции и антифашистских, антиимпериалистических сил<sup>11</sup>.

Изменилось представление о политической структуре сил, оппозиционно настроенных к монархо-фашистскому режиму. Исследователи выделяют в антифашистском движении два потока: рабочий класс и часть крестьянства, выступавшие за революционный выход из создавшегося в стране кризиса, и нефашистская буржуазия и находившиеся под ее влиянием мелкие собственники, стремившиеся легальным путем отстранить монархо-фашистское правительство. Начало изучению буржуазной оппозиции как самостоятельной общественно-политической силы положила монография болгарского историка И. Димитрова, изданная в 1969 г.<sup>12</sup>

Получил распространение вывод о том, что первоначальный замысел болгарских коммунистов — достижение сплочения антифашистских сил в национальном масштабе — полностью осуществить не удалось: в политическом отношении состав ОФ был сравнительно узким<sup>13</sup>.

Изменение представления о политической структуре болгарского общества способствовало успешному изучению стратегии и тактики коммунистической партии в годы второй мировой войны, обусловило появление специальных исследований по истории формирования многопартийной системы и ее эволюции<sup>14</sup>. Конкретные исторические исследования, раскрывающие социально-политический характер существовавших партий, их деятельность и роль в общественно-политической жизни страны, развитие межпартийных отношений, позволили по-новому оценить значение элементов коалиции для

создания и развития ОФ, углубили представление о социальной природе ОФ.

Если в предшествующий период в исторической литературе параллельно употреблялись два определения ОФ — организация и народное движение, то теперь болгарские исследователи рассматривают ОФ как сложное общественное образование с элементами массового движения, всенародной организации и партийной коалиции<sup>15</sup>. ОФ начал создаваться как народное движение, и именно как народное движение, доказывают болгарские историки, ОФ оправдывал свое историческое призвание и был объективной необходимостью для Болгарии. Однако, будучи массовым народным движением, ОФ одновременно являлся политическим и организационным воплощением блока коммунистической партии, БЗНС, Народного союза «Звено» и БРСДП, в силу чего ему были присущи черты межпартийной коалиции. Работы болгарских авторов 60—70-х годов свидетельствуют, что взаимоотношения партий оказывали значительное воздействие на развитие ОФ, способствуя либо препятствуя разворачиванию движения масс под теми или иными лозунгами. Согласно точке зрения, утвердившейся в современной болгарской историографии, при общей тенденции к уменьшению черт, свойственных ОФ как политическому блоку, процесс ограничения этой структурной линии был сложным и непрямолинейным<sup>16</sup>.

Изучение более широкого круга источников, раскрывающих конкретные формы деятельности ОФ, его организационную структуру, вызвало распространение мнения о том, что нет оснований считать ОФ в 1942—1944 гг. организацией, он представлял собой народное движение, в котором существовала тенденция к превращению в организацию<sup>17</sup>. Поворотным моментом в его развитии как народного движения явилось восстание 9 сентября 1944 г., когда ускорился начавшийся ранее процесс укрепления элементов общественной организации: соответствующим образом оформляется членство в ОФ, организационные формы проявления носят более устойчивый характер, появляется выборность органов.

Появилась новая точка зрения по вопросу о сущности преобразования ОФ в единую общественно-политическую организацию в 1948 г. В болгарской историографии традиционно считалось, что на своем втором конгрессе ОФ был перестроен из народного движения

в организацию. С пересмотром этого положения выступил Д. Шарланов, доказывающий, что и после 1948 г. ОФ сохранил характер народного движения<sup>18</sup>.

С начала 60-х годов предметом специального исследования стал вопрос о функциях комитетов ОФ, о характере и деятельности Национального комитета ОФ в период установления и укрепления народно-демократической власти<sup>19</sup>. В болгарской историографии утвердилась точка зрения, впервые обоснованная П. Дамяновой и И. Радковым, которые аргументированно доказали, что в течение определенного периода после победы народного антифашистского восстания комитеты ОФ действовали не только как органы общественного контроля, как это было принято считать в исторической литературе, но и как фактические (не юридические) органы власти<sup>20</sup>. В отличие от местных комитетов Национальный комитет ОФ не стал органом власти, его функции как совещательного органа определились к началу 1945 г.<sup>21</sup>

Примечательной особенностью нового этапа в изучении проблем ОФ явилось обращение болгарских ученых к исследованию истории движения ОФ в отдельных районах страны<sup>22</sup>.

Наряду с бесспорными достижениями болгарской историографии в исследовании проблематики ОФ имеется ряд менее изученных вопросов.

Одна из важнейших задач болгарской историографии состоит в тщательной разработке вопроса о социальной природе ОФ. Необходимо выяснить, как повлияло развитие революционного процесса на социальную природу ОФ, как изменялось соотношение элементов массового движения, общественной организации и партийной коалиции в его организационной структуре. Глубокое исследование этих вопросов требует не только привлечения широкого круга исторических источников, но и дальнейшей теоретической разработки проблемы сходства и различия между общественными организациями и массовыми движениями.

В дальнейшей разработке нуждается вопрос о характере развития ОФ после победы народного восстания 9 сентября 1944 г. Исследование вопроса о том, в какой мере болгарские коммунисты сумели подчинить борьбу за демократию борьбе за социализм<sup>23</sup>, даст возможность уточнить характер политической платформы ОФ, на ко-

торой складывалось народное большинство на каждом этапе развития социалистической революции в Болгарии.

Недостаточно исследован в болгарской историографии вопрос о социально-политическом составе ОФ, его изменении в ходе развития революционного процесса, что обусловлено имеющимися разногласиями между отдельными исследователями в оценке классового характера существовавших партий, групп и течений. Требуют уточнения также некоторые вопросы, касающиеся развития межпартийных отношений как внутри ОФ, так и между партиями ОФ и оппозицией. Не получили еще должного отражения данные, свидетельствующие о различиях в оценке роли и места ОФ, существовавших между политическими партиями. Исследование этого вопроса углубит представление о развитии идейно-политической борьбы в период установления и укрепления народно-демократической власти в Болгарии.

Успешная разработка всех этих вопросов является важным условием для перехода к сравнительному изучению истории ОФ и аналогичных организаций, существовавших в 40-х годах в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Сравнительный анализ существенно обогатит представление об общем и особенном в развитии политики национального фронта в ходе революций 40-х годов в странах этого региона, позволит полнее и глубже охарактеризовать специфику формирования ОФ, выявить причины, обусловившие развитие ОФ не по пути превращения в государственный орган, а по линии возрастания его роли как общественно-политической организации.

Проблемы формирования и развития ОФ получили отражение и в буржуазной историографии<sup>24</sup>. Вопреки своим стремлениям выдать историю ОФ, как и проблему национального фронта в целом, за незначительную и малоинтересную для исторического исследования, этой проблематике буржуазные историки придают важное значение. Все основные вопросы, составляющие суть политики антифашистского фронта, являются объектом фальсификации в буржуазной историографии<sup>25</sup>. В этой связи особое значение приобретают своевременное изучение и критика буржуазных концепций Отечественного фронта, так как правда о коммунистической теории и практике — могучее оружие в идеологическом противоборстве двух социальных систем.



- <sup>1</sup> Г. Димитров за единия фронт. София, 1970; Г. Димитров за народния фронт. София, 1970; Г. Димитров за Отечествения фронт. София, 1971.
- <sup>2</sup> Основни етапи в развитието на българската историография след втората световна война.— В кн.: Проблеми на българската историография след втората световна война. София, 1973.
- <sup>3</sup> *Драмалиев К.* Историята на Отечествения фронт. София, 1947.
- <sup>4</sup> История на България. София, 1955. Т. 2.
- <sup>5</sup> См., например: *Ирибаджакوف Н.* Страници от въоръжената борба против фашизма в Търновски окръг. София, 1957; *Горненски Н.* Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура. 1941—1944. София, 1958.
- <sup>6</sup> III конгрес на Отечествения фронт. София, 1952, с. 61.
- <sup>7</sup> *Кубадински П.* Априлската линия за развитие усъвършенствуващите ролята и функциите на Отечествения фронт.— Ново време, 1976, № 3.
- <sup>8</sup> Нелегални позиви на БКП. София, 1954; Работата на БКП в армията (1941—1944): Документи и материали. София, 1959; Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941—1944: Документи. София, 1962; Установяване и укрепване на народно-демократичната власт. Септември 1944 — май 1945: Сборник документи. София, 1969.
- <sup>9</sup> Положението на България по време на втората световна война — окупирана или сателитна страна.— Известия на Института по история на БКП, София 1969, т. 21, с. 273—327.
- <sup>10</sup> Програма на Българската комунистическа партия. София, 1971, с. 28.
- <sup>11</sup> *Бонев В.* О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии. М.: Прогресс, 1973, с. 250; За буржоазната опозиция и правителството на К. Муравиев.— Известия на Института по история на БКП, София, 1974, т. 30, с. 165—354.
- <sup>12</sup> *Димитров И.* Буржоазната опозиция в България. 1939—1944. София, 1969.
- <sup>13</sup> Там же, с. 113.
- <sup>14</sup> *Петров Ст.* Стратегията и тактиката на БКП в борбата против фашизма. София, 1969; *Петрова Д.* БЗНС в края на буржоазното господство в България. 1939—1944. София, 1970; *Иусов М.* Формиране на многопартийната система в България. 1944—1945.— В кн.: Сборник в чест на акад. Д. Косев. София, 1973.
- <sup>15</sup> *Горненски Н.* Създаване и нелегална дейност на Отечествения фронт— Исторически преглед, 1964, № 4; *Генчев Н.* Окончателното укрепване на народно-демократичната власт в България (1947—1948).— Известия на Института за история, София, 1966, т. 16—17; *Шарланов Д.* Създаване и дейност на Отечествения фронт (юли 1942 — септември 1944). София, 1966; *Ванков В.* Участието и ролята на НС «Звено» в създаване и дейността на Отечествения фронт и народната власт.— Трудове на ВИНС «Д. Благоев», София, 1971, т. 43, кн. 1; *Меламед А.* Преустройство на Отечествения фронт в единната обществено-политическа организация.— Исторически преглед, 1978, № 6.
- <sup>16</sup> *Димитров И.* Провалът на контрреволюционния пристъп срещу народно-демократичната власт в края на 1944 г.— Известия на БИД, София, 1967, т. XXV; История на антифашистката борба в България. 1939—1944. София, 1976, т. 1, с. 254.



- <sup>17</sup> *Дамянова П.* Някои основни моменти в развитието на Отечественния фронт от масово антифашистско движение в единната обществено-политическа организация.—Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при ВУЗ, София, 1966, № 3—4.
- <sup>18</sup> *Шарланов Д. Г.* Димитров за социалната природа на Отечественния фронт.—Исторически преглед, 1972, № 2.
- <sup>19</sup> *Боев Б.* Мястото и ролята на Отечественния фронт в системата на народната демокрация.—В кн.: Социалистическата революция в България. София, 1965; *Шарланов Д., Дамянова П.* Мястото и ролята на Отечественния фронт в системата на народната демокрация. София, 1968.
- <sup>20</sup> *Дамянова П.* Относно характера на някои функции на отечественно-фронтовските комитети в началото на перехода от капитализма към социализма.—Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при МНП, София, 1964, кн. 1/2; *Радков И.* Комитетите на Отечественния фронт — фактически органи на местната власт.—Исторически преглед, 1963, № 5.
- <sup>21</sup> *Захаров В.* Националният комитет на Отечественния фронт и централните държавни органи (1944—1947).—В кн.: Роля на социалистическо право през двадесет и петте години социалистическо строителство в НР България. София, 1969, с. 291.
- <sup>22</sup> *Добрев Т.* Организация и дейност на Отечественния фронт в Пловдивски окръг. 1942—1944. Пловдив, 1964; *Дунчев Л.* Из миналото на Отечественния фронт в Плевенско.—Известия на БИД, София, 1968, т. 26; и др.
- <sup>23</sup> *Мозеров В. Д.* К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии.—В кн.: Некоторые вопросы классовой борьбы в зарубежных странах. Саранск, 1976, с. 15.
- <sup>24</sup> *Oren N.* Bulgarian communism: The Road to Power: 1934—1944. New-York, 1971; *Hoppe H. J.* Georgi Dimitrow — wieder aktuell.—Osteuropa, 1974, Jg. 24, H. 2; *Miller M. L.* Bulgaria during the Second World War. Stanford, 1975.
- <sup>25</sup> См.: *Решетникова О. Н.* Фальсификация истории Отечественного фронта Болгарии 1942—1944 годов в буржуазной английской и американской историографии.—Советское славяноведение, 1977, № 4.

В. И. БЕЛЯЕВА

## АНГЛО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ТАК НАЗЫВАЕМОГО СУДЕТСКОГО КРИЗИСА 1938 Г. В ОСВЕЩЕНИИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Прошло уже 40 лет с момента заключения позорного мюнхенского сговора, в результате которого в жертву нацистской Германии была принесена Чехословацкая буржуазная республика. Однако развитие событий в

1938 г., их анализ и оценка продолжают вызывать интерес у ученых-историков, публицистов, политиков и неспециалистов во всем мире. Этот интерес носит глубокий и непреходящий характер, так как вопросы отношения к агрессивным государствам, методов решения конфликтных ситуаций в международных отношениях, уважения национального суверенитета до сих пор не потеряли своей актуальности. Именно эти вопросы составляют комплекс проблем, связанных с исследованием так называемого судетского кризиса 1938 г.

За сорокалетнюю историю изучения отношений в Европе конца 30-х годов — кануна второй мировой войны было написано колоссальное количество книг и статей, в которых с разных точек зрения рассматривались общие и частные проблемы внешней политики европейских государств. Особенно много научной и околонаучной литературы по этому вопросу написано английскими буржуазными историками. Великобритания во многом несет прямую ответственность за трагическую кульминацию судетского кризиса — заключение мюнхенского «соглашения». Поэтому английская буржуазная историческая наука до сих пор прилагает поистине титанические усилия, чтобы так или иначе оправдать преступную политику «умиротворения» правящих консервативных кругов Великобритании конца 30-х годов.

Избрав темой настоящей статьи англо-чехословацкие отношения в период судетского кризиса в буржуазной историографии Великобритании, мы должны прежде всего оговориться, что во всей массе литературы, посвященной внешней политике Великобритании в межвоенный период, работ на такую тему практически нет. Сказанное, разумеется, не означает, что этот вопрос вообще не поднимается и не рассматривается. В статье мы не будем касаться конкретных событий в развитии англо-чехословацких отношений на протяжении 1938 г., так как это может явиться темой специальной работы. Однако в поставленной теме есть аспект, который с течением времени привлекает все больше внимания буржуазных историков Великобритании, особенно после рассекречивания в конце 60-х годов архивов кабинета министров, министерства иностранных дел и других министерств, правительственных комиссий и комитетов. Речь идет о том, каким образом формировалось отношение правительства Великобритании к Чехословакии и

что влияло на это отношение. Тесно примыкают к данной проблеме и оценка роли Великобритании в развитии судетского кризиса, вопрос об истинных мотивах акций британского правительства в этот период.

Заслуга в постановке и новом освещении выделенных выше проблем принадлежит объективистско-критическому направлению в английской буржуазной историографии<sup>1</sup>, которое появилось в 50-х годах и окончательно сформировалось в начале 60-х годов. Развитию концепций этого направления и уделяется основное внимание в настоящей статье.

Нацистская пропаганда в своем стремлении создать «правовую» основу территориальным претензиям к Чехословакии вела интенсивную обработку европейского общественного мнения, объявляя чехословацкое государство «искусственным созданием Версаля» и нежизнеспособным образованием. Долгое время в английской буржуазной историографии считалось, что лишь под влиянием этой пропаганды сформировалось аналогичное мнение в британских правящих кругах, которые, по общему признанию, были наиболее склонны прислушаться к голосам с Рейна.

Представители официозного направления, за редким исключением, признавая в целом прогерманские и античехословацкие настроения британского кабинета и большинства правящей консервативной партии, пытаются доказать, что так получилось только из-за нацистской пропагандистской кампании.

Один из наиболее видных представителей официального направления, Д. У. Уилер-Беннет, был убежден, что в Лондоне только после майского кризиса 1938 г. стали поддаваться нацистской пропаганде и относиться к Чехословакии как к разваливающемуся государству — подобно Австро-Венгрии в миниатюре, простому скоплению взаимно враждебных наций, удерживаемых вместе силой<sup>2</sup>. Именно с этой точки зрения защищал мюнхенское соглашение в палате общин министр финансов британского кабинета Джон Саймон 5 октября 1938 г. Однако сам Д. У. Уилер-Беннет, часто бывавший в Чехословакии в межвоенный период и хорошо знакомый с ее руководителями, не считает чехословацкое государство искусственно созданным на Парижской мирной конференции. Он подчеркивает, что освободительная борьба чешского и словацкого народов привела

к образованию независимого государства еще до созыва мирной конференции.

Но для большинства историков официального направления характерно отношение к Чехословакии, проявленное британским кабинетом в период судетского кризиса.

По мнению Ф. Нортеджа, точка зрения которого своеобразна, но не выходит за рамки характерных выводов британской буржуазной историографии, британская политика в течение так называемого чешского кризиса покоилась на предположении, что государства-наследники в Восточной Европе морально и стратегически были незащищенными до тех пор, пока они включали значительные меньшинства германской национальности; что после «территориальных ампутаций», сделанных с целью удовлетворить национальный принцип, появятся жизнеспособные единицы. Далее он приходит к выводу: судьба Чехословакии после Мюнхена показала, что это предположение было необоснованным. Но доказывает это выдвижением территориальных претензий к Чехословакии Польшей и Венгрией<sup>3</sup>. Подобная точка зрения кочует из работы в работу. Р. Паркинсон, написавший свою книгу в 1971 г. с использованием новых материалов архивов британского кабинета, также утверждает, что чехословацкое государство было создано в Париже из остатков австрийской империи<sup>4</sup>.

Тенденция свалить вину за наличие явных античехословацких настроений в британском кабинете на нацистскую пропаганду, с одной стороны, и в то же время утверждение о «нежизнеспособности» чехословацкого государства — с другой, призваны оправдать предательскую политику Великобритании в период судетского кризиса.

Но стоит лишь обратиться к материалам заседаний британского кабинета, введенным в научный оборот с начала 1970 г., как выясняется совсем другая картина.

Протоколы заседаний британского кабинета подтвердили, что инициатором постановки вопроса перед Гитлером о необходимости «разумного изменения» status quo Данцига, Австрии и Чехословакии с целью улучшения англо-германских отношений выступил лорд Галифакс, действовавший с ведома и одобрения Н. Чемберлена и всего кабинета<sup>5</sup>.

18—20 марта 1938 г. состоялось заседание Комитета по внешней политике, на котором определилось отноше-

ние Великобритании к возможному конфликту между Чехословакией и Германией после аншлюса Австрии. По поводу Чехословакии на заседании говорилось следующее: «Это (государство) не является примером восстановления древней политической государственности. Чехословакия является современным и очень искусственным образованием без реальных корней в прошлом». Цитируя приведенное выше высказывание, К. Миддльмас расценивает его как свидетельство полного игнорирования опыта европейской истории и считает, что это заседание открыло путь к Мюнхену<sup>6</sup>. Авторы книг, написанных в 70-х годах с использованием архивных документов британского кабинета, можно отнести к объективистско-критическому направлению в английской буржуазной историографии — это К. Миддльмас, К. Барнет, М. Коулинг. Они доказали, что убеждение в невозможности сохранения существующих границ Чехословакии разделялось всеми членами кабинета. Более того, министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс, пугая кабинет и Даладье угрозой европейской войны, утверждал, что даже в случае войны и поражения Германии восстановление территориальной целостности чехословацкого государства будет невозможно и Великобритания обязательства подобного рода на себя не возьмет<sup>7</sup>.

Суммируя итоги этого заседания, Н. Чемберлен писал 20 марта 1938 г. своей сестре: «Я, следовательно, отказался от любой идеи дать гарантии Чехословакии или французам в связи с их обязательствами по отношению к этой стране»<sup>8</sup>.

Однако было бы ошибкой считать, что тезис о «нежизнеспособности» Чехословацкой буржуазной республики полностью отвергнут английскими историками. На их оценки и выводы вплоть до 70-х годов продолжает оказывать влияние дух великодержавного шовинизма и пренебрежения к малым нациям, что вообще характерно не только для правящих кругов Великобритании, но и для ее исторической науки: К. Миддльмас снисходительно называет Чехословакию «терпимым демократическим государством»<sup>9</sup>, К. Барнет солидаризируется с правительством Великобритании межвоенного периода в отношении к Чехословакии как к «слабому новому образованию»<sup>10</sup>, М. Коулинг настолько увлекся цитированием архивных и опубликованных документов, что



вообще не считал нужным высказать свое отношение к этому вопросу<sup>11</sup>.

Вместе с тем нельзя не отметить, что подавляющее большинство английских историков и журналистов, книги которых увидели свет в конце 30-х — 40—50-е годы, настойчиво доказывали, что после первой мировой войны была восстановлена независимость чехов и словаков и их государство не было созданием Парижской конференции. К примеру, на это обстоятельство считал нужным обратить особое внимание один из самых страстных защитников мюнхенского соглашения и политики «умиротворения», У. Хэдли<sup>12</sup>. Однако то, что было очевидным для современников, в последующие годы тщательно затушевывалось, и тезис об искусственно созданном чехословацком государстве, получая все более широкое распространение в буржуазной историографии, стал ещё одним аргументом в попытке оправдать позорный мюнхенский сговор. Отсутствие серьезного изучения и анализа реальной обстановки, сложившейся к концу 30-х годов в Чехословакии, является серьезным недостатком исследований 60—70-х годов.

Оценивая результаты заседаний комитета по внешней политике, К. Барнет критикует главные направления британской политики в судетском кризисе с точки зрения реального соотношения сил в Европе<sup>13</sup>. Он признает, что в Великобритании не требовали доказательств, когда нацистская пропаганда кричала о притеснениях судетских немцев чехословацким правительством. Жалобы судетских немцев использовались британским правительством для оказания давления на Чехословакию. Автор высказывает мнение, что судетский кризис был тактическим ходом нацистской Германии в борьбе за господство в Европе, и непонимание этого британским правительством привело к ошибочной политике в течение 1938 г.<sup>14</sup>

Однако при более глубоком анализе материалов заседаний британского кабинета, посвященных проблемам внешней политики в период судетского кризиса, представитель объективистски-критического направления умеренного толка К. Миддльмас сделал наблюдение, важность которого несомненна. Протоколы этих заседаний не зафиксировали ни одного выступления с требованием большей информации о положении в Чехословакии ни со стороны ортодоксальных умиротворителей,

ни со стороны оппозиции в кабинете курсу Н. Чемберлена<sup>15</sup>. Автор отвергает поэтому версию, высказанную в 50-х годах в мемуарах некоторыми членами кабинета, зачисленными буржуазной историографией в оппозицию политике Н. Чемберлена, что только недостаток информации помешал «оппозиционерам» эффективно противостоять официальной линии<sup>16</sup>.

Резкое обострение отношений между Германией и Чехословакией по поводу притязаний Германии на часть чехословацкой территории вылилось к весне 1938 г. не без помощи «умиротворителей» Великобритании и Франции в европейский конфликт. Публичные заявления английских и французских государственных деятелей о стремлении не допустить развязывания войны и добиться решения конфликта мирными средствами поначалу не подвергались критическому анализу в английской буржуазной историографии. Эти заявления давали возможность буржуазным историкам апологетически оценивать политику западных держав в Центральной Европе, не пытаясь соотнести их содержание с реальным развитием событий и документальными свидетельствами.

Официозные историки, например Э. Г. Карр и У. Медликот, защищали мюнхенский сговор с точки зрения предотвращения войны, не ставя под сомнение законность территориальных притязаний к Чехословакии со стороны нацистской Германии<sup>17</sup>.

Приблизительно до конца 50-х годов в английской буржуазной историографии излишняя активность Великобритании в «урегулировании» германо-чехословацкого конфликта преподносилась как доказательство стремления британского кабинета мирными средствами решить проблему судетских немцев.

Положение изменилось с появлением в 1958 г. статьи известного английского историка А. Дж. П. Тейлора «Мюнхен спустя двадцать лет», в которой автор выдвинул предположение, что так называемый кризис 1938 г. был создан в Лондоне, а не в Берлине<sup>18</sup>. Вызов радикально настроенного А. Дж. П. Тейлора устоявшейся консервативной точке зрения на «благородную» миссию Великобритании, стремившейся якобы лишь к сохранению мира в Европе, очевиден. В своей известной книге «Происхождение второй мировой войны» (Лондон, 1961) он привел аргументированные доводы в пользу отстаи-

ваемой им интерпретации внешней политики Великобритании в межвоенный период. Не вдаваясь в подробности, отметим только, что, по его мнению, возлагать всю ответственность за ухудшение международного положения в конце 30-х годов на агрессивность и несговорчивость Гитлера — значит исказить существовавшую в действительности ситуацию. Он доказал, что значительную долю ответственности за это несет правительство Великобритании, особенно в период так называемого судетского кризиса 1938 г.<sup>19</sup> В 60-х годах в Великобритании появляется несколько работ, в которых серьезно рассматривается проблема истоков кризиса 1938 г. Авторы этих книг используют официальные документы об англо-французских переговорах в течение 1938 г., прессу, опубликованные материалы о беседах с послами Германии в Лондоне и Париже и т. д.

Тщательно анализируя документы, представители молодого поколения английских историков М. Гилберт и Р. Готт, авторы очень критической по отношению к принципам внешней политики Великобритании книги «Умиротворители», пришли к выводу, что в течение всего 1938 г. немцам ясно давали понять, что Великобритания не является другом чехов. Предпринимая какой-либо шаг, британские политические деятели непременно в той или иной мере добивались германского одобрения. В возможном решении конфликта Великобритания с самого начала была готова прислушаться только к мнению Германии<sup>20</sup>. Они отвергают утверждение, что лишь когда в сентябре Европа была поставлена на грань войны, Великобритания склонилась к любому решению конфликта мирными средствами<sup>21</sup>. В результате, по мнению авторов, слепое успокоение Германии помогло уничтожить мир, к сохранению которого якобы стремились умиротворители<sup>22</sup>.

К. Торн и Р. Паркинсон, принадлежащие к умеренным критикам политики «умиротворения» с объективистских позиций, в своих работах подчеркивали, что политический курс Великобритании поощрял требования Гитлера к Чехословакии передать Германии ее пограничные районы<sup>23</sup>.

К. Миддльмас утверждал, что сама по себе Чехословакия никогда не вызвала бы заинтересованности Великобритании, если бы не угроза вступления в силу чехословацко-французского и чехословацко-советского

договоров, что могло вовлечь в вооруженный конфликт с Германией и Великобританию<sup>24</sup>. Далее он констатирует совпадение целей германской и британской внешней политики — «нейтрализация Чехословакии по образцу Швейцарии, что автоматически исключало Чехословакию из договорных отношений с Францией и Россией»<sup>25</sup>.

Договоры о взаимопомощи Чехословакии с Францией и СССР вызвали ненависть к ней не только со стороны нацистской Германии, но и Великобритании. Антисоветизм правящих кругов Великобритании, являвшийся главной причиной проведения политики «умиротворения», выразился в период судетского кризиса не только в настойчивом желании исключить Советский Союз из любых дискуссий по поводу Чехословакии. В Великобритании с большим вниманием отнеслись к заявлениям нацистской пропаганды о так называемой большевизации Чехословакии. Д. Уилер-Беннет считает эти заявления одной из причин вражды к чехам в британском правительстве<sup>26</sup>. Многочисленные факты проявления враждебности к Чехословакии приводит М. Коулинг на основе протоколов заседаний британского кабинета<sup>27</sup>. Однако в английской буржуазной историографии антисоветская подоплека в связи с Чехословакией проявляется следующим образом. Критикуя политику предательства Чехословакии, английские историки всех направлений не высказывают, как правило, критических замечаний в адрес буржуазного правительства Чехословакии и президента Бенеша, подчинившихся мюнхенскому диктату и выдавших свой народ нацистской Германии. Э. Бенеш выступает в английской буржуазной историографии в роли благородного трагического героя. Более того, до настоящего времени его хвалят за отказ прямо обратиться за помощью к Советскому Союзу. Причем хвалят не только историки официального направления<sup>28</sup>. Представители объективистски-критического направления единодушно связывают помощь Советского Союза с «угрозой» большевистской революции в стране, которую эта помощь якобы неизбежно вызвала<sup>29</sup>. Поэтому Э. Бенеш и заслужил столько похвал своему государственному здравому смыслу, а вернее сказать, классовой солидарности буржуазии в ненависти к первой стране социализма. Справедливое замечание Л. Мосли, что «Бенеш воздержался от просьбы к русским



оказать помощь не из-за опасений получить отказ, а из-за опасений, что такая помощь могла быть предоставлена»<sup>30</sup>, достаточно ярко свидетельствует о готовности чехословацкой буржуазии, выразителем интересов которой был Э. Бенеш, согласиться на уничтожение независимости своей страны, лишь бы не иметь своим союзником Советский Союз.

Создание в Европе антикоммунистического психоза было, по признанию З. Земана, главной целью национал-социалистской пропаганды<sup>31</sup>. Советский историк Е. Б. Черняк обоснованно пришел к выводу, что «использование страха европейской буржуазии перед коммунизмом составляло не менее важное орудие гитлеровской агрессии и кровавого „нового порядка“, чем авиация Геринга, бронированные полчища вермахта, эсэсовские дивизии и гестаповские лагеря смерти»<sup>32</sup>. Мы показали, что антикоммунистический психоз и антисоветизм продолжают до сих пор оказывать влияние на концепции английской буржуазной историографии, даже критического направления, в оценке англо-чехословацких отношений в период судетского кризиса.

Обзор концепций современной английской буржуазной историографии, приведенный в данной статье, дает представление о главных направлениях, по которым развивается изучение внешней политики Великобритании в отношении к Чехословакии в 1938 г. Усиление критической направленности, попытки пересмотреть устоявшиеся стереотипы, введение в научный оборот многих новых документов свидетельствуют об определенном прогрессе в подходе к освещению рассмотренных проблем в буржуазной историографии Великобритании.

---

<sup>1</sup> Термин «объективистско-критическое направление» был введен и обоснован Н. Г. Реутовым в книге «Правда и вымысел о второй мировой войне. Английская буржуазная историография о происхождении войны, внешней политике Англии и международных отношениях. 1939—1945» (М.: Междунар. отношения, 1970, с. 53—63). Деление Н. Г. Реутовым английских буржуазных историков на официозное и объективистско-критическое направления при всей его условности представляется обоснованным. Поэтому критика Н. Г. Реутова со стороны А. Д. Чикваидзе и предложение последнего не отходить от традиционного деления западных ученых на реакционных и прогрессивных вряд ли могут быть приняты при изучении английской буржуазной историографии. См.: Чикваидзе А. Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси: Мецниереба, 1976, с. 26—27.



- <sup>2</sup> *Wheeler-Bennett*. Munich. Prologue to Tragedy. London: Macmillan, 1948, p. 63.
- <sup>3</sup> *Northedge F.* The Troubled Giant. Britain Among the Great Powers 1916—1939. London: Bell, 1966, p. 549.
- <sup>4</sup> *Parkinson R.* Peace for our Time. London: Hart-Davis, 1971, p. 6.
- <sup>5</sup> Речь идет о встрече Галифакса с Гитлером во время международной охотничьей выставки, проходившей в ноябре 1937 г. в Берлине. Отчет Галифакса на заседании британского кабинета см.: *Barnett C.* The Collapse of British Power. London, 1972, p. 467.
- <sup>6</sup> *Middlemas K.* Diplomacy of Illusion; The British Government and Germany, 1937—1939. London: Weidenfeld, 1972, p. 192.
- <sup>7</sup> *Ibid.*, p. 225; *Barnett C.* Op. cit., p. 517; *Cowling M.* The Impact of Hitler. British Politics and British Policy 1933—1940. London: CUP, 1975, p. 184.
- <sup>8</sup> *Feiling K.* Life of Neville Chamberlain. London: Macmillan, 1946, p. 347—348.
- <sup>9</sup> *Middlemas K.* Op. cit., p. 15.
- <sup>10</sup> *Barnett C.* Op. cit., p. 463.
- <sup>11</sup> *Cowling M.* Op. cit., chapter 11.
- <sup>12</sup> *Hadley W.* Munich: Before and After. London: Cassel, 1944, p. 53, 55.
- <sup>13</sup> *Barnett C.* Op. cit., p. 474; см. также: *Мосли Л.* Утраченное время / Сокр. пер. с англ. Е. Федотова. М.: Воениздат, 1972, с. 61.
- <sup>14</sup> *Barnett C.* Op. cit., pp. 468, 514.
- <sup>15</sup> *Middlemas K.* Op. cit., p. 316.
- <sup>16</sup> *Ibid.*
- <sup>17</sup> *Carr E. H.* The Twenty Years' Crisis 1919—1939. London: Macmillan, 1939, p. 278, 282; *Medlicott W.* British Foreign Policy Since Versailles. London: Methuen, 1940, p. 249.
- <sup>18</sup> *Taylor A. J. P.* Munich Twenty Years After.—Manchester Guardian Weekly, 1958, Sept. 30.
- <sup>19</sup> *Taylor A. J. P.* The Origins of the Second World War. London: Hamish Hamilton, 1961, passim.
- <sup>20</sup> *Gilbert M., Gott R.* The Appeasers. London: Weidenfeld & Nicolson, 1963, p. 123, 128, 133—134, 136.
- <sup>21</sup> *Ibid.*, p. 138.
- <sup>22</sup> *Ibid.*, p. 47.
- <sup>23</sup> *Thorne Ch.* The Approach of War, 1938—1939. London: Macmillan, 1967, p. 62; *Parkinson R.* Op. cit., p. 12—13. -
- <sup>24</sup> *Middlemas K.* Op. cit., p. 369.
- <sup>25</sup> *Ibid.*, p. 255.
- <sup>26</sup> *Wheeler-Bennett.* Op. cit., p. 390.
- <sup>27</sup> *Cowling M.* Op. cit., p. 270.
- <sup>28</sup> *Seton-Watson R.* Munich and the Dictators. London: Methuen, 1939, p. 69; *Wheeler-Bennett.* Op. cit., p. 175.
- <sup>29</sup> См., например: *Thorne Ch.* Op. cit., p. 69; *Middlemas K.* Op. cit., p. 358—359; *Taylor A. J. P.* Munich Twenty Years After, p. 160.
- <sup>30</sup> *Мосли Л.* Указ. соч., с. 68.
- <sup>31</sup> *Zeman Z.* Nazi Propaganda. London: OUP, 1965, p. 94.
- <sup>32</sup> *Черняк Е. Б.* Жандармы истории. М.: Междунар. отношения, 1969, с. 401.

Н. В. ЕРШ

## ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОРИК О СВЯЗЯХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ БУРЖУАЗНОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ С МАСОНСТВОМ

Французский ученый Бернар Мишель, специалист по истории Центральной и Восточной Европы XIX—XX вв., сделал на заседании Общества по новой истории сообщение «Правящие круги и франкмасонство в Центральной Европе. На примере Чехословакии»<sup>1</sup>.

Масонское движение, оформившееся в эпоху Просвещения XVIII в. как религиозно-философское и морально-этическое движение, с самого начала представляло собой сложное и противоречивое в идейном и организационном отношении явление. Основы строго научного подхода к оценке классово-политической роли масонства на различных этапах его развития были заложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса<sup>2</sup>. Отметив идейно-политическую разнородность движения «вольных каменщиков», К. Маркс и Ф. Энгельс обращали особое внимание на то, что выработанные масонами организационные формы в зависимости от конкретных условий исторического развития могли использоваться в разных, порой диаметральных, целях, особенно, как говорил К. Маркс, посредством «индивидуального участия»<sup>3</sup>. Так, если в эпоху крушения феодально-абсолютистских режимов организационные формы масонства в ряде случаев играли роль конспиративных каналов освободительной, революционной борьбы (например, декабристы в России, итальянские карбонарии и др.)<sup>4</sup>, то по мере упрочения классового господства буржуазии положение менялось<sup>5</sup>. В настоящее время масонство в ведущих капиталистических странах, прежде всего в США, представляет собой одну из форм тайной организации реакционных сил, зачастую непосредственно смыкаясь с «большим бизнесом» и международным сионизмом. В советской прессе неоднократно отмечалось, что благодаря четкости структуры и строгой дисциплине масоны имеют возможность проникать в высшие правительственные и дипло-

матические сферы, в круги научной и творческой интеллигенции, собирая необходимую им информацию и в свою очередь оказывая определенное воздействие на общественное мнение. Многие черты этого сложного и до сих пор еще мало изученного процесса прослеживаются и по материалам истории и культуры Центральной и Юго-Восточной Европы нового и новейшего времени.

Б. Мишель, как видно из его работы, не ставил перед собой широкой задачи дать обзор истории масонского движения в этом регионе в целом. В большей мере он стремился охарактеризовать на примере буржуазной Чехословакии роль масонства государств Центральной Европы, возникших в результате распада Австро-Венгерской монархии в 1918 г. При этом автор, опираясь, по его словам, прежде всего на «чисто масонские источники» (журналы «Die drei Ringe» и «Svobodny zedpaň», юбилейные и мемуарные издания масонских лож), изучил и обобщил материалы по трем главным направлениям: формирование масонства в Чехословакии, влияние его на внутреннюю и внешнюю политику страны в межвоенный период.

Обращаясь к первому из названных направлений, автор рассмотрел положение масонства в Австро-Венгрии перед 1914 г. Заметим, что предшествующая история чешского масонства, до сих пор весьма слабо разработанная, освещена в статье лишь в самых общих чертах и к тому же не без некоторых неточностей. Мишель отмечает, что в монархии Габсбургов движение вольных каменщиков сталкивалось с многими трудностями, особенно в части официального разрешения новых лож и контроля за правилами их функционирования. При этом между австрийской и венгерской частями монархии имелись определенные различия. Если в Цислейтании существование лож допускалось, по словам Мишеля, лишь на правах неполитических объединений, то в Венгрии, где деятельность лож юридически не была запрещена, почва для масонского движения оказывалась более благоприятной. Вследствие этого там возник «самый крупный центр масонства в Центральной и Восточной Европе» (с. 3) во главе с образованной в 1870 г. Великой символической ложей венгерской независимости.

Автор считает, что формирование масонских лож в Чехии и Моравии издавна шло под влиянием немецкого

населения, проживающего здесь в пограничных районах. «Принятие членов и работа проходили в ложах, расположенных в пограничье. Масоны Вены отправлялись на венгерскую территорию в Братиславу, масоны Праги — в Германию, в Дрезден или Цвиккау» (с. 3). Вступление в ложи чаще всего происходило во время пребывания за границей. Например, чешский художник Альфонс Муха вступил в ложу в Париже.

Численность масонов-чехов, по наблюдению автора, росла очень медленно. Хотя начиная с 1870 г. в Чехии было создано 12 масонских объединений с численностью приблизительно 400 членов, в подавляющем большинстве это были крупные немецкие промышленники и коммерсанты. Лица чешской национальности принимались в ложи редко, в 1914 г. насчитывалось примерно 14 масонов чешского происхождения (например, в ложу «Хирам» был принят писатель Я. Квапил). Из сказанного автор делает вывод, что в Дунайской монархии масонство до 1914 г. «представляло собой два национальных большинства» и являлось «одной из сил сохранения Австро-Венгрии, а не ее разрушения» (с. 4). Даже во время первой мировой войны организованного чешского и словацкого масонства еще не существовало.

В эти годы лишь небольшая часть чешских и словацких политических и общественных деятелей, в том числе находившихся в эмиграции, была связана с масонами. По наблюдениям Мишеля, масоном среди наиболее видных деятелей был только М. Штефаник. Что касается Т. Масарика, то он, по мнению автора, никогда не был масоном. Э. Бенеш имел связи с масонством, но в ложу вступил лишь в 1920 г. Мишелю представляется весьма показательным тот факт, что некоторые лица (А. Рашин, Й. Шайнер), участвовавшие в создании буржуазной Чехословакии (1918), вступили в ряды масонов позднее, в 1920 г. Мишель пишет, что в июне 1917 г. в Париже состоялся масонский конгресс нейтральных и союзных наций, высказавшийся за предоставление чехам и словакам независимости. Он считает, что значение этого решения в чешских масонских источниках недооценивается. Автор обращает внимание и на то, что Манифест чешских писателей от 17 мая 1917 г. был подготовлен Квапиллом, который был единственным масоном среди 222 подписавших его писателей. Мишель считает далее очень важным решение Бастиржа и масонов из ложи

«Хирам» создать первую независимую чешскую ложу, которая и была основана в ноябре 1918 г.

Подводя итог своим рассуждениям, автор соглашается с мнением журнала «Svobodny zednař» (1936, № 10, с. 112) о том, что «масоны не создали чешского государства, но стояли у его колыбели» (с. 4).

Переходя к периоду существования Чехословацкой республики, Мишель отмечает, что там были образованы две большие ложи: чешская и немецкая. В Великой национальной ложе Чехословакии, оформившейся в 1923 г., объединились две прежде независимые группы. Из них одна ориентировалась на Францию, а другая — на Италию. Ложа «Труд», тяготевшая к Италии, находилась под влиянием У. Дадоне и масонов из итальянского посольства в Праге. Дадоне стремился принять в нее политических руководителей (таких, как Шайнер и Рашин). Ложа «Ян Амос Коменский», ориентировавшаяся на Францию, была менее многочисленна, но объединяла наиболее опытных масонов. Автор акцентирует внимание на том факте, что трое членов франкофильской ложи добились в Лозанне права создать Высший совет во главе с великим командором А. Мухой для объединения деятельности всех чехословацких масонских лож. Таким образом, заключает Мишель, объединение произошло в пользу «французской группы» (с. 5). Что же касается немецких лож в Чехии и венгерских лож в Словакии, то они в результате падения Австро-Венгрии утратили свои прежние позиции.

Касаясь роли масонства во внутренней политике страны, автор обращает внимание на то, что антимасонская пресса обычно завышает численность масонства, говоря о 12 тыс. членах. Мишель утверждает, что в целом в стране, насчитывавшей 14 млн. жителей, было только 3 тыс. членов масонских лож. Он отмечает неравномерное географическое расположение лож (например, Великая ложа «Лессинг» была наиболее широко распространена в Северной Чехии. Великая национальная ложа — в Западной Чехии. Обе ложи имели членов в Праге). Далее Мишель останавливается на социальном составе лож. Немецкие ложи действовали преимущественно среди крупной буржуазии и немецкой интеллигенции. При этом большинством крупных немецких газет на территории Чехословакии руководили масоны: Зигмунд Блау, Франц Бахер. В чешских ложах боль-



шинство составляла национальная интеллигенция. Среди них были и представители высшей администрации (К. Вайгнер), и представители артистических кругов (В. Дик, Я. Квапил). Среди масонов были люди, приближенные к президенту Масарику: Й. Шайнер, Й. Сыровы, Й. Махар. Влиятельные позиции принадлежали масонам и в сфере экономики. Таковы, например, директор чехословацкого банка В. Поспишил, директор «Шкоды» К. Левенштайн.

Подводя итог своим наблюдениям, автор пишет, что во всех этих случаях «речь идет о вербовке элиты. К вербовке масс чешское масонство не стремилось» (с. 5).

Оценивая роль масонства во внутренней политике Чехословакии, Б. Мишель приходит к выводу, что она во многом зависела от национального состава лож. Немецкое масонство в Чехословакии не оказывало, по его мнению, особого влияния на политику страны, так как члены этой организации были устранены от руководящих постов. Если это и так, то все же едва ли представление Мишеля о пассивности немецких масонских лож справедливо. Достаточно сопоставить с этим наблюдением приводимые им же факты о роли немецких масонских кругов в периодической печати и в жизни домюнхенской Чехословакии вообще.

Размышляя относительно роли чешского масонства, автор обращает внимание на то, что в масонских журналах открыто подчеркивалась политическая роль масонства и даже постоянно встречалось выражение «государственный деятель-франкмасон». Автор связывает роль масонства со структурой нового государства, во главе которого стояла «группа заговорщиков», склонных к установлению тайных контактов и контролю над общественным мнением: «Во главе государства находился Масарик, масон без легитимации. Рядом — Эдуард Бенеш, член ложи „Ян Амос Коменский“ с 1920 г., а затем участник ложи „Правда победит“, созданной в 1928 г., в канун десятилетия республики. Вокруг Масарика образовалась группа единомышленников, так называемый „Град“. Все они были интеллигентами, большинство, начиная с П. Шамала, главы личной канцелярии, являлись масонами» (с. 6).

Таким образом, Мишель приходит к выводу, что ключевые стороны политической жизни буржуазной

Чехословакии контролировались масонами, ими же принимались основные решения. Масонами были: в социал-демократической партии — Г. Габрман; в аграрной — Л. Фейерабенд; среди членов национально-социалистической партии — Э. Бенеш; масонами являлись представители Национального собрания — Я. Капрас, Углирж; министры — Шайнер и Рашин. Мишель подчеркивает, что члены масонских лож активно вмешивались в деятельность многочисленных светских организаций, тесно связанных с политической жизнью страны. Это касается, например, молодежного спортивного движения «Сокол», а также таких организаций, как Лига прав человека и чехословацкий Красный Крест. И если масонскими ложами и не была полностью разработана «идеология нового государства», то они, по мнению Мишеля, несомненно, сыграли «важнейшую роль в ее формулировании» (с. 6).

Переходя к третьему аспекту проблемы — о роли масонства во внешней политике Чехословакии в 1918–1938 гг., Мишель отмечает, что здесь для масонства характерны многочисленные международные связи. Министерством иностранных дел руководили масоны: Э. Бенеш (1918–1935), К. Крофта (1935–1939). Масонами были и такие дипломаты, как Ян Масарик, Веверка, В. Славик. Чехословацкое масонство было связано с масонскими организациями Австрии и Франции, оно играло важную роль в международной масонской организации. В частности, контактами масонов внутри Малой Антанты Мишель объясняет враждебное отношение этих государств к Ватикану. В этой связи Мишель замечает, что члены лож располагали портфелями министров иностранных дел не только в буржуазной Чехословакии, но и в ряде соседних стран — в Германии (Штреземан), Польше (Залески), Югославии (Нинчич). Однако он не согласен с оценкой чехословацкого масонского движения как одного из рычагов международной масонской организации. По его мнению, оно было «национальным творением».

Мишель, собрав обширный и во многом впервые включаемый в научный оборот фактический материал, не смог раскрыть классового характера чехословацкого масонства 1920–1930-х годов. По его мнению, оно не только в Чехословакии, но также в Болгарии и Польше отражало настроения национальной интеллигенции.

Такая оценка находится в противоречии с выводом автора о том, что масонское движение в этих странах служило делу укрепления существующих режимов. С таким заключением нельзя не согласиться. Но это означает, что масонство в странах Центральной, а отчасти и Юго-Восточной Европы выражало в первую очередь классовые интересы буржуазии и связанных с нею аграриев. Иными словами, масонское движение здесь выполняло вполне определенные социальные функции и представляло собой силу, направленную на упрочение буржуазных отношений и на борьбу с демократическим и революционным движением. Именно в силу этого материал, сообщаемый французским историком, представляет несомненный интерес, приоткрывая завесу над одним из тайных ходов политического механизма власти домюнхенской Чехословакии и соседних с нею стран.

- 
- <sup>1</sup> *Michel B. Milieux dirigeants et franc-maçonnerie en Europe Centrale: (L'exemple de la Tchécoslovaquie).*— Bulletin de la société d'histoire moderne, 1977, N 19, p. 3—11.
  - <sup>2</sup> См. краткий обзор в кн.: *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. М.: Наука, 1977, с. 65—66.
  - <sup>3</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч. 2-е изд., т. 17, с. 634.
  - <sup>4</sup> *Михелева Б.* Наивные времена масонских лож...— Наука и религия, 1974, № 10, с. 59—67; *Захарова М. Н.* Война США за независимость и Франция.— Вопросы истории, 1974, № 7, с. 145—146; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований. 1816—1825. М.: Мысль, 1975, 379 с.; *Ковальская М. И.* Итальянские карбонарии. М.: Наука, 1977. 110 с.; и др.
  - <sup>5</sup> См., например: *Рубинский Ю. И.* Масоны во Франции (вчера и сегодня).— Вопросы истории, 1976, № 9, с. 138—146.

Г. Ю. ХАРЦИЕВА

## ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Конец XVIII — первая половина XIX в. известны в истории славянских народов, населявших территорию Австрийской империи, как эпоха национального Возрождения. Основное содержание этой эпохи составляет процесс формирования буржуазных наций, происходив-

ший в условиях национального угнетения и в обстановке кризиса феодальной системы и формирования буржуазных отношений. Это была эпоха, когда все классы и слои населения втягивались в политику посредством печати, участия в представительных учреждениях и т. д.<sup>1</sup>. В те времена глубоко прогрессивное значение имели развитие национального самосознания и пропаганда идеи отечества, так как они поднимали массы на борьбу против феодализма, за политическую свободу. Невиданные ранее возможности для этой пропаганды давало появление национальной периодической печати. Политическая публицистика стала очень важным средством воздействия на содержание национального самосознания и на его развитие<sup>2</sup>.

«Словенске народне новины»<sup>3</sup> стали первой политической газетой для словаков, не имевших ни собственной государственности, ни собственного господствующего класса, ни прочных позиций в венгерской экономике. На протяжении двух лет (с августа 1845 по ноябрь 1847 г.) эта газета была вообще единственной трибуной для словацкого национального движения, перед которым накануне буржуазной революции 1848 г. стояли весьма важные и нелегкие задачи.

Ведущие деятели движения были озабочены сплочением национальной интеллигенции в рамках единого, не разделенного конфессиональными перегородками лагеря для борьбы за буржуазные преобразования в стране, для защиты прав словацкого народа. Обстановка требовала от них постепенного расширения социальной базы этого движения за счет широких народных масс, постоянных усилий во имя становления и развития словацкой национальной культуры на основе собственного словацкого литературного языка, во имя превращения самой этой культуры в инструмент воспитания национального самосознания народа, пробуждения в нем национальной гордости и стремления бороться за свои права. Газета «Словенске народне новины» занимала во всем этом особое место.

С 80-х годов XIX в. в словацкую историческую науку, которая до этого занималась в основном изданием источников, приходит «реалистическое» позитивистское направление, представленное, в частности, Я. Влчком и Й. Шкультеты (в чешской историографии указанного периода аналогичную роль играл Я. Голл). Это направ-

ление связано также с именем Советозара Гурбана Ваянского и возобновленным им с 1881 г. журналом «Словенске погляды». Говоря об особенностях словацкой буржуазной историографии, очень много занимавшейся проблемами словацкого национального Возрождения, нужно отметить следующее. Большая часть буржуазной литературы, посвященной словацкому национальному Возрождению, представляет собой работы историков литературы. Эта особенность вызвана в первую очередь непониманием самой сущности процесса Возрождения, тем, что под ним понималось лишь усиленное развитие языка, науки, национальной литературы и культуры. Для словацкой буржуазной историографии были характерны: а) метафизический и идеалистический подход к народу как к неизменной категории (если историки и видели какие-либо изменения в его развитии, то объяснить их они не могли); б) идеализация роли отдельных личностей и в то же время такие две крайности, как переоценка иностранных влияний или абсолютизация одних лишь местных влияний. Кроме этого, словацкая буржуазная историография неверно и некритически рассматривала переход словаков на сторону реакции, безоговорочно причисляя этот этап словацкой истории к достойным прославления «революционным» периодам.

Говоря о словацкой буржуазной историографии, невозможно не коснуться проблемы, непосредственно связанной с периодом 40-х годов XIX в., со штуровской концепцией словацкой национальности и с кодификацией словацкого литературного языка. Эта проблема с самого начала вызвала противоречия между сторонниками штуровской концепции самобытного словацкого народа и искусственной метафизической концепцией Коллара о чехословацком народе. В конце XIX в. споры между представителями двух этих концепций возобновились с новой силой, причем дискуссии, помимо прежних стремлений к чешско-словацкой взаимности в области литературы, культуры и науки, начинают наполняться и новыми политическими тенденциями. Представители чешской либеральной буржуазии, начиная с Масарика, считали Словакию составной частью чешской политики, а словаков — лишь частью «чехословацкого народа», словацкие же сторонники «чехословакизма», например «гласисты» (студенческая словацкая молодежь, сгруппировавшаяся вокруг журнала «Глас», кото-



рый издавался с 1898 по 1905 г. сначала в Угерске-Скалице, затем в Ружомберке), надеялись, что братский чешский народ защитит их от опасности насильственной мадьяризации. В то же время словацкая националистическая публицистика в основном отрицала значение словацко-чешской взаимности и фальсифицировала чешско-словацкие отношения, считая чешский интерес к словакам лишь проявлением их «национального империализма».

В словацкой буржуазной историографии концепция чехословакизма представлена, например, известной работой М. Годжи «Чешско-словацкий раскол»<sup>4</sup>, осуждающей «сепаратистские» стремления Штура. Противоположную точку зрения представляла работа И. Шкультеты<sup>5</sup>, являющаяся по существу ответом на книгу Годжи и отстаивающая правоту Штура в вопросе о словацком литературном языке.

Несмотря на ошибки, словацкая буржуазная историография внесла большой вклад в изучение словацкого национального Возрождения. Образование независимого государства в 1918 г. дало возможность для создания в Чехословакии собственной профессиональной историографии, которая прежде всего также занялась изучением чешского и словацкого Возрождения.

У историков этого периода начинает появляться интерес и к социально-экономическим проблемам Возрождения. Например, Ш. Яншак (сторонник гласистов, не получивший специального исторического образования) в 1932 г. издал первый значительный труд, освещающий экономическое и социальное развитие Словакии в составе Венгрии от восстания Дожи в начале XVI в. до революции 1848 г.<sup>6</sup> Автор книги связывал бедственное положение словацкого народа с длительным существованием венгерского феодализма, основываясь в своей работе на исторической литературе и источниках и группируя цифровой материал в интересные статистические таблицы.

Одной из наиболее значительных фигур словацкой буржуазной историографии являлся Даниэль Рапант. Он много сделал для отбора и переиздания богатого источникового материала. Несмотря на идейные ошибки (в частности, объективизм и словацкий буржуазный национализм), его многочисленные работы внесли большой вклад в науку как весьма ценные своей фактологи-

ческой стороной: они основаны на богатейших источниках из ряда местных и центральных, в том числе будапештских и венских, архивов<sup>7</sup>.

Занимаясь проблемами словацкого Возрождения, Рапант исходил из представления об изначальной самобытности словацкого народа и критически относился к концепции «чехословакизма». Вместе с тем, подходя к самому факту кодификации словацкого литературного языка как к явлению закономерному, он не пришел еще к выводу о том, что развитие литературного языка есть внешнее проявление процесса формирования буржуазной словацкой нации<sup>8</sup>.

Говоря о концепции Рапанта, необходимо обратить особое внимание на оценку им перехода вождей словацкого национального движения на сторону врагов венгерской революции 1848—1849 гг. Этот вопрос важен потому, что до сих пор в словацкой историографии эти во многом ошибочные взгляды не преодолены окончательно, хотя не раз подвергались критике словацкими и чешскими историками<sup>9</sup>. Наиболее четко взгляды Рапанта выражены в послесловии к пятитомной публикации «Словацкое восстание 1848—1849 гг.» и в некоторых статьях, написанных уже в 1965—1966 гг.<sup>10</sup>.

Отрывая словацкие события от революционного процесса в Европе в XIX в., Рапант сводит революцию 1848 г. в Австрии и Венгрии к борьбе антагонистических «национализмов». Правильно указывая на полуфеодалный характер венгерской революции, классовую ограниченность ее вождей и их воинствующий национализм, сам Рапант также впадал в крайность, ограничивая проблему буржуазно-демократических преобразований решением национального вопроса. Абсолютизируя значение национальных прав, национальной борьбы, Рапант делал необоснованный вывод о том, что австрийское правительство не было реакционным, оправдывал австрославизм как «выражение естественных, жизненно важных интересов славянских народов Австрии»<sup>11</sup>.

В настоящее время нет необходимости доказывать наличие мадьяризаторских стремлений у вождей венгерской революции. Их взгляды на национальные права славян привели к трагической ошибке, за которую они дорого заплатили. Но, несмотря на сложность обстановки, ни в коей мере нельзя оправдывать словацких руководителей в выборе ими реакционного, контрреволюци-

юнного союзника, которому незадолго до этого они сами не доверяли.

К поколению историков, деятельность которых началась в период буржуазной республики и которых по их взглядам называют иногда «предмарксистскими», относится К. Голань. Занимаясь проблемами словацкого Возрождения, стремясь показать прогрессивную роль Штура и его соратников в истории своего народа, Голань многое сделал для популяризации традиций этой эпохи в учебных заведениях, среди учащейся молодежи. В Возрождении он видел закономерный процесс, обусловленный национальным своеобразием словацкого народа. В то же время в его работах присутствует понимание роли социального фактора в истории. В своих работах, особенно в тех, которые были написаны после 1948 г.<sup>12</sup>, он уделял большое внимание отношению будителей (особенно деятелей 30—40-х годов) к народу, их заботе о его материальном и духовном благе. Голань позитивно оценивал вооруженное выступление словаков в 1848—1849 гг. Вместе с тем, подчеркивая положительные черты славянской идеи Штура, историк критиковал последнюю его работу «Славянство и мир будущего» за ее реакционный панславизм<sup>13</sup>.

Сразу же после 1948 г. перед словацкой марксистской историографией встали в рассматриваемой сфере весьма важные и нелегкие задачи. Необходимо было: связать процесс словацкого Возрождения со всем комплексом социально-экономических и национально-политических условий того периода, осуществляя при этом классовый подход; избавиться от наследия словацкого буржуазного национализма и от идеализации отдельных личностей; восполнить многочисленные пробелы в изучении данного периода.

Уже в 50-х годах словацкими историками-марксистами нового поколения был написан ряд очень ценных исследований. В их числе работы А. Шписа по социально-экономической проблематике, работы В. Матулы, Я. Тибенского и других о словацком национально-освободительном движении. Особенно пристальное внимание словацких историков вызвал в то время период 30—40-х годов XIX в. как время наивысшего подъема словацкого национального движения, а также деятельность таких его представителей, как Л. Штур, Й. М. Гурбан и др. Интерес этот становится все более глубоким.

Представители нового поколения историков, подходя к проблематике с иных методологических позиций, начинают в большей мере, чем их предшественники, заниматься такими деятелями национального движения этого периода, которые незаслуженно оставались в тени (Я. Краль, А. Б. Врховский и др.). Историк В. Матуле и философу Р. Рошко принадлежит заслуга дифференциации двух течений в словацком национальном движении 40-х годов прошлого века<sup>14</sup>. Литературовед Я. Бедер, написавший статьи, посвященные тайному обществу словацких радикалов «Взаимность» и поколению «Молодая Словакия», отмечает дифференциацию во взглядах словацкой интеллигенции уже в конце 30-х годов<sup>15</sup>.

Для периода 50-х годов, видимо, особенно важными были совместные конференции историков, историков литературы, философов, так как они помогали объединить усилия специалистов различных профилей при изучении словацкого Возрождения, а также выявить и обсудить различные нерешенные проблемы. В сборнике материалов конференции Института истории Словацкой академии наук, посвященной 100-летию со дня смерти Штура<sup>16</sup>, преобладают работы, обобщающие изученное ранее. Но вместе с тем мы находим там и первые попытки изучения мировоззрения Штура с марксистских позиций (Е. Варошова), постановку спорных вопросов, решение которых давно назрело (Ю. Шпитцер о словацком движении в 1848 г.), статьи с анализом социально-экономических взглядов Штура.

Большой вклад в изучение отношений между чехами и словаками с марксистских позиций внесла конференция, специально посвященная этой проблеме<sup>17</sup>. Во второй половине 50-х годов были опубликованы или переизданы многие ценные источники по словацкому Возрождению, в частности и газета «Словенске народне новины» с приложением, три тома корреспонденции Штура и т. д. В целом за этот период было многое сделано в изучении словацкого Возрождения с марксистских позиций, но это было только начало. Оставалось много неисследованного, в частности вопросы социально-экономического развития страны, мировоззрения ведущих деятелей национального движения, оставался менее изученным период с конца XVIII по 30-е годы XIX в. (деятельность предшественников штуровцев), только начинали заниматься историей журналистики и т. д.



С начала 60-х годов были сделаны новые важные шаги в изучении словацкого национального движения. В 1961 г. выходит первый обобщающий марксистский труд словацких историков по истории Словакии<sup>18</sup>. Почти одновременно с ним появляется сборник о задачах словацкой исторической науки<sup>19</sup>. Труд по истории Словакии ознаменовал существенные сдвиги в изучении исторического прошлого ее народа, хотя, по признанию одного из авторов (Я. Дубницкого), создание его, возможно, было несколько преждевременным, многие новые тезисы, содержащиеся в нем, являются по сути дела рабочими гипотезами<sup>20</sup>.

В сборнике о задачах исторической науки опубликована статья, в которой тот же Я. Дубницкий оценивает в самых общих чертах успехи, достигнутые в изучении национального Возрождения, и называет следующие спорные и малоисследованные проблемы: 1) анализ уровня развития капиталистических элементов в экономике; 2) оценка венгерской революции; 3) более глубокое проникновение в динамику социально-экономической структуры; 4) изучение не только словацко-чешских и словацко-русских связей, но и отношений с другими народами; 5) исследование истории журналистики и просвещения (что, по его мнению, еще находилось в зародыше); 6) развитие критического и более систематического издания источников. Ссылаясь на опыт советских ученых, автор статьи подчеркивает необходимость более систематического, программного изучения эпохи и координации деятельности представителей различных общественных дисциплин.

За годы, истекшие после издания первого обобщающего труда по истории Словакии, изучение словацкого Возрождения значительно продвинулось вперед, а на основании уже сделанного в предыдущий период создалась возможность более глубоко исследовать другие проблемы. В этот период было написано много статей и монографий, способствовавших в конечном итоге созданию новых обобщающих трудов по истории Словакии, по истории философии и т. д.<sup>21</sup>. Новый труд по истории Словакии в разделах, посвященных эпохе перехода от феодализма к капитализму, написанных Я. Тибенским и Ю. Месарошем, содержит характеристику социального состава деятелей словацкого движения, более дифференцированно и конкретно освещаются их взгляды и деятельность.



Важную роль в развитии историографии Возрождения сыграли новые конференции, результатами которых явились опубликованные сборники докладов. Один из таких сборников — это материалы проходившей в Смоленицах (ЧССР) в 1966 г. конференции на тему «Л. Штур и славянская взаимность»<sup>22</sup>. Хотя большинство статей и не имеет непосредственного отношения к нашей теме, а подчас выходит и за ее хронологические рамки, тем не менее сборник интересен постановкой ряда важных дискуссионных вопросов<sup>23</sup>. Их рассмотрение делает яснее эволюцию взглядов Штура, а также то, какие проблемы, связанные с ролью идеи славянской взаимности в национальном Возрождении славян, требуют дальнейшего изучения.

Роли идеи славянской взаимности посвящен также сборник словацких и чешских ученых «Славянская идея в национальной жизни чехов и словаков»<sup>24</sup>. Для нашей темы интересны статьи Я. Тибенского («Славянская идея и начало словацкого национального Возрождения») и статьи Л. Гараксима («Славянская идея в возрожденческой идеологии словаков» и «От славянской идеи Коллара к словацкой самобытности»). Тибенский пишет о корнях идеи родства с другими славянами, показывает эту идею в развитии на начальном этапе Возрождения. Гараксим показывает роль идеи славянской взаимности в постепенном сближении двух конфессиональных лагерей словацкой интеллигенции. Он затрагивает интересный вопрос о сложной эволюции отношения к России у различных представителей молодого поколения после польского восстания 1830—1831 гг., о том, что некоторые из них (Я. Краль) уже в то время проводили резкую грань между официальной Россией и русским народом, прогрессивной общественностью.

Большие пробелы в изучении начального периода восполнил сборник статей, выпущенный в 1964 г. по случаю 200-летнего юбилея со дня рождения видного деятеля словацкого национального движения, стоявшего у его истоков, Антона Бернолака<sup>25</sup>. Сборник имел высокий теоретический уровень. Книга о бернолаковском движении не столько подведение итогов прежним исследованиям, сколько новые интересные исследования историков, литературоведов и языковедов. Она осветила многие неизученные проблемы этого движения, к которому представители буржуазной историографии подходили

с идеалистических позиций (с одной стороны, националистическая и клерикальная публицистика, безоговорочно восхвалявшая деятельность Бернолака и видевшая в ней лишь стремления литературного и языкового порядка, с другой — «чехословакисты, видевшие в нем начало «чехословацкого раскола»).

Очень интересна статья Шписа о развитии капиталистических отношений в Словакии в конце XVIII в. как объективной базе для возникновения словацкого национального Возрождения, насыщенная статистическим материалом о развитии мануфактур, о дифференциации среди ремесленников и крестьян и т. д. Не менее интересна и важна статья Я. Гучко, посвященная характеристике словацкой интеллигенции начала Возрождения с точки зрения ее социальной структуры и происхождения. Статья Я. Тибенского показывает историческую обусловленность бернолаковского движения, в статье М. Вывияловой говорится о деятельности бернолаковцев и сторонников чешского языка (1790—1830) и о первых попытках к объединению словацкой интеллигенции, Я. Новотный пишет о взаимоотношениях чехов и словаков.

Из монографий, посвященных проблемам словацкого Возрождения, на наш взгляд, следует выделить книгу И. Бутвина о словацком национально-объединительном движении, опубликованную в 1965 г.<sup>26</sup> Она интересна использованным в ней богатым источниковым материалом, четкой и убедительной периодизацией<sup>27</sup>, пристальным вниманием к тому, какой вклад внесли все представители словацкой «национально-сознательной» интеллигенции и каждый из наиболее активных ее деятелей. Анализируя отдельно каждый намеченный им период, автор уделяет внимание малейшим изменениям в отношении словацкой интеллигенции к народным, прежде всего крестьянским, массам.

Одной из первых монографий словацких историков-марксистов, посвященной философским взглядам деятелей словацкого Возрождения, является книга Е. Варшовой «Словацкое возрожденческое мышление»<sup>28</sup>. Автор, подробно показывая формирование основных идей программы национального движения и мировоззрения отдельных представителей возрожденческой интеллигенции, особо выделяет определяющую роль в этом процессе таких личностей, как Я. Коллар

и Л. Штур. Не отрицая наличия радикального течения в словацком движении, Варошова весьма убедительно доказывает, что Я. Краль и его единомышленники не выработали своей концепции. Большой заслугой автора является стремление оценить идейную сущность и ценность проблематики словацкого Возрождения с точки зрения высшего критерия европейского прогрессивного мышления того времени. Вместе с тем Варошова правильно подчеркивает, что, рассматривая формирование мировоззрения у отдельных деятелей, нужно исходить в первую очередь из обстановки в их собственной стране, не абсолютизируя влияния иностранных мыслителей.

Первая весьма значительная монография, касающаяся социальной структуры словацкой национальной интеллигенции, опубликована в 1974 г.<sup>29</sup> Ее автор Я. Гучко не только анализирует происхождение и структуру патристической интеллигенции на основании долго и кропотливо собиравшихся им материалов, но и пытается проследить взаимосвязь между социальной структурой и национальной программой словацкого Возрождения.

Появились и интересные работы, посвященные связям штуровцев с другими славянскими народами, например с южными славянами, и о влиянии последних на развитие словацкой литературы<sup>30</sup>. Некоторые новые работы свидетельствуют о возросшем интересе к истории словацкого просвещения<sup>31</sup>.

Вышло много новых и интересных работ об отдельных деятелях словацкого Возрождения<sup>32</sup>, например монография Я. Юричека о Л. Штуре<sup>33</sup>, в которой, несмотря на ее научно-популярный характер, подробно и объективно описываются события с осени 1848 по 1849 г. К сожалению, характеризуя газету «Словенске народне новины», автор очень краток и излагает лишь общеизвестные факты.

Из работ, посвященных Штуру и его деятельности, наибольший интерес для нашей темы представляет монография историка журналистики Фране Руткая о Штуре как основателе современной словацкой журналистики<sup>34</sup>. В этой работе много говорится о том, какое большое значение придавал Штур журналистике, рассказывается о его сотрудничестве с другими славянскими газетами, в частности хорватскими и чешскими, о борьбе штуровцев за политическую газету (хотя, конечно, гораздо короче, чем М. Вывиялова в своей рабо-

те, специально посвященной проблеме борьбы за газету). Ф. Руткай уделяет значительное внимание и газете «Словенске народне новины», однако, исходя из темы своей работы и вытекающей из нее основной задачи — показать Штура как журналиста, он больше занимается Штуром как редактором газеты, тем, как он организовывал и направлял ее работу (что, конечно, тоже весьма интересно для нас), его взглядами на журналистику, чем непосредственным анализом содержания газеты (хотя вкратце касается основных рубрик). Руткай рассказывает также о публицистической деятельности Штура после закрытия газеты. Заметна некоторая идеализация деятельности Штура и газеты, в частности полностью оправдывается ненаступательный характер газеты в последние месяцы ее существования (с марта по июнь 1848 г.), когда активность газеты была нужна больше, чем когда бы то ни было.

Из всего сказанного видно, что литература, непосредственно посвященная газете «Словенске народне новины», немногочисленна. В довоенный период М. Годжа первым обратил внимание на проблематику, связанную с борьбой за газету, и, хотя он лишь мимоходом коснулся усилий, затраченных на ее разрешение, его заслугой является то, что он сохранил для нас тексты таких документов венского архива о Штуре, которые позже сгорели. Й. Шкультеты также сохранил фрагменты из писем современников Штура, позже затерявшихся<sup>35</sup>.

Д. Рапант в двух своих статьях освещал вкратце борьбу за газету<sup>36</sup>. Однако наиболее полное освещение все проблемы, связанные с борьбой за газету, с обсуждением ее языка и программы, а также практической подготовкой к ее изданию, получили в работе М. Вывияловой<sup>37</sup>. Предпосланное публикации документов исследование — это не просто фактографическая работа, это синтез. Очень важно, на наш взгляд, то, что автор, отдавая дань Л. Штуру, его энергии, активности и целеустремленности в борьбе за газету, успешно показывает, какую роль в этой борьбе играли поддержка и советы других, подчас малоизвестных, деятелей. Вывиялова вскрыла сложные общественно-политические условия в Венгрии, неблагоприятные для национального и культурного развития словаков. В то же время, не вдаваясь в пространные комментарии, она критически подошла

к поддержке борьбы штуровцев за газету, например мелким дворянством словацких областей или австрийским министром Коловратом, показывая, какие классовые интересы скрывались за их действиями.

С точки зрения характеристики самой газеты для нас интересны связанные с ее переизданием в 1956 г. статьи Ф. Руткая (где автор дает краткую характеристику основным рубрикам газеты)<sup>38</sup> и В. Матулы<sup>39</sup>. В одной из статей Матулы ставится интересный и важный вопрос о демократизации линии газеты после ее критики зарождавшимся радикальным крылом словацкого национального движения.

Современная словацкая историография сделала большие и важные шаги в изучении проблем словацкого Возрождения с марксистских позиций. Были пересмотрены идеалистические взгляды на Возрождение как процесс, связанный исключительно с развитием языка, литературы, культуры и науки. Был значительно расширен круг изучаемых проблем за счет введения социально-экономической проблематики, изучения социальной структуры и т. д. В последние годы расширяется интерес к изучению истории словацкого просвещения и журналистики эпохи национального Возрождения. Все это говорит о значительности уже достигнутого, указывает на наличие прочной базы для дальнейших успехов в изучении рассматриваемой проблематики.

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

<sup>2</sup> Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVII — 70-е годы XIX в.). — В кн.: VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973. М.: Наука, 1973, с. 132.

<sup>3</sup> Газета выходила в 1845—1848 гг. Ее главным редактором был один из ведущих деятелей словацкого национального движения, Людовит Штур.

<sup>4</sup> Hodža M. Československý rozkol. Turčiansky sv. Martin, 1920.

<sup>5</sup> Skultéty J. 125 rokov zo slovenského života. Turčiansky sv. Martin, 1920.

<sup>6</sup> Janšák Š. Slovensko v dobie uhorského feudalizmu. Bratislava, 1932.

<sup>7</sup> Rapant D. Slovenské povstanie roku 1848—1849. Dejiny a dokumenty. Bratislava, 1937—1972. Sv. 1—4.

<sup>8</sup> Kutnár F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. II. Statní pedagogické nakladatelství, Praha, 1977, s. 428.

<sup>9</sup> Matula V. Revoluce r. 1848—1849 a Slováci.— Historický časopis 1974, N 2, s. 209—225; Kutnár F. Přehledné dějiny... S. 428—429.



- <sup>10</sup> *Rapant D.* Pokrok i spiatočnicstvo v r. 1848—1849.— Slovenská literatúra, 1966, N 1, s. 604—611; Štúr a štúrovci.— Slovenská literatúra, 1965, N 5, s. 437—457.
- <sup>11</sup> Slovenská literatúra. 1965, N 5, s. 448.
- <sup>12</sup> Nitrianské žiadosti r. 1848. Bratislava, 1948; Slováci a slovanský juh r. 1848. Bratislava, 1948; Lúdvít Štúr. Bratislava, 1956.
- <sup>13</sup> *Golaň K.* Štúrovské pokolenie. Vyber z diela. Bratislava, 1964. 410 S.
- <sup>14</sup> *Matula V.* K niektorým otázkam slovenského národného hnutia v 40-ch rokoch XIX storočia.— Historický časopis, 1954, N 2, s. 375.
- <sup>15</sup> *Beder J.* Nastup generacie Mladé Slovensko.— Slovenská literatúra. 1960, N 1, s. 33—52.
- <sup>16</sup> *Štúr L.* Život a dielo (1815—1856). Sborník materialov z konferencie Historického ústavu SAV. Bratislava, 1956. 511 s.
- <sup>17</sup> O vzajomných vzťahoch Čechov a Slovákov. Bratislava, 1956.
- <sup>18</sup> Dejiny Slovenska. Bratislava, 1961, Sv. 1. 580 s.
- <sup>19</sup> Úloha slovenskej historickej vedy v období socialistickej vystavby. Bratislava, 1961. 320 s.
- <sup>20</sup> *Ibid.*, S. 85.
- <sup>21</sup> Slovensko. Bratislava, 1971; Prehľad dejin slovenskej filosofie. Bratislava: SAV, 1965. 856 s.
- <sup>22</sup> *Ludevít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit.* Bratislava, 1969. 510 S.
- <sup>23</sup> Например, статья польского ученого А. Валицкого, анализирующая отношение Штура к славянофилам.
- <sup>24</sup> Slovenství v národním životě Cechů a Slováků. Sborník. Praha, 1968. 501 s.
- <sup>25</sup> K počiatkom slovenského národného obrodzenia. Sborník štúdií historického ústavu SAV pri príležitosti 200-ročného jubilea A. Bernoláka. Bratislava, 1964. 480 s.
- <sup>26</sup> *Butvin J.* Slovenské narodnozjednocovacie hnutie (1780—1848). Bratislava, 1965. 392 s.
- <sup>27</sup> *Butvin J.* Op. cit.
- <sup>28</sup> *Varossová E.* Slovenské obrodenecké myslenie. Bratislava: SAV, 1963. 220 s.
- <sup>29</sup> *Hučko J.* Sociálne zloženie a pôvod slovenskej inteligencie. Bratislava: SAV, 1974. 388 s.
- <sup>30</sup> *Klatík Z.* Štúrovci a Juhoslovánia. Bratislava. SAV, 1965. 200 S.
- <sup>31</sup> *Tibenský J.* Priekopníci slovenskej kultury. Slovenske pedagogické nakladateľstvo. Bratislava, 1975. 314 s.
- <sup>32</sup> Работы М. Коцака, Я. Юричека и Ф. Руткая о Л. Штуре; Р. Браня — о Я. Колларе, Я. Крале и т. д.
- <sup>33</sup> *Juriček J.* Lúdvít Štúr. Bratislava. Tatran, 1971. 226 s.
- <sup>34</sup> *Ruttkay F. L.* Štúr ako zakladateľ slovenskej žurnalistiky. Bratislava. Novinarský študijný ustav, 1966. 225 s.
- <sup>35</sup> *Hodža M.* Československý rozkol; *Skultéty J.* 125 rokov...
- <sup>36</sup> *Rapant D.* Štúrove Slovenskje národné novini. Zapas o ich povolenie. Elan, 1939, t. III—IV.
- <sup>37</sup> *Vyvíjalová M.* Slovenskje narodnjé novini. Boje o ich povolenje: [Študia a dokumenty]. Martin, 1972. 340 s.
- <sup>38</sup> Slovenskje narodnje novini, Bratislava, 1956, t. 1.
- <sup>39</sup> *Matula V.* Snahy o prehlbenie demokratickej linie Slovenských národných novin a formovanie revolučného programu slovenského národného hnutia (1845—1848).— Historický časopis, 1958, N 2, s. 202—223.

**ПОЛЬСКАЯ ПЕЧАТЬ  
О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ  
ГАЗЕТОЙ «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»**

Современная китайская печать чрезвычайно редко проявляет интерес к историческому прошлому народов Европы. Тем более удивительно, что 21, 23 и 30 января 1978 г. орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» посвятила истории польского народа подряд три большие статьи. Одна из них касалась высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса по польскому вопросу, другая — восстанию 1863—1864 гг. на территории Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, а третья называлась «Патриотическое сердце Шопена» и претендовала на освещение национально-освободительных тенденций в польской культуре первой половины XIX в. Чем было вызвано появление этих статей? Неужели главный рупор маоистского гегемонизма вдруг обратился к чисто историческим сюжетам и решил познакомить своих читателей с наиболее яркими страницами героической борьбы польского народа за свою независимость?

Нет, цель «Жэньминь жибао» была совершенно иной. Обращение к польской истории послужило газете лишь в качестве прикрытия для обычных антисоветских инсинуаций, стала средством для еще одной тщетной попытки создать хоть какую-то трещину в социалистическом содружестве. Бесцеремонно фальсифицируя творческое наследие классиков марксизма, выворачивая наизнанку хорошо известные специалистам и многократно проверенные ими исторические факты, анонимные «историки» из «Жэньминь жибао» грубо исказили характер и смысл русско-польских отношений в XIX в. отождествив русский народ с царизмом, они не сказали о тех прочных традициях русско-польского революционного сотрудничества, наличие которых позволило В. И. Ленину еще в 1908 г. высказать пророческие слова о том, что «свобода Польши невозможна без свободы России»<sup>1</sup>.

Ничего общего с наукой статьи в «Жэньминь жибао» не имеют и не могут иметь. Как факты, так и источники подтасовываются китайскими авторами, их смысл и содержание рассматриваются односторонне, а местами

просто недобросовестно. Пекинским газетчикам вовсе не нужна историческая истина, ибо они обратились к мало-знакомому им прошлому польского народа только во имя политических спекуляций современного китайского руководства.

Ответ на выступление «Жэньминь жибао» появился в польском еженедельнике «Политика» от 8 апреля 1978 г., где была опубликована большая и содержательная статья Мариана Турского. Подход китайских газетчиков к истории он справедливо назвал «презентистским», а свою отповедь им удачно озаглавил «Грех презентизма».

«Со смешанным чувством, — заявляет польский публицист, — читаются в Польше перечисленные статьи. Несомненно, радует заинтересованность польской тематикой, проявленная после длительного перерыва печатью далекой и большой страны. Радует статья, восхваляющая нашего великого композитора, особенно после периода, когда китайская печать всячески третировала европейских музыкальных гениев. Мы можем, казалось бы, сделать вывод, что статья открывает путь к исполнению в Китае произведений Шопена... И все же хочется сказать: спасибо. Мы просим и в дальнейшем не забывать о нашей стране, но писать о ней... в несколько иной тональности». И далее М. Турский разбирает статьи «Жэньминь жибао», показывая то, что возмущает в них его самого и других поляков.

М. Турский останавливается главным образом на двух первых статьях «Жэньминь жибао», озаглавленных «Исторический пример о том, как Маркс и Энгельс оценивали расстановку политических сил в Европе» и «Героический период истории Польши». Свое общее мнение о них М. Турский формулирует следующим образом: «История Польши рассматривается в статьях крайне односторонне, в них полностью замалчивается как роль Пруссии в разделах Польши, так и позднейшая германизаторская политика на польских землях. Фактически исторические события являются только предлогом для того, чтобы сделать конъюнктурные выводы. Именно они составляют центр тяжести всей первой статьи, полной разглагольствований об опасностях, которые якобы угрожают народам «третьего мира», а также «Западной Европе, Японии и другим государствам и нациям второго мира» со стороны «социал-империализма» и «но-

вых монархов Советского Союза». Одним словом, история Польши XIX в. понадобилась авторам, чтобы поддержать современную китайскую теорию «трех миров», а также политику «дифференциации» социалистических стран.

Применительно к первой статье речь идет, по мнению М. Турского, не только о неверном изложении исторических событий, но и о сознательном искажении смысла высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса по польскому вопросу. «Забавно и грустно, — читаем в "Политике", — видеть манипуляции, которые осуществляются в статье с цитатами из классиков марксизма, используемыми крайне *односторонне*. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин действовали и писали свои труды в течение трех четвертей XIX и XX столетия. Если исходить из марксистской диалектики, то их толкование событий в Европе и в мире нужно оценивать *конкретно*, т. е. в соотношении с данной ситуацией, с определенной расстановкой сил. Это трюизм, но приходится напоминать о том, что в середине XIX в., когда царизм представлял собой сильнейшее звено так называемого Священного союза, ситуация была совершенно иной, чем в конце XIX и начале XX в., когда царская Россия оказалась самым слабым звеном в цепи империализма и одновременно колыбелью самого развитого рабочего движения. Вместе с изменением исторической обстановки изменялись и объективные *возможности* польского восстания. Не случайно в польской историографии события 1905 г. на польских землях рассматриваются как "первая революция и четвертое восстание", ибо они были продолжением повстанческих тенденций, но в измененных условиях и во взаимодействии с российским рабочим движением».

Конкретизируя обвинение в манипуляции с цитатами, М. Турский приводит пример, связанный с относящейся к 1875 г. мыслью К. Маркса о том, что разделы Польши являются той цепью, которая сковывает между собой три большие военные деспотии: Россию, Пруссию и Австрию. «Лишь восстановление Польши, — заявлял он тогда, — может разорвать эту связь и тем самым смести величайшее препятствие, стоящее на пути к социальному освобождению европейских народов»<sup>2</sup>. «Этот хорошо известный тезис, — пишет М. Турский, — мы находим в статье, опубликованной в "Жэньминь жибао".

Но там нет другого положения, которое в речах и публикациях Маркса и Энгельса все чаще звучит начиная с 60-х годов, положения о взаимной обусловленности независимости Польши и революции в России». И далее польский публицист приводит ряд подтверждающих это высказываний основоположников марксизма, в том числе фрагмент из письма К. Маркса к Ф.-А. Зорге 27 сентября 1877 г. о том, что «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции [...] В данный момент все зависит от того, будут ли поляки (в Царстве Польском) вести себя смиренно. Только бы там не было никаких мятежей в данный момент! А то Бисмарк тотчас же вторгнется туда, и русский шовинизм снова окажется на стороне царя. Если же поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петербурге и Москве, и если Бисмарк выступит тогда в качестве спасителя, то Пруссия обретет... свою Мексику»<sup>3</sup>. Что касается В. И. Ленина, отмечает далее М. Турский, то он в работе «Национальный вопрос в нашей программе» следующим образом определил совместную задачу польского и русского рабочего класса: «Мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»<sup>4</sup>.

История, как правильно пишет М. Турский, подтвердила предсказания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Эти предсказания основывались на глубоком и всестороннем анализе исторической обстановки, китайские же толкователи искажают как слова основоположников марксизма, так и суть дела. «Освещая только одну сторону проблемы, — заявляет М. Турский, — а именно борьбу польского народа с царизмом и оставляя в тени его борьбу с Пруссией и Австрией, вылившуюся в краковское, познанское и силезское восстания, статья "Жэньминь жибао" вскрывает перед читателями лишь часть исторической истины. Раскрытию истины в целом не способствует и умалчивание о том, что русские коммунисты всегда осуждали политику царизма в отношении к польскому народу».

Представляется весьма симптоматичным, что, под-



тверждая этот свой тезис, М. Турский обращается к советско-польскому научному сотрудничеству в разработке истории национально-освободительной борьбы польского народа. «Совершенно не случаен, — заявляет он, — тот факт, что полное издание документов о восстании 1863—1864 гг., начатое в 1957 г. и включающее архивные документы на языке оригинала, осуществляется совместно польскими и советскими учеными (основными соиздателями являются Институт истории Польской академии наук и Институт славяноведения и балканистики АН СССР)»<sup>5</sup>.

То, что подмена истины полуправдой не является лучшим методом, М. Турский подтверждает и на примере, взятом из китайской истории. Он пишет при этом об отношении, с одной стороны, германского правительства, а с другой — немецкого народа к антиимпериалистическому и антифеодальному восстанию, вспыхнувшему в Китае в 1898 г. Кайзер Вильгельм приказал своей армии подавить восстание, действуя подобно гуннам Атиллы, а социалист Август Бебель и передовые люди Германии осуждали эту политику и сочувствовали восставшим. Следовательно, заявляет М. Турский, внутри немецкой нации было два диаметрально противоположных подхода к этим событиям. «Нужно ли, — пишет польский публицист, — после этого повторять, что историк, а особенно историк-марксист должен избегать полуправд и презентистского толкования истории?»

\* \* \*

Отповедь, которую польская газета дала фальсификаторским ухищрениям из «Жэньминь жибао», вполне убедительна. В качестве дополнения к ссылке М. Турского на результаты сотрудничества советских и польских историков, можно было бы назвать ряд совместных или координируемых работ, посвященных польской истории, а также связям и взаимоотношениям народов Польши и Советского Союза. Ограничимся здесь лишь двумя крупными обобщающими трудами, вышедшими в последние годы: «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917» (М.: Наука, 1976); «СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность» (изданы параллельно в Москве и Варшаве — т. 1 в 1977 г., т. 2 в 1978 г.). По своему содержанию, авторскому составу и способу подготовки эти

труды представляются нам еще одним весомым аргументом в споре польской «Политики» против пекинской «Жэньминь жибао».

Историческая наука в КНР всегда была теснейшим образом связана с политической линией пекинского руководства. Очередная ее переориентация, начавшаяся в 1976 г., ознаменовалась определенным оживлением научных исследований, в том числе и по всеобщей истории<sup>6</sup>. Неизменная и все усиливающаяся антисоветская и антирусская направленность составляет характерную черту появляющихся книг и статей исторического содержания. Статьи «Жэньминь жибао» по польскому вопросу весьма отчетливо подтверждают эту общую тенденцию.

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 269.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 555.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 230.

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 242.

<sup>5</sup> Речь идет о документальной серии «Восстание 1863 года: Материалы и документы». По состоянию на 1 августа 1980 г. вышли в свет 22 тома этой серии, 1 находится в печати и 2 — в стадии подготовки.

<sup>6</sup> См.: Вяткин Р. В. Историческая наука в КНР на современном этапе.— Вопросы истории, 1979, № 2, с. 67—83.

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . .	3
-----------------------	---

### I. ОРГАНИЗАЦИИ И ЦЕНТРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

М. А. Робинсон. Международный комитет славистов: к итогам XIII Международного съезда славистов . . . . .	6
М. Н. Кузьмин, Я. А. Ляткер. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур . . . . .	15
Н. А. Прокофьева. Международная комиссия по истории славистики . . . . .	32
Д. Ф. Поплыко. Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы . . . . .	44
Е. Л. Валева. Международный славистический центр в Белграде . . . . .	54
Н. А. Богаева, И. С. Максutow. Международный комитет по изучению Советского Союза и Восточной Европы . . . . .	63

### II. СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Д. Ф. Поплыко, И. А. Калужская, К. И. Логачев, И. Л. Фадеева. Об изучении балканистики в Балканских странах. . . . .	72
Г. К. Венедиктов. Центр болгаристики при Болгарской академии наук . . . . .	101
Н. А. Богаева. Развитие сорабистики в ГДР . . . . .	105
В. И. Беляева. Американская ассоциация содействия славянским исследованиям (1971—1976 гг.) . . . . .	109

Н. А. Богаева. Западногерманский журнал по восточноевропейским исследованиям . . . . .	113
А. С. Мыльников. Славяноведение и балканистика в Австрии. Некоторые вопросы организации исторических исследований . . . . .	116
Н. А. Богаева. Институт по изучению Дунайского пространства . . . . .	129
Н. П. Митина. Изучение истории Польши в Великобритании . . . . .	131
В. И. Беляева. Славяноведение и восточноевропейские исследования в Нидерландах после второй мировой войны . . . . .	144
В. И. Беляева. Славянские исследования в Австралии . . . . .	148

### III. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

О. Н. Решетникова. Некоторые проблемы создания и развития Отечественного фронта Болгарии в 1942—1948 гг. в освещении болгарской историографии . . . . .	153
В. И. Беляева. Англо-чехословацкие отношения в период так называемого судетского кризиса 1938 г. в освещении буржуазной историографии Великобритании . . . . .	161
Н. В. Ерш. Французский историк о связях правящих кругов буржуазной Чехословакии с масонством. . . . .	172
Г. Ю. Харциева. Проблемы национального Возрождения в словацкой историографии . . . . .	178
В. А. Дьяков, Н. П. Митина. Польская печать о фальсификации истории Польши газетой «Жэнь-минь жибао» . . . . .	192

**Славяноведение  
и балканистика  
за рубежом**

Утверждено к печати  
Институтом славяноведения  
и балканистики  
АН СССР

Редактор издательства

**Г. В. Моисеенко**

Художник

**Н. А. Фильчагина**

Технический редактор

**Ф. М. Хенох**

Корректоры **Ф. А. Дебабов, Р. В. Молоканова**

Т.

ИБ № 18250

Сдано в набор 22.05.80

Подписано к печати 11.09.80

Т-12755. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>

Бумага типографская № 1

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 11,3

Тираж 1650 экз. Тип. зак. 3214

Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10



